

ВЛАДИМИР КОЧЕРГИН

СУДЬБЫ, КАК ЕСТЬ

Владимир Кочергин

Судьбы, как есть

«Этерна»

2014

Кочергин В. В.

Судьбы, как есть / В. В. Кочергин — «Этерна», 2014

Там, где рождается солнце над Россией, с острова Сахалин, наши главные герои романа детективного жанра. Три офицера, прошедшие трудными дорогами войн и испытаний вместе с двумя опальными офицерами из МУРа, волей судьбы вступают в трудное расследование по разоблачению жестоких убийц банды «Князя», специализируемой на угонах автомобилей и захвату недвижимости. Спустя тринадцать лет семью полковника запаса Шмелева постигает страшное горе – от рук грабителей-убийц погибает его младшая дочь Ольга Карделли, зять Тьерри и их трехлетняя дочь Элиза. Расследование заходит в тупик. Невероятными усилиями и лишениями потерпевший Шмелев пытается довести дело до логического конца, раскрыть тайну страшной ночи с 19 на 20 апреля 2009 года – в год Быка. Ворошиловский стрелок новой формации проходит через череду систем правосудия, встречая безразличие, хамство и опалу, но так же находит при этом новых друзей и новые силы. Погони, драки, боестолкновения, предательство, любовь и преданность – все есть в романе, а главное – есть то, как можно победить и выжить, оставаясь человеком. Роман основан на реальных событиях, но большинство имен и фамилий – вымышленные или изменены, а места действий случайные.

© Кочергин В. В., 2014

© Этерна, 2014

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	44
Глава 5	48
Глава 6	53
Глава 7	57
Глава 8	64
Глава 9	70
Глава 11	84
Глава 12	90
Глава 13	95
Глава 14	106
Глава 15	112
Глава 16	118
Глава 17	127
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Владимир Кочергин

Судьбы, как есть

Часть первая

Три офицера

Памяти моих боевых друзей посвящаю

Глава 1

Памяти моих боевых друзей посвящаю

Артем Шмелев.

Туман медленно расходился.

– И надо же было так угораздить, лежать здесь одному, – силился вспомнить подробности выдвижения Артем Шмелев, но это ему давалось с трудом. От напряжения еще больше заломило виски и затошнило. – Где ребята?

Он попытался подняться, но острая боль под правой лопаткой пронзила плечо и бросила его обратно. Туман будто навалился на него, как снежный ком, забивая рот и не пуская в грудь воздух, казалось, так необходимый сейчас, чтобы все понять, что же все-таки с ним произошло?

– Наверно, я ранен, – подумал Артем. Он глубоко вздохнул и снова ощутил разламывающую боль в плече. Его глаза разглядели стволы деревьев, ноздри втянули запах гари, и он вдруг начал вспоминать, как их рекогносцировочная группа получала задачу от начальника штаба на выдвижение и как всё, несмотря на спешные сборы, начиналось нормально, по-боевому, и не предвещало такой быстрой беды. Почему-то ему сквозь картины выдвижения вспомнился анекдот, который рассказал ротный перед выездом, и они дружно смеялись, хотя, что в нем такого смешного.

– Вечером в квартиру гражданина Иванова вошли двое, сказали, что из военкомата, – рассказывал ротный, – и забрали в Армию деньги, золото, видеомагнитофон и телевизор.

Илья Касьян, лучший друг Артема, рассказывая боекомплект в карманы разгрузки, шутил по поводу новенькой медсестры, появившейся вчера на базе с прилетевшей парой вертушек из Моздока. Это была очень полная молодая особа, но симпатичная на мордашку. Улыбалась она во весь свой рот, рассказывая о том, как долетела. Такая уверенная в себе сестрица, казалось, что приехала не на войну, где, кстати, и убивают порой, а на встречу к своему любимому. А, может быть, так оно и было? Кто знает?

– Вот это корма, мужики! – говорил Илья. – Такую площадь и в полтора месяца не изучишь. – Все засмеялись. А Илья вдруг насупился и замолчал. Артем тогда понял, почему осекся на полуслове Илья, а потому, что он никогда, даже в Афгане, сам не любил таких разговоров, когда дело касалось девчонок, которые служили там и которых многие за глаза часто называли «чекисками». Якобы приезжают они на войну только ради бабок, чеки заработать, среди мужиков пофлиртовать и отвалить домой. Он, видимо, вспомнил, как тогда после тяжелого ранения его несли на носилках не парни из разведки, а девчонки, две хрупкие девичьи фигурки, до вертушки и после ее приземления. А кто ему перевязки щадящие делал, кто уколы не больно ставил, кто в операционной работал ассистентами у хирургов?

Губы как будто хрустели, когда Артем начал их облизывать. Хотелось пить. «Вот они вышли колонной на опушку леса, – вспоминал дальше Шмелев, – его бронетранспортер шел

первым, до Бамута оставалось совсем ничего, и вдруг этот удар, вспышка и тьма. А где же второй бронетранспортер? Куда он делся? Где все ребята?»

Сознание произошедшей, еще пока не совсем понятной трагедии заставляло напрягать память, попытаться встать и разобраться. Артем, преодолевая боль, все-таки смог подняться и пошатываясь подойти к дымящему бронетранспортеру. Все три офицера, находившихся с ним на броне, теперь неподвижно лежали на земле недалеко друг от друга. Духи их, видимо, добивали, бронезилеты и оружие отсутствовало. Издевательств не наблюдалось, но прострелены в упор они были конкретно, а майор Тонов так был изрешечен, что узнать его можно было только по кроссовкам. Страшно почему-то не было, было одиноко и обидно до слез. Вдруг он отчетливо услышал свое отчество. Это был голос Ильи. Это он не дал этим шакалам, как выяснится позже, добить Артема, Это он вместе с радистом сержантом Грязновым, теперь уже неподвижно лежащим на спине, успел соскочить со второго бэтера и завалить духа с гранатометом, успевшим все-таки перед своей смертью выпустить гранату в борт притормозившей машины. Артем еще при выдвигении из Асиновской понял, что у второго бэтера движок «говно», хотел вернуться, да Ильюха заверил, что ничего, разбежится. Но он не разбежался, а все тормозил ход и отставал.

Пока Илья с Грязновым завалили еще двоих боевиков в кустарнике и обходили просеку, духи успели добить ребят и, оставив прикрытие, быстро отойти.

– Разрыв гранаты, товарищ полковник, – сказал Илья, пошатываясь и держась левой рукой за живот, – был совершенно неожиданным и ненужным.

Илья хоть и был ранен в живот, а все-таки шел к Артему, чему тот был очень обрадован. Сознание Илья не терял, но двигался с трудом, а потом присел, опустившись на колени в пяти шагах от Артема. Немного раньше он успел выйти на связь и доложить начальнику штаба о нападении боевиков, а тот пообещал ему прислать подмогу. Когда полковник Шмелев начал понимать, что с ними произошло, уже две БМП (боевая машина пехоты) «летели» с десантом на выручку. Благо было недалеко от Асиновской, всего-то чуть больше шести километров.

– Ну, все, полковник, – сказал, улыбаясь сквозь усиливающуюся боль Илья. – Будем жить, если не помрем!

Артем взглянул на бегущих бойцов от подъехавшей бээмпешки, хотел что-то сказать Илье, но не успел и потерял сознание. Когда его на носилках заносили в хирургическую, он уже, придя снова в себя, увидел, что у капитана-хирурга ассистентом была та самая, приехавшая вчера новенькая медсестра из Моздока.

Операция длилась около трех часов. Не зря командующий недавно вручил хирургу орден «Мужества». Вытащил хирург, не без помощи новенькой ассистентки, у Артема этот чертов осколок. О чем, конечно, Артем смог узнать только после пробуждения от общего наркоза, уже в отдельном медицинском батальоне специального назначения. На его вопрос: – «Где подполковник Касьян?» – ответ был коротким:

– Он умер.

Все тело, которое болело и ныло, стало как огненный шар, и что только смог почувствовать в этот момент Шмелев, так это острую боль в зубах от сильно сомкнувшихся челюстей. Погиб его сослуживец, его бывший командир разведроты полка, его друг, помощник и спаситель. Как узнал Артем позже, Илья скончался от потери крови. Для переливания ему нужна была четвертая группа крови, резус отрицательный. Долбанное государство, вечно чего-нибудь, да не хватает. Бойцов, сказали, с такой группой крови не нашлось. И когда стала потихоньку уходить своя боль, Артем все чаще стал ощущать боль потери всех, кто погиб из их группы, но особенно он страдал от потери друга Ильи. Из десяти ушедших на рекогносцировку продолжал жить только он один, Артем Шмелев, которому Бог приготовил еще немало испытаний в судьбе за ту, видимо, удачу остаться тогда в живых, за счастье продолжать жить.

Последнее время у него все чаще возникали в голове мысли, а так ли он проживает эту жизнь? Кому нужна такая война, которую почему-то войной назвать не хотят? Почему кто-то тут в грязи ковыряется и ест, что попало, выполняет команды и приказы, зная об их абсолютной порой никчемности и бестолковости, а там, в Москве, «жируют» спокойно, и всё у них мирно, по-другому. Там нет войны! Понятно и непонятно, кому нужна эта война? Для него это бесконечная дорога, на которой, один к одному, лежат убитые солдаты, контрактники, офицеры, и давит их тяжелый асфальтовый каток, а впереди него идут два мужика во фраках и с грабельками, собирают стодолларовые купюры, ворочая «двухсотых» (мёртвых). И не дай-то Бог, что-то да останется для тех, кто с трупами будет возиться позже.

Артем затянулся сигаретой. Как дым, хотел прогнать назойливые мысли, но снова погрузился в это бесконечное почему.

Конечно, он знал о том, что эту бойню устроили с «легкой» руки президента Ельцина и Министра обороны Грачева, что войск на театре военных действий недостаточно. Надо, как он как-то недавно считал, добавить еще не менее трех мотострелковых дивизий, чтобы перекрыть беспрепятственное брожение боевиков из одного населенного пункта в другой. Тех пятьдесят тысяч разбросанных по всей Чечне войск явно не хватало для доведения этого страшного месива жизни и смерти до какого-то логического конца.

– Да, я офицер, и это моя профессия – воевать. Не смогут солдаты одни, без командиров, победить. Восемнадцатилетние пацаны не должны быть брошены в пекло без отцов – офицеров. Хотя бросили нас тут всех конкретно. Техника по многим параметрам устарела, и одежда желает быть удобней и теплей, не говоря уже о питании. Вертушки по два срока без регламентных работ. А где новые хваленые вертолеты «Акула», где новые БТРы и танки, где новая оптика, где точечные удары ракетами по базам боевиков, явно выявленных в горах? Куча где, а толку ноль. Опять на энтузиазме, на чести, на боевом братстве, порядочности, ну все, как в сорок первом году. Только там умирали за Родину, а тут за что? Приказ! Для офицера это важно. Деваться некуда, такая профессия. Эх, дожить бы до замены. Вернуться домой, уволиться и на гражданку, как это сделал его однокашник и земляк, друг, полковник запаса Виктор Зеленин. Живет себе в деревне под Владимиром и ни во что не дует. Было бы за что держаться Артему в службе. Оклад всего-то двести пятьдесят долларов, квартиры нет, жена в другом городе проживает, постоянные командировки и сплошные разлуки. Хорошо помог, совсем недавно, генерал Васильев Владимир Абдуалиевич с милицейской общагой. Хоть и кухня на две семьи, но появился свой отдельный угол. Снова, как в лейтенантские годы, проблема с жильем. Придешь в магазин и смотришь на ценники, что бы подешевле взять, да денег, чтобы хватило рассчитаться у кассы. Одна гордость, что смог в этой жизни научиться с трудностями бороться, смог доказать сам себе, что не струсил в бою, не предавал друзей, не тащил у солдат, не прятался за их спины. Да родители при жизни тобой гордились. Сын то у них не хухры-мухры, а офицер, полковник! То комбат, то комполка, то начальник штаба дивизии, боевой офицер, награжден орденами и медалями. И, конечно, гордились им родители и любимые, конечно же, только сочувствуя, они и могли представить себе, каким трудом давались звания и награды на нелегкой армейской службе их Артему.

* * *

Палата была маленькая, но в ней было тепло, да сосед тихий и нормальный попался. Медсестра Оля уколы делала быстро и совсем не больно. Завтра, как сказал доктор, полковника Шмелева отправят в Главный клинический госпиталь Внутренних Войск МВД России, в Реутов. Офицерская палата на втором этаже имела три металлических солдатские кровати, выкрашенные в серо-стальной цвет, заправленные темно-синими одеялами, три тумбочки для личных вещей больных, на которых лежали большие фарфоровые белые тарелки, в них по два

граненых стакана. У окна стоял небольшой столик, где в такой же тарелке размещался двухлитровый графин. Платяного шкафа не было, а вместо него висела солидная из дюралюминия вешалка с шестью крючками для одежды и платформы для головных уборов. Под вешалкой стояли почему-то всего две табуретки.

Сосед по палате был ранен в правую ногу, а точнее сказать, имел обширный разрыв мышцы бедра. Майора из Московского ОМОНа звали Артур, это был небольшого роста офицер, крепкого телосложения, и на вид ему было не более тридцати пяти лет. Пока он еще не успел ничего о себе рассказать и после чистки и штопки раны спал как убитый, а потом все больше задавал вопросы Артему. Чувствовалась в майоре логическая связка построения предложений в вопросах и ответах, в этом Шмелев не ошибся, майор имел юридическое образование и несколько лет работал следователем при прокуратуре Юго-восточного округа Москвы до перехода в отряд особого назначения. Что вынудило следователя уйти в боевое подразделение? Он не говорил. Артем Викторович Шмелев был старше своего соседа лет на десять, однако на первый взгляд они не сильно отличались по возрасту. Артему вставать без помощи сестры было категорически запрещено, и к ним обещали вместо убиенного подполковника из Софринской бригады поселить ходячего, чтобы мог как-то оказывать помощь в просьбах неходячих. Артем молчал, закрыв свои серо-голубые глаза, при этом нахмуря черные брови, в которых, как и в его усах, уже стали появляться седые волосы. Его заостренный с горбинкой нос не сильно выделялся на лице, он плавно смыкался с усами. Усы соединялись с интеллигентной черной бородой, и все это в комплексе, кроме русых волос, напоминало все-таки лицо человека кавказской национальности. Без бороды Артем бывало, по молодости, был похож на поэта Лермонтова, так его называла соседка в «монгольском» гарнизоне Чойера Галина Андреевна Гончар.

Артем лежал и представлял, как в госпитале к нему приедет жена, дочка и, конечно, внучка Ира. Комок волнения подступил к горлу и заставил погрузиться в те уже далекие семидесятые годы, в ту лирику и точку отчета его любви, а именно в первую встречу с человеком, которого полюбил, можно сказать, с первого взгляда, и на всю жизнь.

Людмила.

Учеба на втором курсе в Омском танкотехническом училище подходила к концу. В одно из воскресений июля 1970 года Артем приехал вместе с курсантами училища к дому культуры «Красная Гвардия» подшефного танкового завода имени Октябрьской революции, где их ждали два автобуса от завода для агитбригады. Выезд планировался в один из районов омской области с концертной программой для сельских жителей. Танцевальная группа была не маленькая, около двадцати человек, курсантов было восемь. Дело в том, что этот танцевальный коллектив плясал и для дома культуры, и для училища. Так по совместной договоренности начальника политического отдела училища и руководства завода была создана танцевальная группа. Девочки городские, а мальчики от военного училища. Все курсанты, несмотря на то, что в неделю они два-три раза оставались без самоподготовки, без ужина, учились все-таки хорошо. Такие условия диктовали и их командиры. – «Нам ваши пляски по барабану, пляшите и не забывайте, что вы такие же, как и все остальные курсанты, только спрос с вас двойной, хорошо учиться будете, то и плясать будете». Плясали парни красиво и с удовольствием, предварительно пройдя три репетиции отбор, где из двадцати двух подобранных курсантов в ротах первого и второго курса балетмейстер оставила восемь человек. В репертуаре у коллектива было 12 танцев. Балетмейстер Людмила Кольцова была профессионалом своего дела и до того, как вести этот танцевальный коллектив, плясала солисткой в Ленинградском мюзикхолле и Омском русском народном хоре. Людмила гоняла всех до седьмого пота и, кроме того, смогла создать хорошую дружескую обстановку между девушками и парнями. Для курсантов это была отдушина от казарменной жизни, а самое приятное – научиться по-настоящему тан-

цевать и общаться с девчонками. За год в коллективе появилось четверо влюбленных пар, три из них так и пошли потом вместе по нелегкой офицерской жизни.

У Артема будущая невеста жила на Сахалине, где училась на стоматолога, и тоже на втором курсе, только медицинского училища. По выпуску они и их родители планировали сыграть свадьбу.

Погода была хорошая, не душная, хоть и ярко светило солнце. Артем услышал сигнал автобуса и рванулся от киоска, в котором он хотел купить мороженое. Этот рывок и заход не в свой автобус переменял все его планы на будущее с той, что писала ему хорошие душевные письма, верно ждала его в отпуск и надеялась на взаимную любовь.

– Какой курсантик молодец! С нами решил прокатиться? – улыбаясь, сказала одна из женщин, сидящая в автобусе у двери.

Артем недоуменно оглядывал пассажиров автобуса:

– Опаньки, прошу прощенья, не туда влетел, – сказал Артем, пытаясь развернуться на ступеньках у двери.

– А что с нами-то ехать не к лицу или мы не так красивы? – поддержала свою соседку симпатичная дама лет тридцати пяти.

– Да, я, я... – попытался что-то возразить Артем

– А ты не стесняйся, курсант, мы тебя в обиду не дадим, а девчата у нас не хуже ваших балерин.

В этот момент глаза Артема встретились с глазами молоденькой девушки, сидящей на втором сидении справа по ходу автобуса. Это были удивительные и необъяснимо добрые и притягательные глаза, а лицо было такое милое и красивое, что он не смог скрыть своего восхищения, и ему показалось, что она улыбнулась ему.

Водитель завел двигатель автобуса. Женщины, что постарше, дружно засмеялись. За спиной у Артема захлопнулись дверцы.

– Вот ты и попался, – сказала симпатичная веселая дама.

– А что мне бояться, с вами и поедем, – отчеканил вдруг Артем.

– Нас послушаешь, себя покажешь, а то глядишь, кому-нибудь и приглянешься. Свадебку сыграем да водочки попьем. Проходи, располагайся.

Все снова засмеялись. Артем, не раздумывая, прошел и сел на свободное сидение сзади той девушки, которая ему так сразу запала в душу. Только зачем он это делает, ведь его ждут в том автобусе, а здесь он никого не знает. Он почувствовал всю нелепость своего поведения. Разум его говорил:

– Быстро встал и вышел.

Внутренний же голос подсказывал:

– Сиди!

Кто-то забарабанил в двери в тот момент, когда водитель уже включил первую передачу. Открылись створки, и появилась голова сержанта Горелова.

– Ну, ты даешь «копоти», Артем, мы его ищем, а он тут пристроился. Давай вылезай, поехали к нам! – кричал Николай.

– Я поеду здесь, – сам не поняв, что «ляпнул», ответил Артем.

– Хватит там разбираться, – заворчал водитель.

Сержант еле-еле успел убрать голову обратно. Автобус тронулся и быстро стал набирать скорость. Горелов в окно автобуса показал кулак Артему и побежал к своим, во второй автобус.

Автобус уверенно катил по омским улицам. Артем смотрел в окно и скучал, проклиная себя за то, что так все вышло.

Один из сидевших в салоне мужчин достал баян и заиграл такую душевную мелодию, что сразу захотелось услышать песню. И она полилась:

– А деревень так много на России,
Стоящих возле пыльных большаков.
Красивые девчата городские,
Не отбивайте наших женихов.

О, как пели эти заводские девчонки! Как они пели! Артем думал только о том, как бы ему заговорить с той, что сидит впереди него. Поймав себя на этой мысли, он пошел в атаку.

– Девушка, вы на концерте будете петь эту песню?

– Будем, – сказала она

– А как вас зовут?

– А какое тебе дело до нас? Если скучно, так шел бы себе к своим девочкам-танцоркам, – сказала белокурая, тоже симпатичная девушка, сидящая рядом с объектом его внимания.

– А вот Вас-то, девушка, я знаю, как звать. Наташа! Правильно?

– Правильно. Только не надо подслушивать.

– А я и не подслушивал, просто вы похожи на Наташу, вот и все. Артем лукавил, он слышал, как ее называла подружка еще до того, как они запели.

Наташа ничего не ответила. Она что-то начала шептать подружке на ухо.

– Да, дела! – подумал Артем – ехал бы себе со своими девчонками, и никто бы не грубил. Он явно начинал злиться на эту блондинку.

– Девушки, а девушки? Это что же мы такие строгие? Сами меня оставили и сами недовольны. Как все-таки зовут вашу подружку, а, Наташа?

Наташа оглянулась, и зло проговорила:

– Да пошел ты...

– О, как я начинаю понимать, ваша подружка своего слова не имеет, начиная раздражаться открытым пренебрежением к нему блондинки сказал Артем.

Наташа снова повернулась. Ее огромные карие глаза искрились и метали молнии, так не шедшие к ее чертовски красивому кукольному личику. От злости ее носик, казалось, еще больше заострился, губки надулись. Артему стало смешно, и он открыто улыбался.

– Люда ее зовут. Только отстань, – сказала она и отвернулась.

– Спасибо! Люда! А можно вас побеспокоить еще одним вопросом?

Артем себя не узнавал. Обычно более сдержанный с девушками, он сегодня шел, как танк, напролом, при этом удивляясь самому себе. Какой же он сегодня смелый! С чего бы это?

Далее произошло совсем непредвиденное. Артем не слышал, что сказала Люда Наташе, но Наташа недовольно фыркнула, поднялась и демонстративно пересела на другое место.

Артем как будто этого и ждал, и он сразу занял ее место. А когда повернул лицо к Людмиле, то увидел в ее глазах нескрываемое удивление.

– Вы всегда так знакомитесь с девушками? – сказала она

– Нет. Так первый раз в жизни.

– На этот раз вам не повезло?

– Люда, извините меня, но я остался в автобусе, как я сейчас это понял, только из-за того, чтобы увидеть еще раз ваши глаза. Они такие добрые, не то, что у вашей подружки. Да, кстати, меня зовут Артем.

– Приятно. Однако зря так о Наташе. Она из-за вас ушла.

– А я думаю, она правильно сделала. Скажите, что вы читаете?

– Это Гончаров, «Обыкновенная история». Очень интересная книга.

Люда изучающе посмотрела на Артема и подумала: «А он вроде ничего, этот курсант, не страшен, как сказала о нем подруга. И почему я должна кого-то слушать, кого мне выбирать, с кем говорить? Все равно еще ехать долго». Подумав, она стала рассказывать сюжет прочитанного, стараясь придать значимость повести в жизни.

Так начиналась новая повесть. Повесть о том, как бесповоротно влюбился молодой человек из далекого Сахалина в семнадцатилетнюю омскую девушку.

Артем слушал, а сердце его колотилось в бешеном ритме. Невероятные чувства рождались в нем от каждого слова этой красивой девушки, с каждым ее движением. Было удивительно хорошо просто сидеть и слушать. Артем же рассказал о том, какой у них замечательный замполит батальона, майор Крупский, и как здорово он проводит политинформации и лекции.

– У него на лекциях никогда никто не спит. Крупский мастерски приводит примеры из жизни. Однажды рассказал он всем нам вкратце два фильма, что посмотрел за выходные в клубах и кинотеатрах Омска, а именно «Офицеры» и «Неподсуден». Прихожу я в увольнение, – рассказывал Артем, – в кинотеатр «Октябрь», а там почти все увольняемые роты в зрительном зале. Посмотрели мы фильм «Офицеры» – понравился. Не обманул Крупский. Рванули в другой клуб на фильм «Неподсуден», и этот фильм был очень хороший. Вот это мастер слова! Мы всегда ему верим.

Артем замолчал, глянул на Люду, которая внимательно его слушала, и, воодушевленный, начал рассказывать эпизоды, увиденные в этих фильмах. Минут через двадцать, поняв, что полностью увлекся, спросил:

- Люда, а расскажите что-нибудь о себе.
- А что мне рассказывать?
- Где вы учитесь?
- Я не учусь, я работаю на танковом заводе.

Потом она говорила, что живут они вдвоем с мамой у ленинского рынка, и отца она не помнит.

Артем не слушал, а глотал каждое слово. Голос ее был нежный и приятный. Он готов был слушать ее бесконечно, лишь бы быть рядом. Но время шло быстро, и они въезжали уже в поселок – районный центр, где их ждали труженики села в клубе.

На время концерта у Артема будто выросли крылья, плясал он в этот раз лучше всех, с улыбкой, лихо и задорно. А когда он слушал, как пели заводские девчата, конечно, те песни, где пела Людмила, он просто утопал в какой-то необъяснимой блажи. И, конечно, самой красивой была та, что ехала с ним в автобусе.

Обратно Артем ехал в автобусе со своей танцевальной группой, где над ним подшучивали ребята. Напарница по двум танцам явно его приревновала. Вера была хорошая девушка и плясала она легко, пластично. Она давно готова была начать дружбу с Артемом, но все у них как-то не клеилось. Зная, что Артема дома ждет девушка, она комплексовала, ставя себя на ее место. Артем Веру уважал, заступался за нее, ограждал от ухаживаний других, но не провожал ее домой, поцеловал-то всего один раз в щечку на ее день рождения и все.

Сначала было даже интересно оправдываться шутками да прибаутками, а потом Артем загрустил, так ему сильно хотелось туда, где заводские девчата, юморные тетки, где есть его новая знакомая, не похожая ни на кого во всем, наверно, мире.

И будто бы услышав его желание, автобус остановился, не проехав и получаса, у озера. Все высыпали дружно из автобусов, прихватив с собой приготовленные винно-водочные и продуктовые припасы. Расстилали скатерти на траве, выставляли бутылки, консервы, помидоры, огурцы, резали сало, колбасу и громко, воодушевлено говорили. Курсанты от домашней пищи просто «балдели». Выпили за успешный концерт, Артем для храбрости целый стакан «долбанул» портвейна № 77 и тихонько отошел от стола, удаляясь к шумной компании заводских, которые дружно рванули к озеру купаться.

Она была одна и снова читала свою книжку. Разговор, к сожалению, не получался, и выручили, сняв натянутую обстановку, вернувшиеся после купания женщины. Женщины обрадовались появлению Артема, хваля его за танцы, налили полстакана водки ему и, себя не забыв, дружно выпили за любовь.

Поблагодарив за угощение, Артем уверенным шагом подошел к своим и объявил о решении ехать в Омск с заводскими. Уходя к автобусу, его абсолютно не интересовало и не волновало чье-либо мнение о его поведении, что якобы он предательски бросил их коллектив и ушел к заводским.

Артем и Люда возвращались в Омск на том же автобусе, на тех же местах. Вначале что-то говорили, а потом она, слушая его, вдруг тихонько прислонила свою голову к его плечу и задремала. О, как он был этому рад! К тому времени пение и музыка в салоне закончились, и уставший народ спал.

Артем боялся пошевелиться. Так они и въехали в Омск. Хмель прошел, чувства к этой девушки, которая только что нежно посапывала у его плеча, были неопишутемы. Такого он еще никогда не испытывал. «Я влюбился, но как это все объяснить, как об этом сказать? Хочется кричать: «Девушка, вы мне нравитесь! Я Вас люблю!» Но как это люблю? Знакомы-то всего ничего. И вообще у него есть девушка, которая говорила ему, что любит, она пишет регулярно письма, встречается, хоть и изредка, с его родителями. Одним словом, его ждут дома на Сахалине». Это вдруг всплыло у него в затуманенной любовью голове. Размечтался в мыслях своих Артем о взаимности и близости к Людмиле, забыв о том, что девушке всего-то семнадцать лет, и он настоял-таки проводить ее домой, ну хотя бы один квартал. К его же внутреннему только удивлению, Людмила согласилась. Это для него тогда была сильная победа.

Наталья шла с одной из женщин концертной труппы. Когда Артем попросил у Люды дать ему номер телефона, то ему отказа не было. И это была «великая победа»! Как только он закончил писать номер телефона и поблагодарил Людмилу за знакомство и проведенное время, то услышал недовольный голос Натальи:

– Люд, прекрати парню мозги пудрить и догоняй, я пошла домой.

– Сейчас догоню, – ответила Людмила.

Артем, не сознавая, что делает, резко обнял Людмилу и поцеловал ее в губы.

– Ну, ты даешь! – сказала она и отстранилась. – Мы так не договаривались. Быстро, шустро, как танк. Прощайте, я пошла.

Она резко повернулась и быстро зашагала догонять Наталью.

Артем стоял довольный и улыбался. Он был счастлив!

– Я позвоню, я обязательно позвоню, – кричал он ей вслед.

Впереди ждала казарма, курсантские будни и, видимо, тоска по этим глазам, по этой загадочной улыбке. Вот оно это настоящее! Вот те чувства, которые разрывают душу на части. А внутренний голос шептал: «А как же та, что ждет? Куда ты прешь, танкист? Может, это пройдет? Нет, тут что-то не то. Почему, не осознавая, что творит он, поцеловал девушку? Почему его тянет смотреть и смотреть на нее? Почему в его душе все бурлит и кипит, он готов на все, лишь бы снова увидеть ее глаза, ее улыбку и услышать такой нежный и приятный голос? Такого чувства у него с той девушкой, которая его ждет дома на далеком острове, не было. Нет, он не ругал себя, вся его сущность не считала себя виноватым. У него не было близости интимной с Натальей с Сахалина, и если раньше его это огорчало, когда они расстались, то сегодня он был этому безумно рад. Вот рад, и все тут! Его воспитание не оставило бы шансов на другую любовь, на измену, если бы он смог тогда уговорить Наталью на интимную близость, когда баба Феня постелила им вместе на полу в комнате дома Коноваловых, когда они вместе приехали погостить в Хоэ во время летнего первого курсантского отпуска Артема. А может быть, он и не настоял, потому, что был не уверен в полноте своих чувств. Как знать?!

Он был окрылен, готовый на любой «захват», на любую близость и сердцем, и телом, и душой. Артем чувствовал, что еще встретится с Людмилой, а иначе б она не дала ему свой номер телефона.

Моздок.

Военный аэродром.

Борт «Ил-76» готовился к взлету. Сновали туда-сюда машины, солдаты выгружали раненых и сопровождали их или заносили на носилках в открытое сзади у самолета «хайло». Посадкой руководил полковник с черной добротной бородой, похожий на душмана. Артем лежал на своих носилках и наблюдал, как из двух подошедших «Уралов» сгружали ящики с «двухсотыми», которых надлежало передать родственникам в Ростове-на-Дону.

– Как же неудобно в сознании человеческом все-таки были эти слова – «двухсотый», «трехсотый», погибший и раненый. Это чьи-то сыновья, братья, мужья, отцы, а может, как и он, «трехсотый», чей-то дедушка.

Артему доводилось, один раз сопровождать погибшего офицера спецназа и дважды передавать погибших бойцов родителям. Что испытываешь при всем при этом, передать на словах не возможно. Тут и чувство вины, и обида, и горечь утраты, и злость на все то, что есть на этом свете. Костеришь, материшь в душе правительство и командование, проклинаешь «духов», долбанную устаревшую технику, а особенно эту затяжную бойню, эти «хреновы» зачистки и всю эту непонятную для боевого офицера войну. Патриотизм слетает, как шелуха с боевого гонора и бравады, и тут-то задумываешься и о себе, и как, и зачем ты на этой непонятной войне. Он снова вспомнил Илью.

Это было в конце мая 1987 года. Артем по замене прибыл в СГВ (северная группа Советских войск в Польше) в танковый полк мотострелковой дивизии, расположенной тогда в Борне-Сулиново. Командиром разведывательной роты этого полка был капитан Касьян. До того Илья больше двух лет отвоевал в Афгане, имел боевые ордена и медали и так пришлось по душе новому командиру полка, что их совместные труды вывели через полгода разведывательную роту в лучшую роту СГВ. Вечная память Илюше! Какой был человечисе!

Воспоминания прервали солдаты, взявшие носилки с Артемом, и понесли их в салон грузового самолета. Он смотрел на молодых, но уже крепких солдат из медсанбата и подумал: «В тылу выжить шансов гораздо больше и вернуться не в цинковом гробу, а почти героем домой тоже больше. Но и эта работа не простая». Пацаны явно не робели, пожалуй, уже привыкли к таким загрузкам. В Моздоке не стреляют, это перевалочная база. Аэродром постоянно гудит, как растревоженный улей. А может, вот эти пацаны, как многие другие, тоже рвались на войну в Чечню.

Таких Артему приходилось встречать гораздо больше, чем тех, кто никуда не рвался. Так ведь можно выделиться среди своих сверстников, доказать себе, что ты не трус и, конечно, надеяться на свое возвращение живым. «Кого-то зацепит, но только не меня», – размышлял дальше Артем. Нет, конечно, они молодцы, эти пацаны, и в этом Артем не раз убеждался. Орешь ему: «Брось, ложись, ползком!» Он же тащит своего, уже мертвого, брата – солдата под огнем «духов», а, вытащив, сам падает с пробитой головой, получив смертельное ранение еще до того, как пуля сразила его товарища. Нет, пацаны молодцы! Стояли такие под Северным Бамутом, стояли тогда насмерть окруженные в засаде наши разведчики, до последнего вздоха бились, до последнего патрона. Хлыщет кровь фонтаном, а он тащит взводного. Перед последним своим движением, перед последним вдохом еще и улыбается от радости, что помог, вытащил. Ну, сколько ж таких героев полегло на земле Афганской и на земле Чеченской? Кто скажет?

Салон «Ила» был битком набит военным людом. Нашлись, конечно, и те, кто узнал Артема. Когда самолет набрал высоту, эти парни поднесли Артему стакан водки и кусок хлеба со свежим огурцом. Помогли выпить. Стало намного лучше, уже не ныло так плечо, все приобретало более позитивный оттенок происходящего. Конечно, пить еще не разрешалось, так как антибиотики тоже кололи еще в болезненные ягодицы Артема, а эта смесь не желательна для качественного выздоровления. Но разве была возможность отказаться?

«Как же здорово пахнут свежие огурцы! – думал Артем. – Вот так же пахнет свежая корюшка на Сахалине. Такая вот сахалинская «таранька». Когда идет ее лов, то этот запах стоит на десятки метров».

Легкая блажь после выпитого растекалась по телу, и сразу потянуло на сон.

Через час приземлились на военном аэродроме, в Ростове-на-Дону. Сначала вынесли ящик с телом старшего лейтенанта, потом передали убитого солдата. Доносился плач, крики и причитания. Горе постигло чьи-то семьи. Но если сержанта родственники могут увидеть, то старлея вряд ли потому, что сильно изуродовано лицо и пролежал труп в тепле больше пяти суток. Кроме погибших самолет покинули и многие служивые, и сопровождающие погибших, и отпускники, и счастливицы, отбывшие свой срок на войне. Облегченный «Ил-76» взял курс на Москву, курс на Чкаловский военный аэродром.

Через неделю Артем заметно пошел на поправку, а через две недели стал ходить в столовую госпиталя. К нему никто, кроме сослуживцев, не приезжал. Своих в Коврове Артем не беспокоил, а они продолжали считать дни до окончания его командировки на Северный Кавказ. Врачи обнадеживали на выписку через месяц. Ох, как же хочется домой! А еще у него есть два закадычных друга – земляка, которых давно он не видел, но есть теперь возможность повидаться с ними, пока он здесь в госпитале, надо только сообщить хотя бы Цветкову, а он Зеленина достанет, и тот прилетит сразу, не задумываясь.

Парни с Сахалина

Их было трое, ну прямо все, как у нас на Руси, три поросенка, три толстяка, три заклинания, короче – Бог любит троицу. А встретились будущие друзья тогда в июле 1968 года в Омском танковом училище при поступлении. Это были три юноши по 17 лет от роду, а главное – с одного далекого острова Сахалин. И не смотря на их юный возраст тогда, представим наших основных героев, как положено, по паспорту: Артем Викторович Шмелев, приехал с города Александровск-Сахалинский (центр Сахалина, западное побережье), Виктор Степанович Зеленин из города Тымовское (центр Сахалина, между западом и востоком) и Владимир Иванович Цветков из поселка Сокол (юг Сахалина). Это были парни с острова, занимающего площадь в 78 тыс. кв. км, протяженностью с севера на юг на 948 км. Из космоса этот остров смотрится как рыба, «чешуей» которой служат тысячи сверкающих рек и озер. В историю освоения Сахалина вписаны имена многих офицеров Русского флота. И наши герои тоже приехали в город Омск, чтобы стать офицерами, только не морскими, а сухопутными.

Неоценимый вклад в освоение и изучение Сахалина внесли замечательный русский мореплаватель Г.И. Невельской и его сподвижники Н.К. Бошняк, Д.И. Орлов, Н.В. Рудаковский и другие. Экспедиция Г.И. Невельского отстояла и закрепила права России на Приморье и Сахалин. Многие из вас, уважаемый читатель, не ведают о той красоте, которую создала природа на этом острове, где рыбаки и моряки, строители, шахтеры и врачи, животноводы и земледельцы, рабочие люди самых разных профессий первыми на нашей Родине России встречают рассвет и новый год. Но, наверно, каждый знает о красной икре. Самое главное, самое замечательное из биологических богатств сахалинских рек и омывающих морей – лососи. Осенью прогретые мелководья рек полны горбуши и кеты. Войдя в реку, они перестают кормиться, преодолевают в сутки до 45 километров вверх против течения. На этом пути рыба меняет свой облик: чешуя тускнеет, утрачивая серебристый блеск, вырастает горб, челюсти искривляются. Горбуша, кета, кижуч, нерка, чавыча, сима относятся к роду тихоокеанских лососей. Объединяет этих рыб одна особенность – все они гибнут после однократного нереста, и умирать, и нереститься они идут в родные речки и реки. Природа щедро наделила Сахалин и нефтью, и газом, золотом, каменным углем, горячими источниками, лечебными грязями, минеральными водами, пушным зверем, лесом и особенно разнообразной растительностью. Самое же главное

богатство Сахалина – это его люди, очень трудолюбивые и свободолюбивые. Природа и здесь наложила свой отпечаток на островитян. Что интересно, из всех поступающих в тот год сахалинцев трое поступивших имели фамилии, связанные с природой. Такое сочетание фамилий им порой и помогало и заставляло держаться вместе, преподаватели клевали на это и спрашивали их, бывало, в один день.

– Давай, Шмелев, помоги Цветкову. Ну что, Зеленин, пора вызывать на подмогу Цветкова и Шмелева, и так далее...

Но если кто-то из них залетал, то взводный всегда вспоминал, не очень добрым, а порой матерным словом сахалинцев: «Всех, этих цветущих, растущих Зелениных, Цветковых и еже связанных с ними Шмелевых я научу вас, ядрён-батон, как любить Советскую власть и нашу Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Шмелев, два наряда вне очереди».

Короче, уже по фамилиям им суждено было быть вместе, а плюс то, что они земляки и у каждого своя, но огромная любовь к острову, все это быстро их подружило и объединило. За три года учебы в училище парни возмужали и крепко сдружились. Хоть и разбросала судьба друзей по свету белому, но связь они поддерживали постоянно и неоднократно находили друг друга без особых проблем. Даже служили порой в одних гарнизонах. Темы разговоров, связанных с Сахалином, – это всегда были их излюбленные темы. Сахалин – это не город-герой Брест, и не Курск, и не тем более Ленинград, но бои там тоже были, это земля каторжан, беглых и ссыльных политических, земля в основном вымершего коренного народа гилак. До 1905 года на Сахалине была всероссийская каторга. «Адом на земле» назвал остров великий русский писатель А.П. Чехов, посетив Сахалин в 1890 году. «Велика изобретательность человеческая по части преступлений, – писал Влас Дорошевич, – но до сих пор не изобретено такого преступления, которое заслужило бы такой каторги, как сахалинская». Да, это было, и, наверно, по сей день в душах коренных сахалинцев есть жажда к свободе и правде.

На Сахалине собраны разные климатические пояса. Можно выехать с центрального Сахалина в январский 20-градусный мороз и в этот же день в Южно-Сахалинске подниматься по трапу самолета под проливным дождем. На севере острова может стоять мороз под сорок и тихо, а на юг обрушится такая метель, что сугробы потом лежат выше крыши.

На острове прошло детство наших героев, там остались школьные друзья, у кого-то первая любовь, у каждого много родственников и, конечно, самые дорогие – это родители. У Артема на Александровском кладбище покоятся мама и папа, у Виктора жива мама, у Владимира и мать, и отец живы, но здоровье уже не ахти какое.

1996 год, это год, где судьбы наших героев, выстоявших в Афгане и в послеразвальном периоде СССР, круто меняются не в лучшую сторону. Наступают другие времена тяжелых испытаний этих людей вместе с Россией. Надо выжить, надо не скурвиться, надо победить, не предать и не потерять дружбу, честь и достоинство русского офицера, а по – другому они не могут и не хотят, они вступают в бой с бандитами, ворами, уголовниками и вершат правосудие за близких и друзей, вместо тех, кто должен это делать и с теми, кто делает. Пусть хранит их Господь, а мы поведаем дальше о судьбах, как есть, как это было.

Весть.

В госпитале Артем отлежал уже месяц, сняли швы, затягивалась рана. Нагрузки пока давать нежелательно, повреждены нервы, сухожилия. Однако Артем по рекомендации врача занимался ежедневно щадящей физкультурой.

Наконец-то ему разрешили съездить домой на побывку. Описать радость и все нюансы встречи просто невозможно. Это надо прожить, это надо прочувствовать.

Когда Артем обнимался с женой, то с боков на него повисли дочери. Артем ойкнул. От боли на лбу выступили капельки пота. Пришлось открыться и рассказать правду. Тесть, Геннадий Григорьевич, напился от радости, теща плясала, жена пела. Девчонки внимательно слу-

шали и слушали. Внучка Ириша все свои наряды продемонстрировала. Позже появились друзья и подруги дочерей. Угомонились все только к двум часам ночи. Вот так же его любили и обожали и еще жалели, когда он вернулся после первой командировки, проделав обратный путь через Сахалин, а прибыл тогда Артем после похорон мамы, самого дорогого для него человека.

10 мая 1995 года они стояли под Хасавюртом, Артему оставался всего один день до вылета на Моздок, а там Москва, а дальше дом, родные и мирная, такая сладкая, жизнь. После утреннего совещания, около девяти часов в палатку зашел посыльный от командующего седьмой – восточной тактической группы войск генерала Овсянникова.

– Товарищ полковник! – сказал посыльный, обращаясь к Шмелеву, – Вас на КП к телефону, а кто и по какому вопросу – не знаю.

Артем сидел на казенной кровати и перебирал вещи в своей походной камуфлированной сумке, готовясь к отъезду домой. Домой с войны!

Погода выдалась хорошая, и он перед отъездом решил постирать необходимое нижнее белье, дабы не везти фронтовую грязь домой. Зная тонкости армейской жизни, полковник понял или, верней, почувствовал что-то неладное. Дело в том, что на войне, как на войне, до последней минуты приземления в Моздоке и даже в любом промежуточном пункте следования нормальные мужики не расслабляются. Ничего вслух не загадывают. За неделю до убийства замеников и дембелей, как правило, берегли. Было, конечно, когда уходили ребята на задание перед самой заменой, но очень редко. Артем встал, поправил куртку, берет, и пошел на КП. Командующий был классный и порядочный генерал, он кивнул на свой телефон ЗАС (закодированная связь) и сказал: «На проводе Антонов».

Шмелев понял, что на проводе генерал Романов, просто так звонить он не будет, а поставить задачу он мог бы и генералу Овсянникову, значит, что-то случилось. Где? Дома? Жена, дети? Полковник взял трубку.

– Товарищ командующий, полковник Шмелев по Вашему приказу...

– Здравствуйте, Артем Викторович! Крепитесь...

– Я готов, – после некоторой паузы ответил Шмелев.

– У Вас умерла мама. Глубоко Вам сочувствую, и мы всячески вам поможем.

– Спасибо! Мне необходимо лететь на Сахалин.

– Да, я уже знаю, где проживала Ваша мама, город Александровск – Сахалинский. Это далеко. Вы готовы сейчас вылететь?

– Так точно! Но у меня нет денег на дорогу и очень мало времени.

– Хорошо! Хочу поблагодарить Вас за добросовестную службу, соболезную по случаю смерти самого близкого Вам человека. Желаю удачи в пути! Дайте трубку командующему, – сказал Антонов (Романов).

Через 20 минут Артем и еще два офицера попутчика летели на Кизляр.

Овсянников пообещал, что его встретят в Моздоке, в Москве, в Хабаровске и Южно-Сахалинске. Артему надо только находить через войска связь в местах перелета и докладывать о следовании и проблемах. Деньги, отпускной билет Артем получит в Москве с посыльным офицером, который встретит его в Чкаловском.

Встреча друзей.

Артем лежал в своей палате и смотрел на часы. Секундная стрелка неумолимо отщелкивала секунды. Был тихий час, и Артем должен был спать или дремать, или читать, но отдыхать после утренних процедур и обеда. В гости к нему вроде уже никто и не рвался. А тут вдруг без стука распахнулась белая дверь, и в ней показалась огромная фигура. Это был Володя Цветков.

– Ну, встречай гостей, фронтовик, – забасил генерал с порога.

Цветков прибыл в военной генеральской форме, которая ему была к лицу и великолепно на нем сидела.

– Вот это подарок, – вставая с кровати и разводя руками, сказал Артем и тут же добавил, – только, чур, генерал, не раздави мою хлипкую фигуру в своих лапах.

– Да ладно, не бойся, знаю все, в плечо тебя долбануло осколком.

Они сначала пожали руки, а потом обнялись и стояли так долго, будто что-то хотели передать друг другу через это соприкосновение. Полковник, прошедший Афган и две командировки в Чечню, и генерал, прошедший Афганистан и весь Кавказ. А еще генерал был в Афгане в одно время с третьим их другом, Витей Зелениным, который уже на «дембеле» и живет где-то недалеко от Москвы во Владимирской области. Знал бы он, что Артем в Реутово, так давно бы прискакал.

Водитель служебной машины генерала зашел следом за ним, поздоровался с Артемом и поставил на стол огромный пакет с гостинцами и скромно вышел. Генерал достал из пакета бутылку коньяка «Арарат» пять звездочек и как-то лихо ее раскупорив, налил по полстакана. Так же быстро разломил шоколадную плитку «Победа» и, поднимая стакан, торжественно сказал:

– Дорогой мой друг Артем! Я рад, ой как я рад, что ты вернулся! – искренне улыбнулся и добавил: – За тебя, за твое выздоровление!

– Спасибо! – сказал Артем, и, чокнувшись стаканами, они выпили их содержимое.

После короткой паузы разговор начал генерал:

– Расскажи, как хоть выглядел Зеленин Витя?

– А где я его видел? – удивился Артем.

– А что, он не был у тебя?

– Нет.

– Да мы с ним позавчера разговаривали по телефону. Я его в этой глуши еле нашел.

– И он обещал приехать?

– Да, обещал.

– Значит, приедет.

– Что значит приедет? Он обещал подскочить к тебе еще вчера.

– А он знал, что ты собираешься сегодня?

– Да, я ему сказал, что буду у тебя часика в три-четыре после обеда.

Друзья, слегка захмелевшие после первой рюмки, вернее, стакана, посмотрели друг на друга, а потом расхохотались. Артем смотрел на часы, и Владимир тоже посмотрел на часы – 15.30. Первым не выдержал генерал:

– Чует мое сердце, что он уже за дверью стоит.

Артем сделал жест рукой и приложил палец к губам – тихо, мол, а сам пошел к двери, но не успел ее открыть, как ее открыл Виктор Зеленин и чуть не налетел на Артема. Это была удивительная встреча друзей! Виктор так ликовал, что застал их обоих в палате! Он просто был счастлив! Артем даже прослезился и, не показывая этого, занялся цветами. Поставил их в пустую банку, налил воды, взял третий стакан с соседней тумбочки и, наполнив их чуть меньше половины, сказал:

– Какие вы молодцы, ребята! Спасибо!

– Это генерал молодец! Он все разузнал, не зря в Генштабе работает, – сказал Виктор.

– Слушайте, мужики, новый анекдот от водителя услышал, – сказал Цветков и начал рассказывать: «Маленький мальчик носится по квартире. Сбрасывает книжки с буфета, раскидывает одежду, опрокидывает стулья. Прибегает нянечка и спрашивает:

– Ты что делаешь?

– Я играю в игру.

– В какую?

– «Твою мать, где ключи от машины?»!!!

Все рассмеялись.

Они одновременно выпили. А третий тост был, как всегда, за тех, кто погиб, кого нет в живых, а четвертый – чтобы наши друзья и близкие за нас третий тост не пили. Так встретились старые друзья-сахалинцы. Уходя, Зеленин произнес свое излюбленное изречение: «Сахалинцы – не просто земляки, это особая нация!»

Отказав генералу поехать к нему домой, Зеленин простился с ним у Курского вокзала и первой электричкой убыл на Владимир.

Глава 2

Виктор Зеленин.

Еще не пели первые петухи в деревне, и полковник запаса Зеленин Виктор Степанович впервые после смерти жены видел хороший сон.

Он, в парадной форме цвета морской волны, со всеми орденами и медалями, стоял у взлетной полосы аэродрома. Да, это был он, Виктор Зеленин, гордый человек, родившийся на острове Сахалин. И, несмотря на своих сорок шесть лет, он выглядел этаким гусаром-ветераном с седыми висками и с достойно поднятой головой. Роста чуть выше среднего, спортивного телосложения, под фуражкой, прямо скажем, лица русской национальности с прямым, чуть расширенным носом, голубыми глазами и волевым подбородком. Вот он уже у трапа самолета. Открывается дверь, и на площадку трапа выходит стюардесса, вся в синем, молодая и красивая, очень похожая на его жену в молодости, а за ней его сын Егор. Егор выше ростом отца, такой же широкоплечий, более выразительный и, с первого взгляда, очень схож с отцом. Он был тоже в военной форме, в голубом берете и тельняшке с медалью на груди. Выйдя из самолета и помахав рукой, он крикнул «Батя!» и побежал вниз по трапу в объятия отца. Они обнялись. В горле Виктора Степановича пересохло, и добрые слезы радости покатались по щекам. Егор своей широкой ладонью гладил отца по спине и говорил:

– Ну, что ты, Батя? Что ты? Я вернулся! Я живой! А где мама?

– Ждет она нас, сынок, ждет дома. Ждет она тебя!

– Ну, вот и здорово, поехали быстрее к ней.

Вдруг стало темно. Звук битого стекла или взрыв заставили Виктора проснуться.

– Что это? Когда он открыл глаза, то ничего не увидел, а только слышал жуткую тишину, полную тревоги. Виктору было жалко, что прервался такой замечательный сон. Странно, но он почувствовал слезы на своих глазах.

– Наверно, кто-то стучал в дверь, – подумал Зеленин и начал подыматься с кровати. Тело рванулось раньше ног, и он упал на пол, опершись руками. Поднялся, нащупал выключатель, зажег свет. Быстро набросив свой военный тулуп, вышел в коридор. Подойдя к входной двери спросил:

– Кто там? Егор! Ты? – и осознав, что спросил не то что-то, снял крючок и открыл дверь. На крыльце никого. Вышел во двор. Легкий морозец полез по коже. Кукарекнул семеновский петух. Значит, скоро рассвет. – Да, что же все-таки за грохот был в доме?

Вернувшись в дом, он обнаружил в углу, на полу, упавшую икону, лежащую образом Иисуса Христа вниз, а кругом были осколки стекла. Кольнуло больно в груди. Виктор сел на диван. Ему не хотелось подымать икону, чтобы не посмотреть в глаза Иисусу. Нехорошее предчувствие и чувство вины переплелись в его мозгу, и он вспомнил, как Аннушка, его покойная жена, говорила ему:

– Смотри, Витя, хорошо икону прикрепи. Плохо, когда икона падает. Не к добру это бывает.

– Эх, Аннушка – Аннушка, как же ты меня рано покинула?

А почему плохо и что за примета, она так и не сказала, а он и не спросил.

С портрета Анны Александровны смотрели ясные красивые глаза, она улыбалась и как бы говорила:

– Не волнуйся, милый, все образуется.

Она всегда так говорила, когда Виктору было плохо, она так его понимала, как никто на этом свете. Это была его поддержка, его самый лучший друг, его первая и единственная любовь. Послушаешь в других семьях, как разносили жены своих мужей по пустякам, волос дыбом становится. А она:

– Да зачем так убиваться? Дело сделано. Ну, виноват ты, не доглядел, что теперь мучиться и об стенку биться, что ли? Все наладится. Что ни делается, Витя, все к лучшему!

Сон вдруг снова предстал в памяти Виктора. Егор! Это Егор! И с ним что-то неладное. Он ведь не просто в Армии, он на войне. Боже, зачем он туда поехал? Почему он, боевой полковник, родной отец не остановил его порыв. До увольнения оставалось всего-то, чуть больше, чем полгода. Без согласия никто б и не отправил Егора воевать. Это не та война, где всех под гребенку на защиту Отечества забирали. Парень у него что надо, воспитанный и смелый. С детства мечтал стать, как Батя, офицером, а перед выпускными экзаменами передумал. Как началась эта ужасная перестройка и бардак в Стране, про то, что это профессия героическая, все забыли. Честь, достоинство и порядочность стали не в почете. Профессия Родину защищать стала, наверно, одной из самых мало оплачиваемых профессий. Все старались идти в юристы или финансисты. Слова «коммерсант», «менеджер», «банкир», «криминал», «доллар», «киллер» и «убийство» – вот что было у людей на языке. Можно подумать, что на войне платят хорошо? Где-то в других странах, да! Но это ведь Россия. Кто там, в верхах будет беспокоиться о тех, кто вернется назад? Вернулись и ладно! Три боевых оклада у полковника, это получалось не более 650 долларов за месяц войны. А что говорить о солдате? Нет, на деньги Егор не позарился. Просто служба в десантуре особая, и девиз у них, как и у спецназа: «Кто, как не я!» Вот и его друг Артем, в этой «гребанной» и злой Чечне тяжелое ранение схлопотал, и неизвестно, чем еще закончится это ранение для него. А генерал, когда в машине ехали до вокзала, такое порассказывал, что, несмотря на «Афганский излом», в Чечне есть и покруче «Вирази». Война там особая, оказывается, и очень жестокая. Кавказ все больше утопает в крови. Чеченцы – воинственный народ, дерутся жестко и дерзко, а горы и родные места – всё за них. Но главное – это вездесущие американцы, это они со своим ЦРУ развалили Союз, а теперь хотят Кавказ к рукам прибрать. Они и в Афгане духам помогали, как могли. «Суки», навязали нашему народу все самое гадкое с новой демократией. Конечно, мы сами это допустили, наши правители и предатели России. Растащили ее, бедную, по норам, а народ пурхается в нищете и живет надеждами. Вот и расхлебываемся снова кровью солдат и офицеров. А тому же нашему народу по барабану, не мой там сын, муж, брат, пусть воюют другие. Конечно, не совсем так. Простой народ, он понимает все, но не в силах порой что-либо изменить. Все в руках власти. Хватило бы Афгана. Нет, ни одному поколению покоя. Вот и Егор уже воюет. Ему всего-то двадцать первый год. Зеленин от досады сжал кулаки. Хмыкнул, встал с дивана и стал основательно одеваться и собирать свои вещи для охоты. Скоро за ним должен зайти сосед Кузьмич.

Собираясь, он продолжал думать о Егоре. То, что Егор дружить умеет и быть честным, в этом сомнений нет.

Родился Егор на Дальнем востоке в 1975 году. Тогда Виктор Зеленин служил в танковой учебке «Камень-Рыболов» заместителем командира учебной танковой роты по технической части. Когда родился в семье второй ребенок и мальчик, тогда старший лейтенант Зеленин от радости чуть было не погиб на бронетранспортере. Об этом он не любил вспоминать. Но знали об этом только единицы людей, находящихся тогда вместе с ним. Прибывая в приподнятом состоянии и немного под градусом, старлей занял место водителя и на спуске с сопки потерял управление, отказали тормоза. Бронетранспортер на бешеной скорости ушел с дороги влево и несся к обрыву над рекой. Водитель, командир роты и сверхсрочник – старший техник роты – мотались по боевому десантному отсеку, ничего так и не успев понять, кроме того, что кричал Зеленин: Тормоза! Тормоза пропали. Держитесь! На пол. Все на пол.

Бронетранспортер взлетел и упал в огромный танковый окоп, наполненный водой, накренившись набок и почти вылетев из него, остановился. Остановившись, стал сползать снова в окоп, затапливая свои отделения водой. Когда все вылезли из машины мокрые, в вонючих водорослях, и сели у обрыва, то так смеялись, разглядывая друг друга, что сразу не поняли, какая страшная крутизна обрыва была всего-то в пяти шагах перед окопом.

Много лет, нет-нет, да и вспоминал Зеленин этот спуск, и всегда ему становилось не по себе. Пять всего шагов до смерти. Это случилось в день рождения его сына Егора, восемь часов позже. И вряд ли бы кто-то из них выжил, упала машина в реку. В жизни у Виктора позже будет много подобных случаев везения. Аннушка всегда, когда потом узнавала о случившемся, говорила:

– Благодарю, Витя, Бога. Моли за сегодня и проси на завтра.

Егор, когда жил с родителями в Монголии, познакомился с дочерью Владимира и Марины Цветковых Татьяной. Егору тогда было двенадцать лет. Так суждено было случиться, что после Афганистана в 1987 году полковника П, веткова назначили командиром дивизии в 39-ю Армию ЗаБВО, дислоцируемой в Монголии. Через месяц там же начал службу и подполковник Зеленин в новой должности заместителя командира соединения по технике и вооружению. Семьи проживали в одном гарнизоне и даже в одном доме. И вот с тех пор влюбился, как выясняется, Егор в Татьяну, несмотря на то, что старше она его на целых два года. Девочки, в своем большинстве, в школьные годы любят мальчиков постарше. Егор же среди своих сверстников всегда отличался силой, характером и серьезностью поступков, он старался приблизиться к старшеклассникам и внешне выглядеть не хуже одноклассников Татьяны. А за Татьяной постоянно кто-нибудь, да ухаживал. Татьяне Егор нравился и до отъезда в Москву, он был ей как брат, как друг.

Зазвенел входной звонок.

– Открыто, – сказал Виктор и направился к двери.

В дом вошел сосед Семенов Иван Кузьмич, тоже бывший военный, майор в отставке, списанный по состоянию здоровья, вчистую.

– Проснулся, Степаныч? Доброе утро! – здороваясь по рукам и проходя в комнату, сказал Кузьмич.

Он был в полной амуниции. Поверх мехового комбинезона надет белый маскхалат, на груди армейский бинокль, за плечами вещмешок, и в руке ружье двенадцатый калибр, горизонталка.

Утро выдалось тихим и не сильно морозным. Охота удалась. Тетерев и заяц-беляк лежали в рюкзаке Виктора. Кузьмич на этот раз довольствовался двумя тетеревами. Устав от лыжной ходьбы, они с удовольствием шли по твердому насту, приближаясь к домам. Деревня готовилась к обеду, дымились трубы печей, катались с горки детишки, взрослых никого, чувствовалось зимнее размеренное деревенское воскресенье. Виктор сразу узнал в женщине, выходящей из ограды его дома, местную почтальоншу-Катерину. Она остановилась, узнав охотников, а потом быстро зашагала к ним навстречу. Виктору вдруг стало также тревожно, как утром, когда упала икона.

– Что-то Катя не зря бежит в выходной, – сказал Кузьмич.

Виктор промолчал и быстро шагнул навстречу Катерине.

– Виктор Степанович! Вам телеграмма срочная, – запыхавшись от быстрой ходьбы, сказала поленькая почтальонша и протянула ее Виктору.

Виктор впился глазами в текст: «Срочно позвони в Москву по телефону 499-60-59. По Егору. Людмила».

– Вот тебе и сон, – пробормотал Виктор и сказал Кузьмичу:

– Срочно к тебе на телефон.

На ходу, поблагодарив Катерину, стоявшую в каком-то оцепенении от плохого предчувствия, Зеленин зашагал к дому Кузьмича, где ему беспрепятственно предоставляли телефон.

Людмила как будто бы сидела рядом с телефоном.

– Алло, Витя! Здравствуй! Егор пропал. Ты только не волнуйся, его ищут, – выпалила Людмила и сразу замолчала, тяжело дыша.

– Как ты узнала? – спросил Виктор.

– Звонил Артем, просил найти тебя, ему из госпиталя трудно дозвониться.
– Давно пропал? Кто его ищет?
– Пропал он и его взводный, лейтенант, после боя. Без вести пропали. Я, Виктор, ничего больше не знаю, – Людмила тихо заплакала.
– Сколько прошло дней?
– Кажется, сегодня пятый день.
– Скажи, Люда, а Цветков в Москве?
– Вчера прилетел, кажется. У меня есть только его адрес и рабочий телефон, но сегодня воскресенье и никто трубку не берет.

– Пожалуйста, будь сегодня в своей «общаге» после двадцати часов. Я приеду. Спасибо тебе. До свидания.

Он медленно опустил трубку. «Еще одна беда свалилась на его плечи, сердце и все его существо», – подумал Кузьмич про Виктора.

Сборы были недолгими. Через час, как и договорились, Кузьмич выгнал свой «УАЗ-469», и он тарахтел у калитки Зеленина.

Ехали молча. Виктор погрузился в тяжелое размышление:

– Афган показал, да и раньше на войнах было всякое с без вести пропавшими. Возвращались неожиданно, по много лет томились в плену, батрачили на чужой земле, оказывались за границей. Есть надежда. Есть ниточка. Пропал – это не погиб. По Афгану знаю, надо только искать, надо идти на выручку. Искать быстрее. Ведь они там ждут помощи. Цветков сегодня генерал Генштаба, и он, только он сможет помочь своему будущему зятю. Оно ведь так, сверху звоночек, давление, и в низах крутится все. Но почему за пять дней ничего не сообщили?

В Москву Зеленин прибыл автобусом поздно вечером. За полночь его встретила жена Артема Шмелева Людмила. Из трех комнат квартиры на десятом этаже, Шмелевы занимали две комнатки, восемь и десять квадратных метров. В комнате на восемнадцать квадратов проживала семья из трех человек погибшего прапорщика из Московского ОМОНа, жена Валентина и два сына двенадцати и пяти лет. Кухня в семь квадратных метров имела два стола, холодильник, четыре стула, два навесных кухонных небольших шкафа. В комнатках Шмелевых ничего лишнего, в комнате, которая побольше, был стол, два стула, раскладной диванчик в углу, двухстворчатый шкаф и маленький телевизор. Там и разместился после ужина Виктор. Людмила с младшей дочерью Ольгой уснули в маленькой комнате, с такой же комплектацией, но имелся еще и балкон. Людмила толком так ничего и не знала, как и где пропал Егор. А Виктор ночью беспокоить генерала Цветкова не стал.

В семь утра Цветков сам позвонил на квартиру и сообщил Зеленину о том, что к девяти часам за ним придет машина и доставит его к нему.

В Генштабе у Цветкова.

Генерал восседал в небольшом, но уютно обставленном кабинете. С портрета внимательно смотрел Президент России Борис Ельцин. На столе пять разных телефонов, на стене карта России и много всякой необходимой и четко вписываемой в кабинет мебели.

Пока Зеленина сопровождали в этот кабинет, он стал понимать, насколько в войсках они мелкие сошки и по должностям, и по званиям, и по масштабам дел, по сравнению с теми, кто трудится в поте лица в этом огромном учреждении. Штабы он не любил любые.

– Витя, я пока сделал все, что мог, – начал разговор после приветствия генерал. – Разведка, где очень компетентные ребята из ГРУ (Главное разведывательное управление), сообщила о пленении «духами» двух оставшихся в живых десантников. После подрыва БМД (боевая машина десанта) с разведывательной группой под Ножай-Юртом и нападения боевиков среди погибших не оказалось взводного лейтенанта Коршунова и Егора Зеленина. Так же из своих источников, через ФСБ, установлено, что группа боевиков, обстрелявшая десантников,

«перебросила» двух пленных в их штаб, под Ведено. Вот такие дела, Виктор, – генерал замолчал.

Молчал, видимо, переваривая услышанное, Зеленин. Прослуживший в армии двадцать пять лет, полковник, который практически никогда не паниковал, доверялся своей интуиции и даже ловил драйв от сложных ситуаций, почувствовал себя абсолютно беспомощным. Здесь Москва, Генштаб, не стреляют «духи», не месят грязь бойцы, а там его сын, его сын ждет помощи. Кто он, по сравнению с генералом и даже с теми, кто воюет там, на Северном Кавказе, офицерами?

– Я понял, – тихо прошептал Зеленин.

– Витя, ты только сильно не волнуйся. У нас есть надежда, что он жив. Будем молить Бога, и продолжать искать. Надо тебе терпеть и ждать результата.

– Кто возглавляет группу поиска? – спросил Зеленин.

– Я, держу контакт с командующим группировки, который имеет официальную задачу по розыску. Плюс разведка ГРУ, плюс ФСБ. – Цветков внимательно посмотрел в глаза Зеленина и добавил: – Ты что, сомневаешься в масштабах поиска? Виктор, там война, и совсем не просто найти без вести пропавших.

– Знаю, догадываюсь, но ведь это сын твоего друга. Володя, прошла неделя, никаких результатов нет.

– Ну, поехали! Что, от московского смога или от чистого воздуха в деревне заводишься? Ты меня не зли, я давно мечтаю видеть твоего сына своим зятем.

– Ладно, извини, – перебил его Зеленин. – Слушай, а возьми меня в свои планы. Пусти меня в Чечню? Дай любое задание.

– Да ты брось, Витя. Ты свое отвоевал. Давай езжай домой во Владимир. Навести, пожалуйста, дочку мою Танечку, обрисуй культурно ситуацию, если сможешь. А лучше пока повремени. Сам решай. Да, как поживает Светлана? – Цветков пытался увести Зеленина от мысли ехать в Чечню.

А у Зеленина наоборот эта мысль застряла, как заноза, ни на секунду не давая о себе забыть, но он уже более спокойно сказал:

– Ты, командир, как всегда прав! Пусть меня подбросят до Курского, а дальше я рвану на Владимир.

Разливая в рюмки коньяк, Цветков пообещал докладывать результаты через Людмилу.

– Пока Артем в госпитале, звони ей в двадцать часов ежедневно. Я даю тебе свой городской рабочий телефон. Дома я почти не бываю, послезавтра вылетаю на Моздок и все беру на жесткий контроль. Да, по телефону особо не расспрашивай, сам все понимаешь. Штаб!

Выпили еще за удачу, на дорожку, обнялись на прощанье, и Зеленин ушел.

В 11.30 водитель генерала «козырнул» вслед уходящей электрички с полковником Зелениным Виктором Степановичем и с чувством выполненного задания убыл к своей машине, не зная того, что этот полковник бесповоротно решил ехать на выручку сына под Ведено, в Чечню.

Сборы и отъезд.

Виктор смотрел на мелькающие дома, деревья, столбы, на всё то, что находилось на его пути, но ничего не видел. Он убедил еще раз себя в правильности выбранного решения и обдумывал дальнейшие шаги к цели. Да, он технарь, он не спецназ, он не разведчик. Короче не «Рембо». Однако Афганистан проверил его на прочность по многим параметрам войны, кроме плена. Академия бронетанковых войск, второй инженерный факультет дали хорошую теоретическую школу, как по техническим вопросам, так и по тактике общевойскового боя.

В академии Виктор увлекся спортивной гимнастикой и там, в спортивном зале познакомился с боксером Костей Чан. Подполковник Чан работал преподавателем на кафедре восстановления. В боксе он добился звания мастера спорта, но так как за последние годы на

соревнования не ездил, то систематически с парой таких же хорошо подготовленных офицеров занимался по новой системе рукопашного боя с элементами и приемами из боевого японского искусства под названием айкидо.

Три года тренировок дали Виктору неплохой результат. Конечно, до Чана было далеко. Однако навыки были получены очень даже хорошие для самозащиты и главное – не от одного противника, а от нескольких. Дважды его сослуживцы, уже после академии в Афгане, куда он попал почти сразу, посмотрели, а некоторые почувствовали на себе эту магическую силу защиты. Зампотех (заместитель по технической части) полка получил странную кличку для технаря – «Самурай». А когда разведчики полка устроили показуху с применением боевых приемов в честь 9 мая и пригласили участвовать в ней майора Зеленина, то никто так круто, красиво не смотрелся в рукопашке, как он. Уважение у разведчиков к нему стало недостижимым для других офицеров полка. Виктор по возможности передавал бойцам технику проведения приема, захваты, броски, удары и удержания. Это, конечно, сказывалось и на руководстве техническим обеспечением. Порой как глянет майор на нерадивого подчиненного, так у того ничего не остается на возражение, как идти и выполнять добросовестно приказ или просьбу. Некоторые отходили подальше и оправдывались примерно так: – Ну, Самурай мертвого подымет и отрихтует. Самурай – он, что в Японии, что в Африке, что в Кандагаре Самурай!

Хотя этот Самурай был в душе очень добрым и сентиментальным человеком, но больше он слыл, как настырный и требовательный офицер. Его боялись и уважали! А технику он знал исключительно хорошо. Любую поломку найдет, из лопаты прокладку вырубит, а двигаться машину заставит. И не один раз командир полка при других своих первых замах, оставлял за себя командовать полком Зеленина. Правда, только тогда, когда полк не вел боевых действий. Поначалу эти факты портили отношения между замами, особенно фыркал и бычился начальник штаба подполковник Голушка. Но, когда майору Зеленину лично комдив вручил орден Красной звезды за выигранный бой с «духами» в ущелье Саланга, то зауважали зампотеха не только низы, но и верха, перестав на него «бычиться». Тогда колонна попала в засаду. Начальник колонны майор Зеленин получил информацию от разведки: «Духи» заминировали впереди дорогу. Свернуть некуда, а также начали минировать после прохождения технического замыкания и тылового охранения, позади колонны. Колонна попадала в «мешок».

Зеленин сумел перехитрить духов. Предварительно доложив на «Базу» и попросив помощи боевых вертушек, он на максимальной скорости пустил вперед на предполагаемый минированный участок дороги два крытых «Урала», которых заранее держал после головного боевого охранения. Пустить на разминирование саперов шансов никаких, снайпера их уничтожат сразу. Остановить колонну – значит сразу попасть под прицельный огонь духов. Движение, пыль не дают столько шансов быстрого поражения, как неподвижные объекты, поэтому «духи» подрывают головные машины, перекрывая узкий проход, и начинают лупить по стоячей колонне.

Водители машин на такой случай заранее были проинструктированы и укомплектованы лично майором. Об их задаче знал только ограниченный круг. У водителей сзади за спиной и по бокам на дверцах висели бронежилеты, и сидели они на бронежилетах в «сферах» и «брониках» без гранат с закрепленным автоматом в специальном гнезде. Сами водители глухо пристегивались изготовленными лично Зелениным ремнями сразу по команде. Выжить, после наезда на мину, шансы были, но без полных гарантий. Это самые настоящие «камикадзе», и никто не мог пустить этих двадцатилетних парней по приказу ехать на мины. Но это русские парни, воспитанные на патриотических традициях Союза, геройстве фронтовиков и боевом братстве, спокойно дали согласие. При инструктаже и подготовке они вели себя так уверенно, что у Зеленина закралось сомнение, понимают ли они, на что идут? «Духи» использовали управляемые мины и заряды. Где дорога еще была пошире, Зеленин по связи дает команду впереди

идушим БМП принять к скале и, пропустив два «Урала», продолжать сразу движение за ними, не сбавляя скорости.

Первую машину «духи» успели подорвать только на последнем закладе, а вторая так «летела», что два взрыва сработали, но после ее прохода. Третий взрыв опрокинул машину к скале, и произошло ее возгорание. Участок был разминирован.

Парней спасли. Ранения были тяжелые. И если первый герой через два месяца вернулся в часть из госпиталя и побывки дома, то второй герой вернулся через полгода с протезом ступни, после пересадки кожи на обгоревшие участки правой руки и спины, но вернулся домой живой. Зеленин, когда вспоминает об этих смелых и геройских парнях, то всегда чувствует угрызения совести, что не смог убедить начальство в присвоении им звания Героя Советского Союза, особенно водителю, потерявшему ногу.

«Духи», конечно, тогда начали стрелять из всего, что имелось у них, понимая при этом, что план неожиданного нападения и ско-вывания колонны не удался. Полчаса бойцы Зеленинской колонны, продвигаясь помаленьку вперед, вели бой, а по прибытии пары «Ми-24», «духи», понесшие немалые потери, отступили со своих позиций и ушли в горы. Колонна без двух подорванных «Уралов» прибыла в пункт дислокации полка, «трехсотых» было много, а от «двухсотых» уберег Бог, и, видимо, правильная расстановка сил и руководство боем майора Зеленина, спасла многим жизнь.

Зеленин вспоминал Афган, но всего не вспомнить. Крепко сидит в памяти та эвакуация техники, где ранило его в бедро, и как он месяц провалялся в медсанбате. От машины, взорвавшейся с боеприпасами, он получил жуткую контузию. Вспоминая это, Виктор невольно поежился.

Электропоезд приближался к станции Петушки. В Петушках в вагон вошли двое в военной полевой форме, в зимних куртка и в голубых беретах. У одного из них на груди висела гитара. Они запели под гитарные аккорды:

*Неужели снова «Черный тюльпан»?
Неужели цинка вновь дефицит?
Брошен в память, казалось, Афган.
Вместо Грозный в Чечне горит.*

Они допели песню, извинились и попросили помочь деньгами, кто, сколько сможет, для их друга, на протезы и коляску.

Виктор вдруг придержал того, что был без гитары, тихо, но так, чтобы он услышал его слова, спросил:

– Сынок, под Ведено доводилось бывать?

– Нет, батя, не доводилось. Извиняй. – Ответив, он отправился, за своим товарищем в тамбур, где они, перекурив и подсчитав свою выручку, пошли в следующий вагон.

Виктор хоть и жил последнее время в деревне, но телевизор смотрел, радио слушал, с военными общался, и все, как один, даже простые гражданские лица, явно говорили и понимали, что войну закончить военным просто не дают. Больно смотреть на тех, кто возвращается и не может себя найти на гражданке. Работу им никто не подыскивает, а многие работодатели считают этих ребят больными на голову. А посему тыкается, мыкается и пьет эта братва да идет туда, где их принимают, киллерами, вышибалами, рэкетирами, идут в бандиты. Выходит, нет до них дела в Стране. Правильно пел Володя Печкин, военный бард. Виктор не раз слышал его песни по радио «Россия», радио «Славянка».

Да, где ещё такая есть Страна, чтоб тех, кто за неё, не грела?

Эх, Родина. За что ж ты так «любя», нас бросить под колёса повелела?

А из другой песни Виктор запомнил:

*Мало, что ли, бронзы? Мало ли латуни?
Дайте хоть бы тем, кто на века уснули.*

Да и солдатики, похоже, тоже его песню пели. На коляску и протезы деньги собирают. Черт с ним, с правительством, а где местная администрация, разные там мэры и депутаты? В конце-то концов, надо назвать войну войной и соответственно выработать законы, чтобы помочь реабилитироваться тем, кому искалечила душу и тело война.

Зеленин смотрел на заснеженные поля и вспомнил вдруг о самом дорогом в его жизни человеке, его любимой и ненаглядной Аннушке, с которой судьба разлучила их навсегда, в прошлом году. А он все продолжает с ней говорить, советоваться. Он и сегодня не верит, что ее нет на земле, нет ее рядом живой, красивой и такой всегда желанной.

Аннушка.

Витя и Аня встретились в первой тымовской школе на любимом Сахалине в пятом классе. Дети еще, всего-то по одиннадцать лет, а понравились друг другу, влюбились на всю жизнь. Женились. Анна всегда была рядом. Без всяких недовольств переезжала с Виктором то под Южный, то в Приморье, Москву, Монголию, снова в Москву и в город Владимир, где наконец-то они получили трехкомнатную квартиру. Живи да радуйся! Так любят друг друга, с неугасающей любовью, только в кино, но это было в семье Зелениных наяву. Виктор, уезжая в командировки, мучительно переносил расставания. Анна любила его и никогда не ревновала, верней, не показывала при нем или при ком-то еще свою ревность. Хотя находились люди, вбивавшие от зависти клинья раздора в их прекрасные взаимоотношения. Интриги, наговоры и всё многое другое им пришлось преодолеть вместе с их большой любовью. Анна имела всегда особую тактичность в сложных ситуациях. Никогда не вырывала у мужа рюмку, даже когда он был «готов» от перебора, не кричала на всю квартиру, не била посуду, не тыкала имеющимися у него недостатками, не роптала на быт. Когда Анна тяжело заболела, Зеленин часами сидел у ее кровати, они вспоминали, они говорили, порой забывая о неизлечимости болезни. Они понимали, что конец близок, и не могли наговориться. Рак – страшная болезнь.

Ни вторая, ни третья операции к улучшению не привели. Его красивая Аннушка сильно похудела, лицо высохло, глаза ввалились, но когда приходил Виктор, то никогда не комплексовала, она знала его душу, она знала, что он любит ее. И они вспоминали, и они говорили. После приема очередной дозы наркотиков ее глаза блестели, и она улыбалась, потом резко начинала тихонько плакать и тосковать. Но никогда Анна ни о чем не пожалела за прожитые годы. Виктор укорял в душе себя за то, что не смог как-то повлиять на выявление болезни на ранней стадии.

Вот если бы тогда да не поехать на юг, да не купаться в холодной воде, да после той простуды не заниматься самолечением, а серьезно полечиться у врачей. Эх, да кабы, да знать бы, где и как?

Когда Виктор пытался говорить это вслух, то Анна останавливала его и успокаивала:

– Витя, так Богу угодно. А когда я, Витя, умру, то ты для приличия годик официально не женись, чтобы мои родители не подумали о тебе плохо, и не перебивай меня, и не сопротивляйся, а попадетсЯ хороший человек – женись.

После этих слов Виктору хотелось реветь, рвать и метать, но он молча качал головой и шептал:

– Нет, нет, нет, так быть не должно. Я не хочу даже об этом говорить.

Все чаще наступало время, когда Анне становилось плохо, и ее сразу забирали врачи. Последний месяц, последние дни, это бессонные ночи, кошмары и горькая глубокая тоска, которая все сильнее входила в его душу. Съедала поедом. Он когда выпивал после Хосписа, то меру держал лишь потому, что на следующий день не хотел дышать на жену перегаром. А ведь так хотелось напиться от этой безысходности. Двести грамм помогали лишь для того, чтобы что-нибудь поесть. А после Хосписа в глотку вообще ничего не лезло. Виктор тоже похудел, Анна его за это ругала и просила хорошо кушать.

Виктор очнулся от воспоминаний. Контролер будил его соседа и требовал у него билет. И снова он подумал: «О, сколько б он отдал сейчас и себя, и своей жизни за то, чтобы, приехав во Владимир, на перроне увидеть ее, свою любимую Аннушку. Ту, которая провожала его на службу, на войну. Ту, которая была верна ему всю жизнь, жизнь, которая закончилась у Анны, не достигнув и сорока шести лет». Виктор порой в поддатой компании офицеров, где заходил разговор о женщинах, о сексе, об изменах, о том, что каждый в этой жизни обязательно влюблялся на стороне и хоть раз, да изменял жене, разговора не прерывал, ничего не доказывал. Внешне он был с ними согласен, но про себя вспоминал, что были у него тоже моменты, когда он оставался наедине с другой женщиной, которой он нравился, и которая готова была с ним на интимную близость, готова на секс, но он держался. Пусть смеются мужики, но он находил в этих непростых ситуациях способы и силы устоять от соблазна. Зная, насколько непросто вели двойную игру его товарищи и как потом многие сожалели, после разоблачения о потере доверия любимых людей. Виктор, устояв от соблазна, в душе ликовал, как мальчишка. Он устоял, устояла любовь, он не предал Анну, своего лучшего друга, спутницу его жизни, мать его детей. А там, на войне, за два года расставаний с женой, она ему была ангелом-хранителем. И когда стоял вопрос, как удалось выжить, то отвечал Симоновскими словами: «Просто ты умела ждать, как никто другой!»

И если проанализировать жизнь окружающих их семей, то можно сказать, что такая взаимная любовь, не сломленная никакими жизненными передрыгами, бывает одна из ста и более семей.

В деревне о его отъезде был в курсе только Кузьмич и его жена. Зеленин попросил их присмотреть за пятью курочками и двумя крольчихами, которые в марте должны были принести потомство. Виктор попросил также Кузьмича сегодня же в двадцать часов, позвонить в Москву по указанному номеру и сказать Людмиле Афанасьевне Шмелевой:

– Виктор уехал по делам во Владимир, будет не раньше чем через два дня, и просил Вас звонить мне, если будут какие новости на этот номер. У меня с ним будет своя связь.

Когда Кузьмич подвез Зеленина на станцию, то только тогда понял, что его сосед едет на войну.

Улыбаясь, Виктор сказал, на прощанье:

– Иван, если вдруг не вернусь, ты знаешь, как связаться и с кем.

– Да ладно, Степаныч, все у тебя будет хорошо, хватит тебе горя. Бог все видит! Я думаю, жив твой Егор. – Он говорил, а сам смотрел на бравого старого солдата в коммунфляже, яловых сапогах и с вещевым мешком за спиной, – А почему без погон? Полковнику-то было б легче пройти заслоны на армейском пути.

– Ан нет, братишка! Не скажи. Я нелегал, прощсе будет затеряться среди контрактников и то еще, на кого нарвешься. Военный люд тоже не малина. Мне бы только на самолет пробиться до Моздока, а там с бойцами я как-нибудь договорюсь.

– Слушай, Степаныч! А ведь я могу тебе помочь. У меня в Москве, у метро «Щелковская», живет мой друган по кадетке. Раньше, по крайней мере, в прошлом году он служил в авиации и даже работал на Чкаловском аэродроме, то ли в диспетчерах сейчас или также штурманом на «Ил-76» работает и, пожалуй, во внутренних войсках МВД.

Кузьмич порылся в своих внутренних карманах и достал маленькую записную книжечку, из которой выдал адрес и телефоны своего друга-летчика.

– Кузьмич, найду Егора, вернусь, мы с тобой такую баньку истопим.

– Ладно, Степаныч! Береги себя. Война ведь. Храни тебя Господь! Возвращайся с сыном!

Они крепко обнялись, и Зеленин уверенным шагом вошел в вагон. Поезд тронулся, и снова картина из окна вагона: поля, снег, лес, столбы, дома, а за ними бегущие мысли под монотонный стук колес.

– Ну, что это за жизнь? Отслужил я свое, уволили раньше срока, не дотянул полковник до пятидесяти, вместо себя сына послал служить, а не воевать. А послал, оказывается, его на войну. Недавно, забрав любимого человека, судьба снова приготовила мне испытание. Никто не гонит меня в Чечню. Я сам все придумал и еду туда по зову сердца. Я уверен, что Егор жив. Я не могу сидеть, сложа руки, когда сын и его командир в беде. Честь и достоинство надо проявлять всегда и при любых ситуациях. Проклятие лежит, что ли, на нашем государстве? Ни одного поколения нет без воин, без репрессий, без кризисов, без холода, без голода, и опять для молодежи война. Но наше поколение, находясь в армейском строю, всегда знало, что нами могут гордиться будущие поколения. Дома, на любимом острове им гордится мама, родные и друзья, и я знаю, что до тех пор, пока бьется мое сердце, ходят ноги, есть силы, я буду драться за жизнь, до последнего вздоха. Потому, что Я, полковник Зеленин Виктор Степанович, – русский офицер и по национальности – «сахалинец»! – Зеленин улыбнулся, глядя в окно, своим мыслям и снова стал любоваться зимней природой до самой Москвы, ни на минуту не забывая о Егоре.

Чкаловский аэродром.

Друг Кузьмича, штурман самолета «Ил-76», майор Сергей Шатров оказался вполне нормальным, без амбиций и выкидонов мужик. Они продумали план попытки прохода на борт самолета, на котором Сергей, действительно, был штурманом и который завтра действительно запланирован на Моздок. Зеленин в душе ликовал, что ему начинает везти. Но главным и первым препятствием является КПП, где ни в одном из списков у дежурного по КПП фамилии Зеленина нет. Приняли решение утром добраться до Чкаловского аэродрома, а там по обстановке. Когда шестерка майора Шатрова свернула со Щелковской трассы на аэродром, то они увидели небольшой автобус «ГАЗ», стоящий у обочины дороги, видимо, он кого-то поджидал или поломался. Сергей Шатров сразу подвернул к нему. В автобусе находилась команда бойцов из отряда специального назначения «Русь», которая тоже выдвигалась для вылета на Моздок. Капитан спецназа, в красивом краповом берете, встретился с майором, как со старым знакомым. Шатров отвел капитана в сторонку и объяснил ситуацию, после чего капитан достал из сумки список и внес в него дополнительного члена отряда, прапорщика Зеленина В.С. Автобус был забит людьми и сумками, поэтому, когда вновь испеченный прапорщик вошел, то и присел сразу на пустую ступеньку у двери. Водитель завел мотор, и автобус поехал. У КПП дежурный, взяв списки у капитана, о чем-то с ним поговорив, прошел в свою будку и, дописав в свой список прапорщика, дал команду поднять шлагбаум. Как только автобус оставил за собой шлагбаум капитан наклонился к Зеленину и сказал:

– Товарищ полковник, если что – Вы прапорщик по контракту, начальник связи группы. Мы не знаем, кто вы, но это делаем только ради дружбы с Сергеем. И держитесь вон того, в краповом берете с усами, это старшина группы. Все вопросы к нему.

– Спасибо, капитан! – ответил Зеленин и про себя отметил: – Удача поперла!

Когда борт оторвался от бетонки, то Виктор вздохнул с облегчением и только тогда понял, что салон самолета битком забит военным людом.

Сначала было прохладно, но через полчаса стало тепло. Монотонный гул моторов сморил практически всех на дремоту, а это были чьи-то сыновья, чьи-то мужья, братья, внуки, от

рядового до генерала, летели по приказу на войну. Каждый из них думал об удаче – вернуться назад домой. И он, тот, кто думал о возвращении, верил в свою звезду и ангела, надеялся, что не должен погибнуть. Конечно, кто-то и погибнет, но только не он. Он, ведь это он, и погибнуть не может. В крайнем случае, будет ранен и то не сильно. О плохом этим избранным нелегкой судьбой людям думать не хотелось, все они знали, что там, куда они летели, стреляют в людей и даже убивают. Многие не знали, как мало им осталось прожить на этой земле дней. Кому суждено погибнуть, еще не знали, что их голубые, карие, серые или зеленые глаза больше никогда не увидят любимых мест, любимых глаз. Их просто внесут в списки погибших и отправят домой как «груз 200». Если будет что отправлять.

Моздок.

Неприятности начались сразу по прибытии самолета в Моздок. Для того чтобы добраться до командного пункта в Ханкале, надо было попасть в вертушку, идущую на восток или прямо на КП Ханкала. Спецназ, к которому удачно примкнул Зеленин, встречал седой полковник в каракулевой шапке, с волевым лицом и с хорошей военной выправкой. Зеленин нутром почувствовал жесткий взгляд и уверенного в себе человека. Полковник отдал приказ построить группу в полной экипировке. После доклада капитана и приветствия спецназа он, уже четко, заметив чужака, сказал:

– Это еще что там за военный, вольноопределяющийся и без всякой амуниции?

– Да он на Ханкалу к авиаторам. Компьютерщик в штаб, – ответил на вопрос капитан и добавил: – Просили в Москве проводить его до Ханкалы.

– Я, капитан, на этот счет никаких указаний не имею.

Полковник шагнул к Зеленину и попросил у него удостоверение личности.

Зеленин сначала запустил руку во внутренний карман, но, передумав, сказал:

– Извините, пожалуйста, товарищ полковник, но если вы не желаете, чтобы я с ребятами долетел до Ханкалы, то я пойду, сам доберусь.

– Я сказал: предъявите документы, – настаивал полковник.

– Разрешите, я все-таки пойду, так как я не ваш подчиненный.

– Я последний раз приказываю: предъявите документы.

Зеленин молча повернулся и пошел в направлении вышки, куда устремился после выгрузки основной военный люд, на перевалочную базу Моздока.

Полковник, не ожидая такой наглости от пожилого военного, чуть помедлив, отдал приказ капитану на задержание.

– Может, не стоит, товарищ полковник. Пусть идет, но, а вообще-то я пообещал летунам его сопроводить до Ханкалы.

– Да ты только посмотри, что это за боец? Авиаторы в такой обуви не ходят. Тем более это штабист, а у него яловые сапоги восьмидесятых годов.

Полковник приказал двум рядом стоящим бойцам спецназа:

– Догнать и доставить! – А вы, капитан, нюх потеряли совсем, да и хотелось бы знать, откуда растут ноги у вашего протеже. У нас спецподразделение, и посторонним тут не место.

Двое спецназовцев одновременно подбежали к Виктору Зеленину и как бы по команде отретпетированными движениями попытались схватить его за руки сзади. Но то, что произошло в следующую секунду, никто сразу и не понял. Двое здоровых парней, изгибаясь, стояли на коленях и чуть не кричали от боли. Их руки, а верней, кисти рук крепко удерживал уже, наверно не просто полковник Зеленин, а «Самурай». На выручку этим бойцам рванули еще двое, на ходу сбрасывая с плеч автоматы. Услышав лязг затворов, Зеленин отпустил кисти рук бойцов, свои поднял вверх. Понимая при этом, что со спецназом шутки плохи. Тут же рядом мгновенно оказался капитан.

– Прапорщик, прекратите сопротивляться и подойдите к товарищу полковнику, – громко сказал капитан Уваров.

– Вот и все! Отвоевался, мать твою, – подумал Виктор, ругая в душе свалившегося на его голову полковника, подойдя к которому он достал удостоверение личности офицера запаса, где на фото был в военной форме и значился полковником.

Полковник Кудрин Егор Олегович, старший офицер Главного командования Внутренних войск МВД России, контролирующей переброску всего спецназа внутренних войск в Моздоке, после просмотра документа Зеленина сказал:

– Это что за маскарад, полковник? И для чего он вам? Или вы прапорщик?

– Нет, я полковник.

– А зачем пытались скрыться?

– Да я не пытался, просто не хотел, чтобы о моем появлении узнало вышестоящее начальство.

– Это еще почему?

– Да, теперь придется говорить правду, чувствую я, что вы меня не отпустите. Из Моздока все равно не выгоните, а я тут сам разберусь, где мой сын.

– Какой сын?

– Мой сын, десантник Егор Зеленин! Пропал, говорят, без вести. Разрешите один на один, «тет-а-тет».

– Пусть и капитан присутствует, узнает, кого сопровождал.

– Я не возражаю.

Зеленин коротко представился и рассказал цель своего приезда, а в конце попросил:

– Господа! Прошу, не губите моих планов, не докладывайте никому. Как только узнают о моем месте нахождения мои друзья-генералы и полковники, то, зная мое прошлое в Афгане, мое здоровье и ранения, они не дадут мне шага шагнуть в Чечне. Везде кислород перекроют, якобы в угоду моему здоровью. Один генерал Цветков из ГШ чего стоит. А где находится сын? Вот уже неделю хрен кто знает. Я еще раз прошу не закладывать меня, а помочь по возможности.

– Да Вы понимаете, о чем просите? Кто будет кого-то искать без приказа командования? Как только Вас вычислит ФСБ, как нелегала, вот тогда и спросят не так, как я, что да почему? И друга вашего генерала тоже спросят. Да, кстати, что это у Вас за приемы такие, что бойцы ползают перед вами?

– Это Айкидо. В академии БТВ был хороший учитель.

– А как его звали? Не Ким? Кореец?

– Нет, его звали Чан, и он действительно кореец.

– Да, да точно не Ким, а Чан. Мой командир разведбата рассказывал и не один раз, что у них в Афгане, где он тогда командовал разведротой, был зампотех полка, который проходил через шесть или восемь его подготовленных бойцов, а остальных и кто подымался, «делал» очень непринужденно и красиво, быстро, по одному. Сильный был мастер!

– Его случайно не Самураем звали? – спросил Зеленин.

– Да, точно! Самурай! По словам комбата, он там такие чудеса творил. Народ его, вплоть до разведчиков и десантуры, уважал, хоть он и в зампотехах был.

– Он и остался зампотехом, только дивизии, и уже уволился в запас, – сказал Зеленин.

– А Вы как об этом знаете? – спросил молчавший капитан.

– А я и есть тот «Самурай». Правда, я не очень-то люблю эту кличку.

Полковник Кудрин «вылупил» свои глаза и застыл с удивленной гримасой, только и смог сказать:

– Ну, не хрена себе! Знал бы мой комбат. Он всегда вас вспоминал, как пример супер-бойца и, по-моему, как человека тоже. Как руки, ребята? – обратился Кудрин к бойцам.

– Озверел этот мужик, пальцы болят. Как теперь курок давить будем? – И они расхохотались. – Мы не ожидали такой прыти, дайте нам его один на один, с глазу на глаз, – сказал один из пострадавших бойцов.

– Не советую, – сказал Кудрин и продолжил разговор с Зелениным.

– Я, конечно, рад такой встрече, но мне кажется, что мы уже «засветились».

– Я так не думаю, товарищ полковник, это не просто бойцы – это же спецназ!

– Ладно, будьте пока с группой. Капитан! Возьмите временно полковника на довольствие. Я сейчас в штаб на доклад, а вы вон туда к вагончикам, там чай приготовили для вас, перекусите пока.

Он махнул рукой, и от вагончиков ему навстречу выехал «уазик».

Зеленин попытался, что-то сказать, но Кудрин его опередил:

– Я разберусь и приму решение.

Кудрин быстро сел в машину и уехал в штаб.

Виктор чувствовал, что от решения этого человека зависит теперь все. Он подумал и обратился к капитану:

– Капитан, а не сдаст меня полковник?

– Понимаете, здесь перевалочная база, и он в штабе представитель от командующего по переброске и замене разведки, спецназа и прочих серьезных дел. Представьте себе, что с вами что-то не так получится, и тогда сразу найдутся свидетели, например, обиженные вами бойцы, полковника Кудрина по головке не погладят. И более того, ваши высокопоставленные друзья не известно, как себя поведут. Вряд ли они будут его защищать. А в нашей системе МВД его точно уволят. Однако есть надежда, что Вам повезет. Кудрин пришел во внутренние войска из разведбригады армейцев и характеризуется, как очень смелый и решительный мужик, то есть офицер. У него сын при штурме Бамута в апреле 1995 году ногу потерял, по самое некуда. А он у него вообще один ребенок. Вот так! Это может на него повлиять. Надейтесь. И пойдете, полковник, перекусим.

Минут через сорок приехал Кудрин и пригласил Зеленина в машину. Зеленин сидел на заднем сидении. Водитель ушел в вагончик. Кудрин молча достал из бардачка фляжку, налил кизлярский коньяк в стограммовые граненые стаканчики и, предложив один Зеленину, сказал:

– Виктор Степанович, я о нашей встрече никому не доложил. Вы внушаете доверие. У нас тут многие матери и жены своих без вести пропавших ищут. По Чечне везде мотаются. Да, и границы тут нет и линии фронта нет. Это Россия. Я думаю, вы сможете подружиться с ребятами, а главное – это капитан Уваров. Я сейчас с ним поговорю, он знает, что надо сказать бойцам. Я как разведчик скажу, что придется конспирироваться, а если застукают, то говорите, что добирались, на чем придется. Из Моздока на Ханкалу северным маршрутом каждый день идут колонны. Говорите взвешникам, что добирались с армейцами, а армейцам – с взвешниками. Добираетесь, мол, до командующего за помощью. Дальше по обстановке. А теперь по сто грамм за удачу и освобождение твоего сына из плена. И давай, Виктор, на «ты», если не возражаешь? Меня Егором кличут.

– Я согласен. И моего сына Егором зовут, – обрадовано сказал Зеленин.

Они выпили, закусив половинками яблока.

– Спасибо тебе, Егор, за поддержку! – продолжал Зеленин.

– Давай пока, Виктор, без этого. Меня благодарить не за что. А вот я надеюсь на бойцов спецназа, это без комментариев, они уже не первый раз туда летят. А спасибо, я уверен, ты скажешь потом им, этим отважным военным бродягам. Будешь возвращаться, не проскочи мимо, в штабе здесь всегда есть дежурный, который знает, как меня найти.

Они вышли из «уазика», и Кудрин пошел к капитану ставить задачу.

Через двадцать минут спецназ прибыл на пятую площадку, где их ждал уже загруженный транспортный вертолет «Ми-26», который после длительной раскрутки винтов, сопровожда-

емый парой «Ми-8», взял курс на Ханкалу. Зеленин после пропущенной стопки коньяка и «благословения» своего нового товарища немного успокоился и сказал сам себе:

– Ну, вот и славно! Пошло по плану. Опять повезло. Спасибо тебе, Господи! Спасибо тебе, Аннушка! Ты ведь все видишь!

Глава 3

Владимир Цветков.

После ухода Виктора Зеленина из его кабинета, генерал почувствовал двойную тревогу, как тогда, когда он услышал от своей жены Марины: «Все, генерал, я больше не могу, я встретила человека, которого по-настоящему полюбила. Все, что мы нажили, разделим позже. Дочери не жалуйся. Меня не ищи. Так будет лучше для обоих». А часа через четыре он «летел» в «Склиф» на бешеной скорости и тоже чуть не попал в страшную аварию. Марина со своим возлюбленным после автокатастрофы находились в реанимации и в очень тяжелом состоянии. Ведь было же предчувствие беды у Цветкова, а он ничего не сделал. Вот и сейчас, когда ушел Зеленин, на душе стало еще неспокойней. Цветкова волновал натиск Зеленина самому участвовать в поисках сына. Виктор, его друг, земляк, недавно потерял любимую жену, и поэтому со своей надорванной психикой мог наломать таких дров, что мало не покажется. А еще хуже, сам может погибнуть в Чечне. Цветков подошел к окну и вдруг почему-то ясно представил своего отца, как он очень мало рассказывал о себе, а все больше о своих боевых друзьях. Настоящая дружба – это великая сила! Два раза Батя бросал все дела, отпрашивался на службе и вылетал на помощь к своим друзьям на материк. В памяти предстал военный городок, Сахалин, детство.

Владимир Иванович Цветков родился в городе Астрахани на Волге в военной семье старшины сверхсрочной службы. Ему было меньше года, как сменили его родители военный городок под Астраханью на военный городок под Южно-Сахалинском. Цветков-старший, прошедший Великую Отечественную войну механиком-водителем танка «Т-34», закончил её в Вюнсдорфе и до увольнения в запас в звании прапорщика служил в танковых подразделениях старшиной роты, а перед увольнением стал командиром хозяйственного взвода танкового полка. Это был настоящий военный человек! Двух своих сыновей, старшего Николая и младшего Владимира, воспитывал так, что когда становился вопрос, где учиться после школы, то проблем с выбором профессии не было. Старший поступил и окончил танковое Благовещенское командное училище, а младший поступил в этот же год в Омское танкотехническое училище. Каждый из них делал свою военную карьеру сам. Дело в том, что, несмотря на все заслуги их отца перед Родиной, а так же на его два ордена Славы, орден Красного Знамени и множество других орденов и медалей, это был скромный человек, обладающий великолепными качествами трудолюбия, преданности службе и Отечеству. Однако был он человеком беспартийным, а таким доступ в «высшие круги» был закрыт. Поэтому при поступлении в училище что Николай, что Владимир никакими привилегиями не пользовались. Правда, на мандатной комиссии, куда Владимир пришел с двойкой по русскому языку, ему задали вопрос:

– А чем у Вас занимаются родители?

Владимир с гордостью поведал, что отец у него военный, прошел войну от Курска до Германии. Тогда-то и решилась его судьба с поступлением.

Начальник училища, генерал-майор Науменко, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, дал указание принять абитуриента Цветкова условно. Это значит, что в течение недели нужно подготовиться к повторному диктанту и пересдать не ниже «удовлетворительно». А это означало для всех остальных членов комиссии, что надо принять, исправить оценку и дать возможность сыну фронтовика учиться в военном училище. Как же был горд отец Владимира, когда узнал, что его второй сын поступил учиться в военное училище! В душе он всегда на это надеялся, но если за Николая был уверен, потому что тот окончил десятилетку без «троек», то за Владимира не очень, так как у него в аттестате были все «тройки» кроме физкультуры, географии и истории. И еще в чем не сомневался отец, так в том, что сын его Владимир, ростом и шириной плеч вымахавший в деда, не был создан для танковых войск. Не для танка – это точно. Метр восемьдесят пять, это не просто, с таким ростом

просто находиться в танке тяжело, а надо еще и управлять им, и стрелять, и заряжать, и вести сорокатонную махину. Видимо, повлияло еще и то, что училище все-таки было техническое, да и не он один был такого роста, и при поступлении это не сыграло отрицательной роли. А жизнь показала, что водил он и стрелял не хуже других, а за командира, когда работал, так все видели, крутился Цветков, как юла, в ограниченном пространстве с ограниченной видимостью.

О! А, как смотрелся он ассистентом у знамени, как поднимал ногу! Как шел, красиво, чеканя каждый шаг. Шел, будто в радость, без усталости! На втором курсе, когда появилась вакантная должность командира отделения, и взводный сразу порекомендовал на нее курсанта Цветкова, а на третьем курсе полгода Володя исполнял должность заместителя командира взвода. Во взводе курсанты его уважали. Он никогда не кричал, командовал спокойно и всегда, на любых работах не гнушался трудиться наравне с рядовыми курсантами.

Училище, хоть и было техническое, но в течение двух лет курсантов готовили по программе командиров взводов. В конце второго курса они сдавали экзамены по командирским дисциплинам на командира взвода с двухнедельной стажировкой в войсках. А третий курс включал множество технических дисциплин, и за этот год из командира танкового взвода курсант превращался в заместителя командира танковой роты по технической части.

Эта система подготовки офицерских кадров давала интересные плоды! Многие офицеры, окончившие ОБТТУ, имели хорошие командирские навыки, которые в процессе службы проявлялись и дали возможность перевода их на командирские должности. Нет надобности перечислять фамилии командиров, которые дослужились до высоких военных званий от генерал-майора до генерала армии. Даже взять наших, трех сахалинцев, двое из них стали командирами. Это он и Артем Шмелев.

Владимир Цветков по распределению попал служить командиром танкового взвода в батальон обеспечения учебного процесса своего родного училища, а через год стал командиром курсантского взвода, а это уже капитанская должность. И в течение года зарекомендовал себя не только как хороший командир, но и как отличный преподаватель. Может быть так бы и служил до полковника Владимир в училище, да одна беда, случившаяся на танкодроме, перевернула всю его начавшуюся карьеру и жизнь.

Шли плановые занятия по вождению боевых машин Т-62 ночью. Танк, которым управлял курсант второго курса, не новичок на танкодроме, вел танк без инструктора, сбился с маршрута и протаранил стенку учебного класса у вышки, тем самым раздавив одного курсанта насмерть, и двух травмировал.

Перед трагедией, когда к вышке из рожи, перпендикулярно начали приближаться два зеленых огонька танка, Владимир выскочил из командного пункта и спустился вниз, пытаясь рвануть, навстречу сорокатонной махине. Но не успел, едва сам не попал под гусеницы танка.

Разбирались недолго. Комбат получил несоответствие, а ротного и взводного Цветкова, с понижением в должностях, отправили служить в войска. Вот так Владимир оказался в ЗабВО (Забайкальском военном округе), в городе Борзя, в учебном танковом полку командиром ремонтного взвода бронетанковой техники. Служба в ремонтной роте была нетрудной, но не по душе Владимиру. Такая резкая перемена сделала свое дело, да еще полгода он жил один, жена не собиралась уезжать из Омска. Она с дочерью переехала к родителям, и вот уже два месяца, как не написала ни одного письма. Владимир звонил домой каждую неделю с городской почты, но так получалось, что он больше разговаривал с тещей или тестем, чем с женой.

Владимир женился на Марине через год после окончания училища. Год холостячком и свободной от семейных уз жизни дали молодому лейтенанту вдоволь погулять и переспать со многими девчонками из Омска, не говоря о Черемушках и об их военном городке. Надо отдать должное Владимиру, что ни одна его «зазноба» не ходила к его командирам, не писала кляуз в партком и не подымала на ноги общежитие, в котором он проживал, как это бывало у его товарищей по холостяцкой житухе. Умел он уходить красиво, и все тут! Редкое качество при

активной холостяцкой жизни. «Все закончилось махом, когда появилась в его жизни красавица Марина» – так любил говорить сам Владимир.

Марина.

Они познакомились в ресторане «Иртыш». Это был головокружительный вечер. Группа студентов отмечали за двумя столиками день рождения своей подружки. Владимир с товарищем зашли поужинать и, конечно, по возможности увести новых подружек на квартиру к товарищу из Омска. Так бывало не раз, когда можно было в свободное от службы время вырваться в город.

Марину он заметил, когда девушки еще только пришли и ждали заказ. Она выделялась не только как единственная блондинка среди всех девушек, но вообще своей яркой и даже броской стройностью и красотой. У нее была высокая прическа с завитушками на висках, темно-зеленая водолазка, под которой просматривалась шикарная грудь, и утонченные черты лица. Владимир, выбрав одну из своих тактик знакомиться в подобных заведениях до начала игры ВИА, подошел к блондинке с зелеными глазами и, извиняясь, спросил:

– Вы меня узнаете?

– Что? – недоуменно спросила девушка.

– Простите, но я думал.

– Что вы думали?

– Нет, ничего. Простите, я ошибся, – сказал Владимир, красиво выпрямился, слегка наклонил голову и отошел к своему столику.

Он видел боковым зрением, как улыбалась блондинка, что-то объясняя своим подружкам, которые нет-нет, да бросали свои взгляды в сторону их стола.

Через полчаса пустых мест в ресторане уже не осталось, а к ним подошли два довольно солидных господина кавказской внешности, которые тоже стали посматривать в сторону студентов. Это подхлестнуло Владимира, чтобы с первыми звуками музыки ансамбля пойти на штурм протоптанной уже дорожкой.

– Разрешите Вас пригласить на танец, – сказал он красивой блондинке.

– Извините, товарищ офицер, или как Вас по званию, не знаю, но ведь еще никто не танцует.

– Мы будем первые, – парировал Владимир и протянул руку.

– А я не хочу быть первой. Да, девочки? – обратилась она к подружкам.

– Вот это провал, – подумал Владимир. Это было не в его плане уходить, получив отказ. Был бы он в гражданке, а то в форме, красивый статный, похожий, как не раз ему говорили подруги его, на артиста Ланового из кинофильма «Офицеры», и вдруг отказ?

Девчонки хихикнули, но блондинка и не думала вставать. Владимир опустил руку и сказал:

– Тогда оставьте за мной право первым с Вами потанцевать, когда у Вас появится желание, – и он второй раз отправился в сторону своего стола, получив отказ.

Соседи кавказской внешности видели этот пролет, и один из них сказал:

– Что, лейтенант, эта «коза» не хочет танцевать бесплатно, так мы их сегодня купим, – кавказцы расхохотались.

Владимир был не из тех офицеров, кто на такое высказывание реагировал бы болезненно.

– Дураков полно, – думал он. – А вот мирным путем заставить себя уважать надо уметь.

И он умел. Последнее дело объясняться кулаками, да и что такого особого они сказали в адрес совсем чужих людей? Кто знает, что это за девушки? Уже то, что они в ресторане, кое-что значит. Владимир улыбнулся грузину и ответил:

– Эту девушку я знаю, и она меня тоже. Мы разберемся сами.

И тут молчавший до этого его товарищ сказал:

– А ту напротив черненькую в синем платье, знаю я.

Они четверо посмотрели друг на друга и, поняв все без дальнейших слов, дружно рассмеялись. Владимир для начала разговора рассказал анекдот:

– Дорогой, ты купил мне на 8 Марта подарок? – спрашивает жена мужа.

– Конечно, дорогая.

– А он мне понравится?

– Если не понравится, отдашь его мне, я о спиннинге давно мечтал.

Друг Владимира заулыбался, а грузины все поняли и громко рассмеялись. Получив благодарных слушателей, Владимир рассказал еще один анекдот:

– Встретились два друга:

– Мне твоя жена сказала, что застучала тебя с любовницей. Я представляю, что она тебе устроила!..

– Она – мне? Да пошла она на х... Да, плевать я на неё хотел! А передние зубы я и сам собирался на днях удалять.

Соседи, посмеявшись, наполнили все рюмки коньяком.

Выпили за знакомство, потом один грузин предложил тост за родителей. Выпили. Он тоже рассказал анекдот про призывников, видимо, глядя на то, что Цветков в форме: «Дело было на военкомат, медкомысий. Заходят призывник, доктор ему говорит:

– Фамилья?

– Горидзе!

– Подошьель! Спусты трусы! Павернысь! Нагнысь! Раздвынь ягодыци! Годын!

Мальчык, повертаетса и говарыт:

– А что Ви, в лицо не мог мне сказат это? Ха! Ха! Ха!»

Смеялись и снова налили коньяк в рюмки. Выпили. Стало теплей, раскованней. Владимир ждал, когда созреет блондинка. Его товарищ уже дважды потанцевал с черненькой в синем платье. Грузины тоже нашли себе напарниц постарше девочек-студенток. Блондинка всем почему-то отказывала. Вечер стал набирать кураж.

Владимир решил выйти, а сам попросил товарища понаблюдать за реакцией блондинки. А когда вернулся из туалета и перекура на ступеньках ресторана, то узнал:

– Очень волновалась твоя блондинка, – сказал товарищ и добавил: – Пора брать.

На следующее приглашение Марина не отказала потанцевать с ним. После ресторана они гуляли по набережной Иртыша. Товарищ исчез с черненькой еще раньше и увез ее к себе домой. Владимир решил проводить Марину до дома, а потом на такси уехать в Черемушки. У дома они стояли около получаса, и Владимир не напрашивался в гости, так как Марина жила с родителями в трехкомнатной квартире в самом центре города, где из окна была видна площадь Ленина и Вечный огонь. Когда же Владимир решил уходить, так как скоро с такси будут проблемы и придется платить в два раза дороже, да еще туда и обратно, а это рублей двенадцать-пятнадцать, все-таки не дешево, то вдруг Марина пригласила его зайти к ней домой. Они молча поднялись на третий этаж и, не успев зайти в квартиру, слились в едином жарком поцелуе.

Родителей дома не было, они уехали в деревню. Ночь была бессонной и сладкой. Через три месяца в этом же ресторане, где они познакомились, сыграли богатую свадьбу. Отец Марины был главным инженером на заводе имени Баранова, а мама – директором магазина «Океан». После свадьбы Владимир переехал со своим скарбом к жене, где им выделили комнату. Владимир тестю и теще пришелся по душе. На свадьбе со стороны Владимира был его брат Николай с женой. Мать с отцом не смогли приехать, у отца работа, а мама болела. Сахалин – это тебе не Черемушки и даже не Ленинград, откуда прилетел брат.

В конце сентября Владимир повез свою жену на Сахалин к родителям. Вот тогда-то и начались первые семейные неурядицы в семье младшего Цветкова.

Сахалин встретил молодоженов дождем с ветром. Марина промокла и все время бурчала: – Говорила тебе, надо ехать летом, так ты вечно не слушаешься. Они к нам на свадьбу не смогли приехать, а я сейчас еду в эту тьму тараканью представляться, как дура, в такую холодрыгу, – возмущалась Марина.

Владимир пытался сгладить обстановку, что-то рассказывая про местные достопримечательности. Но это были еще первые цветочки Марины. Когда она познакомилась с родителями, то мило им улыбалась весь вечер за праздничным столом, видя, как млели родители мужа, глядя на красавицу-жену. А она, действительно, была красива. Мало того, что рост – 178 сантиметров, ноги от плеч, а еще лицо, чем больше в него смотришь, тем больше хочется любоваться.

Но не знали родители, что скрывается за этими зелеными глазами и улыбкой. Не знали, как умеет пилить их сына эта красавица за туалет на улице, за халупу, в которую они приехали, за грязь на дорогах и в целом за «сельпо», как она выражалась, отвернувшись от мужа, пытавшегося объяснить, что надо потерпеть:

– Старики так тебе рады, ты им очень понравилась, – твердил свое Владимир.

Владимир был потрясен ее заводом на скандал, почти с самого начала приезда. Если там, в Омске, им некогда было выяснять конфликтные ситуации из-за нехватки времени и присутствия родителей, то тут, в отпуске, Владимир начал чувствовать жестокий, настоящий характер жены. Внешне она могла держаться, если б захотела, но она не хотела и своим молчанием создавала порой невыносимую обстановку в доме. После выезда в Южно-Сахалинск Марина заявила, а это было на третий день их пребывания:

– Все, дорогой, я так больше не могу. Ни ванны, ни туалета, ни горячей воды, по утрам в хате «дубняк». Париться в бане вашей я не буду, я пар не переносу и веники эти колхозные тоже. Езжай в Южный и делай через три дня вылет на Хабаровск. Больше я не выдержу.

Вот тогда-то понял Владимир, что как бы он ни старался убажить свою любимую жену, толку не будет. Родители тоже почувствовали назревающий конфликт. И он произошел.

Мать Володи, очень добрая и душевная женщина, попросила Володю почистить картошку на обед. Володя ей сказал:

– Мама, пусть тебе Марина поможет, а я должен идти в школу, меня к пятнадцати часам ждут учителя и школьники. Вроде встреча с выпускником школы будет. Пятые классы собирают.

Тут-то Марина себя и показала. Перепалка между ним и Мариной закончилась быстро, а мать, вытирая слезы, сказала:

– Да разве можно так, детки, ругаться? Вы ведь только жить начинаете.

– Это Вы своего сыночка так воспитали, – выкрикивала Марина и тоже пустила слезы.

– Так жить нельзя. Лучше разойтись, – в сердцах сказала мать.

И это была капля дегтя уже и так не в сладкий мед. Марина полдня мочила слезами подушку. Мать пила капли от сердца и ругала себя, что встряла. Владимир ушел в школу и крепко выпил с учителями. Пришел под вечер, хорошо поддатый.

Отец был в наряде и, благо, не видел этого кошмара, как тогда думал Владимир. Но он не знал, что это пока цветочки, все кошмары еще впереди.

Марина на следующий день притихла и даже, напившись шампанского с отцом, пела вместе с ним песни.

Мать отвела сына в другую комнату и сказала Владимиру:

– Как же ты, сынок, не разглядел-то девушку, эту красавицу не сделать офицерской женой.

– Я люблю ее, мама, – ответил Владимир.

– А она тебя?

– Сейчас уже не знаю. До Сахалина казалось, что любит. На бзыки её я внимания особого не обращал, и все как-то сходило.

– Прости меня, сынок, но она тебя не любит, она себя только любит и комфорт. А в гарнизонах комфорта нет. Ты ведь не будешь всю жизнь у тещи жить.

Владимир понимал, что влюбился он по уши в Марину, и в постели она была, как заводная, и готовить умела хорошо, и в компаниях вела себя достойно, и пела так красиво, что только в один голос можно влюбиться. А тут, на острове, будто подменили ее. «Да вру я сам себе», – размышлял Цветков. – В мечтах о совместной жизни она уверенно твердила о том, что детей пока заводить рано, надо с работой после института разобраться и вообще надо попритираться, посмотреть, сможем ли мы друг друга понимать. «По гарнизонам мотаться я не хочу и тебя не пущу», – уверяла, вроде шуткой, Марина.

Да он пока и не рвался никуда. В училище ему нравилось и получалось.

Прожили они у родителей на Сахалине всего две недели вместо месяца. А показались эти две недели в родном доме для Владимира сплошным напрягом на все его существо. Планы повидать друзей рухнули, порыбачить не удалось, на охоту не сходил. А вот водки выпил за неделю перед отъездом много. Отец был им недоволен.

Прощались как навсегда. Мать расплакалась, да и отец всплакнул, а Марине хоть бы что. Да и кто они ей, собственно.

В самолете «Ту-104», рейс «Хабаровск-Омск» Владимир выслушал все. Что он скотина, что пропил две недели. Ее, то есть Марину, бросил, а она, кстати, беременная. Это стало менять дело. Владимир обрадовался и тут же услышал:

– Я не хочу от такого человека рожать детей. Буду делать аборт.

В Омске не ожидали раннего возвращения. А когда тесть узнал, что Марина беременна и хочет делать аборт, то был в гневе и запретил это дело напрочь.

– Роди мне внука или внучку, я буду с ними нянчиться. Поняла? – кричал он.

Вообще родители не одобрили высказывания дочери в адрес «колхоза», туалета, холодной воды. Тесть даже сказал, точнее, напомнил: «Ты же, дочка, знала, что у тебя муж офицер. Видела, как становятся генеральскими женами в фильме «Офицеры». Они с мужьями и в пустыне, и на войне, и по гарнизонам мотаются».

Сменившая обстановку Сахалина на Омск, Марина притихла. Согласилась рожать ребенка, вела себя, как раньше, но стала при первой же возможности подковыривать:

– Я-то, дура, думала, что у такого парня с интеллигентными замашками и чистюли родители не живут в такой грязи. Такая нищета и убогость! Мрак.

Владимиру это было больно слышать, хоть это и было отчасти правдой, но никакой нищеты и мрака там не было. А доказывать, что родители у него золотые, добрые, любимые, он уже не хотел. Появилась обида, но не долгая.

О разводе он не помышлял, так как любил свою жену всю, даже такую стерву, какой показала она себя на Сахалине. У него до нее было много женщин, но так, как приколдовала его Марина, никого не было. В душе Владимир, видимо, был карьерист и понимал, что как бы там ни было, а думать сейчас о разводе не могли, да он и не хотел. Было в нем что-то такое, что не нравилось ему самому. Приспособленчество и бесконфликтность, с желанием порой «пустить пыль» в глаза, лишь бы показать, что все хорошо, все в порядке. Не зря Артем еще тогда, когда они как-то сцепились с ним на третьем курсе, сказал:

– Ты, сержант, хочешь всем хорошим быть, атак не бывает. Так и говнюкам научишься жопу лизать, чтоб тебя не трогали.

Обиделся тогда на него Владимир, но зла не держал, характер у него такой, сангвинистический. А когда он двух самовольщиков прикрыл, смалодушничал, отметил на поверке, как будто они в наличии, и никому не доложил, хотя прикрывать их, его никто и не просил. А они устроили драку в клубе имени Лобкова у вокзала, попались патрулю и хрен положили на поря-

дочность и на него, да еще сказали, будто с его разрешения ездили в город за зубной пастой и материалом, а не в самоволке были. И тут при разборке вместо того, чтобы за это их тоже подставить, так он взял все на себя, понимая, что этим вызовет гнев ротного и комбата, но зато какой авторитет будет у подчиненных! Вот тогда-то и оказался Артем прав. Нет, не оценили его самовольщики, а отнеслись к нему как к хлюпику. Так редко, но бывает и среди военных. Они так и не признали себя виноватыми. Мало того, при распределении, имея вес у взводного и ротного, Владимир не попытался им как-то отомстить.

– Нет, прав все-таки Артем. Точно прав! Надо быть злей! Вот и в семье он как-то потерял себя. Надо работать над собой, надо работать. А в душе его кричал другой голос: «Ну почему такого хорошего, уважаемого командирами и даже ее родителями, мужика – офицера Марина не любит? Почему? Но он настырный и сильный, он заставит ее полюбить себя. Заставит!»

Знал бы тогда Владимир, сколько ему придется еще пережить, прежде чем понять, что взаимной любви так и не получится. До последнего, не смотря ни на что, Цветков будет любить Марину такую, какая она есть.

Любовь и ненависть, алчность, эгоизм и предательство, это то, что переделывать не надо, это не переделать. Надо либо смириться с судьбой и жить под пятой у этих понятий, или драться с ними за нормальную жизнь методом отрезания души, методом колена. А общество, семья и уклад бытия и так далее? Вопросы? О, сколько еще надо всего понять, чтобы можно было бы тогда все спокойно расставить по местам. Нет, друзья, это жизнь! Когда ты любишь по-настоящему, то сегодня будешь ненавидеть, а завтра все простишь!

В Черемушках, при училище в гарнизоне, когда у Владимира с Мариной родилась дочь Татьяна, сдавался новый пятиэтажный дом, и благодаря комбату, подполковнику Авдееву Сан Санычу, молодая семья получила двухкомнатную квартиру. Родители Марины подарили всю мебель. Тесть и теща Владимира имели очень большой вес в элитных кругах Омска. Сам начальник училища звонил Маринину отцу и поздравлял его с внучкой. В этой квартире было за неполный год до отъезда Владимира в ЗабВО много чего. Первое время из-за «крикливой» Танечки хроническое недосыпание. Потом Марина вела целую войну в доме за то, чтобы Владимир не задерживался на службе и помогал ей дома по хозяйству и уходу за дочерью.

А когда случилась беда на танкодроме и Володю отправляли в Забайкалье, если еще была какая-то надежда на улучшение во взаимоотношениях с Мариной, до гибели курсанта, то теперь все могло рухнуть вмиг. Цветков, понимая создавшуюся обстановку, держался из последних сил и стал мужественно, молча собираться в дальнюю дорогу, не предлагая жене поехать с ним.

Забайкалье.

Военный городок был от города совсем не далеко и назывался не иначе, как Борзя-3. До китайской границы рукой подать, ну, не совсем, конечно, надо до Даурии добраться, а там и Забайкальск, и граница с Монголией.

Нет необходимости рассказывать прелести и недостатки военных городков. Все они в то время были похожи своими пятиэтажными домами для семей офицеров, школами, магазинами, а, главное, живущим в них контингентом.

Наступила в жизни Владимира первая зима в Забайкалье. Хоть и не привыкать ему к непогоде, но навалилась она на него конкретно, да еще с тяжелым грузом неопределенности в семье. Он очень тосковал по Марине и дочке. Сегодня воскресенье, на дворе мороз минус тридцать два, на службу не идти. В комнате не более плюс десяти-тринадцати градусов. Страшно болит голова. Владимир начал вспоминать, как добирался вчера домой из общаги от холостяков. Много выпито, выкурено сигарет, карты, гитара, да и бабы вроде были. Как же так, он не помнит дороги домой. Такое с ним уже не впервой, позже, конечно, прояснится. Владимир стал ругать себя последними словами. Одно было хорошо, что, глядя на постель и всего один

стакан у початой бутылки водки, можно было сказать, что женщины у него не было. Значит, мальчишник получился вчера с картами и выпивкой.

Все это пугало и настораживало Владимира. Он быстро опускался вниз. Много пил и не пьянел, а потом, резко засыпая, пропадал. Видно, в городке и слухи уже о нем не ахти какие, а ведь он человек женатый. Приедет жена, а ей потом какая-нибудь сука возьмет да и брякнет: «Видела, мол, твоего как-то с официанткой Галей, из офицерской столовой». И тогда, Марина его «съест» и костей не оставит. Тут ему в голову пришел вчера услышанный анекдот: «Встречаются две подруги, одна другой и говорит:

– Сплетням верить нельзя! Мне вон говорили, что мой мужик мне изменяет, а я взяла да проверила. Нет! Не изменяет! Он все время только с другом своим, везде вместе. На рыбалку, в кино, в лес, в театр, везде с ним. Они даже спят вместе!»

Владимир приходил к выводу, что Марина – это его судьба, как карьерная струна. Не подняться ему теперь совсем перед ней и с колен не встать перед самим собой. Начальник БТС, майор Довгаль, позавчера ему такое вливание устроил, что мало не показалось. А, главное, сказал:

– Я тебя, старлей, урою в пехоту. Ты что это так пьешь?

«А что я ему сделал плохого? – рассуждал на больную голову Владимир. – Да, взвод его постоянно в грязи, и он сам с ними гайки крутит, как «лось». А работа технарская неблагодарная. Это на поле можно перед начальством показать, как твой взвод, рота команды выполняет, а тут отремонтировали «Броню» – ушла, вместо нее снова «Т-62» или «БТР-60ПБ» встанет, и опять давай, и опять в три смены. Дома никто не ждет, холодно, голодно. А с друзьями опять радость, вечерняя пьянка».

Владимир посмотрел на фото, стоящее на его столике у кровати, виновато опустил голову перед улыбающейся Мариной и произнес, не поняв сразу, что пробормотал:

– Надоело все, ой как надоело. Прости, Мари! Приезжай, а то я погибну.

Два месяца нет ни одного письма от жены. А хуже, что начал опохмеляться. Но все не совсем плохо. Он научился мало-мальски играть на гитаре и даже петь под нее песни. Запросто запоминает анекдоты, умеет их рассказывать. Он хорошо разбирается в технике, его солдаты уважают и боятся подвести.

Такие мысли появлялись у Цветкова часто, и сегодня их прервал звонок. Это друг-старлей, тоже взводный, по кличке Грок, пришел за ним на променаж в Борзю с первым, после девяти, автобусом, только там можно было найти пиво на розлив и осушить кружечки две, а перед ними и водочки по соточке пропустить. Что будет молодому организму, кроме пользы. Несмотря на холодную погоду, они уехали в город.

Этот-то выход и повернул жизнь Владимира в другое русло.

Драка в кафешке, где они с Гроком пили пиво, вот уже около часа назревала, а точней, как только они появились. Так как они были в гражданке, то не произвели никакого впечатления на местных, которые так и норовили к кому-нибудь, да прикопаться.

За крайний столик подсели вновь прибывшие попить пива офицеры, приковав к себе сразу косые взгляды местных алкашей и бандюганов, так как майор и подполковник были в форме. Борзя – город бандитский и криминальный. Часто бывают убийства. Недавно прапорщика чуть до смерти у кинотеатра не забили. Много в городе и бывших осужденных. Дочь одного комбата какой-то садист изнасиловал, думал, что убил ее, а она оклемалась, выжила. Козла этого забрали в милицию, а говорят уже, что из СИЗО в психушку перевели. Комбат грозился его грохнуть, да его переводить решили в Песчанку под Читу, от греха подальше. А двумя годами раньше офицеры такое мочилово за своего избитого друга устроили в городке, пустив в ход оружие, и в результате один зачинщик из местных был убит, другой в больнице скончался, и очень много было покалечено с обеих сторон. После этой разборки около года тихо было, а последнее время все снова назревает. Борзенские борзеть стали еще хуже.

Владимир дрался хорошо, в последние месяцы после проверки он хоть и выпивал вне службы, но в спортзал ходил, и по груше стучал очень даже неплохо и немало.

Нашли все-таки повод местные выпивохи подраться и понеслось. Цветков, с другом отслеживая ситуацию, были наготове, и, как только началась перепалка и первые махания, Владимир и его друг Грок метнулись к дерущейся толпе и быстро, сбив троих алкашей и задира на пол, отбили от наседавших майора и подполковника. Остальные шестеро, увидев такую перемену в силе и способностях защищающихся, решили ретироваться, не пытаясь даже подымать своих собутыльников. А вот отбитые офицеры оказались из соседнего полка, один был заместителем командира танкового полка, подполковник Дронов. Дронов, говорили, «мужик что надо», много про него добрых слов в городке слышал Владимир. Вторым был начальник полигона майор Корж. Познакомиться с ними поближе пришлось после драки.

– Ну, ты молодец! – похвалил Дронов Владимира, когда они оторвались от местных барыг и выскочили из кафе. – Из какой части?

Владимир представился и представил своего друга. Дронов пригласил двух старлеев и майора в свой неизвестно откуда подкативший «уазик». Потом они затарились водкой и подъехали к подъезду дома Владимира, так как он всех пригласил к себе на квартиру. Дронову Владимир понравился, и через месяц приказом комдива старший лейтенант Цветков был переведен командиром разведывательного взвода в разведроту соседнего танкового полка. Через два месяца Дронов становится командиром этого полка, а Цветков – командиром разведывательной роты. После всех этих перемен и перейдя на другое место службы, Владимир обрел себя, снова он пропадал в роте, пить стало некогда, у него появился дух соревнования и страшно захотелось доказать всем, а в первую очередь себе, что он хороший командир. Все пошло как нельзя лучше. Вот только писем от Марины так и не было. Они нигде не пропали, не застряли, их просто никто не написал. А они ой как тогда были ему нужны. Владимир к проверке роту загонял, и сам устал, но на первой же проверке его разведывательная рота получила твердую хорошую оценку. А это для него была огромная победа.

Дронов им был очень доволен и однажды поинтересовался о приезде супруги с дочерью к нему. После чего Владимир получает отпускной билет и катит поездом в Читу, а оттуда самолетом в Омск на встречу со своей любовью. Хотел позвонить Марине да передумал, решил преподнести сюрприз. За ее молчание обида все-таки была.

Глава 4

Артем Шмелев. Мать.

Артем, как только узнал от жены Людмилы, что приезжал Зеленин и встречался с Цветковым по розыску Егора, почувствовал себя не совсем нормально, а тревожно и беспомощно. Его предвыписное настроение сменилось головной болью и нытьем плеча.

«Цветков отправил Виктора назад в деревню, – размышлял Шмелев, – а сам летит в Моздок. Ему сейчас звонить – только портить все. Странно, Виктор вернулся назад?» Обдумывая последнюю информацию от Людмилы, Артем понимал, какая беда свалилась в очередной раз на Зеленина. Находясь в стенах госпиталя, он знал, что помочь своему другу ничем не может, по крайней мере, больше, чем генерал Володя Цветков.

Артем стал внимательно смотреть по телевизору новости из Чечни. – Вот приземлился «Ми-26», из него выходят бойцы, видимо, прибыли на замену. Артем вспомнил снова тот «Ми-26», который 10 мая вез его в Моздок. Артем летел на Сахалин, на последнюю встречу с мамой. С КП седьмой тактической группы он, по распоряжению командующего, вертушкой добрался до Кизляра.

В Кизляре его ждал вертолет «Ми-26», где командиром был Валерий Петрович Павлов, а просто его звали в отряде Петрович. Петрович Артема знал по прошлой командировке и встретил его, как старого боевого друга. Зная причину срочного вылета, Петрович от себя и всего экипажа выразил свое соболезнование Артему.

– Ты, Тема, держись, тебе на Сахалин добираться, это не ближний край, мы вылетаем в Моздок, а там тебя сразу перебросят на Беслан. В Беслане «Тюльпан» от федералов грузится, это единственный рейс на Москву сегодня. Так что с Богом! – сказал Петрович.

Артем часто потом вспоминал Петровича, это благодаря ему он успел прибыть в Беслан. А дело пошло не по намеченному плану. Когда до посадки оставалось пятнадцать минут, то Петрович, уточняя у диспетчера, какой борт пойдет дальше, понял, что где-то произошел сбой, и вертушка на Беслан не запланирована. Командир Ми-26 принял решение самостоятельно идти на Беслан и об этом доложил диспетчеру в Моздок. Диспетчер возмутился и категорически это делать запретил. Петрович настаивал. Он знал, что до отправки «Тюльпана» остается час сорок, и ждать там одного полковника никто не будет, да и самолет не ВВ МВД, а с Министерства обороны. После некоторой перепалки с диспетчером командир самостоятельно, рискуя потерять должность, получить строжайшее взыскание и, в конечном счете, потерять все, что связано с авиацией, взял курс на Беслан. Артем, понимая, чем может все это закончиться, попытался изменить ход событий.

– Петрович, давай лучше в Моздок, а там я как-нибудь сам.

– Кончай Артем, – кричал Петрович, я этих деспетчеров знаю, и пугать никого не собираюсь, и мне надоело это постоянное дерганье людей, зажрались они там в Моздоке. Я еще перед вылетом объяснял им ситуацию, и по хрену, все у них там спокойненько и пристойненько, а тут человеку мать в последний путь проводить надо, – очень громко ругаясь, возмущался командир вертолета.

– Спасибо тебе, Петрович! – сказал Артем. Он понимал, что на карту поставлена честь и порядочность против разгильдяйства и похеризма, и первое в противостоянии этом редко побеждало сразу.

Но, не пролетев от курса и пяти минут, Моздок сообщил, что на 10-й площадке аэродрома их будет ждать «Ми-6», для отправки полковника Шмелева в Беслан.

Петрович и экипаж ликовали. «Ми-26» снова взял курс на Моздок. Артем тоже был рад, но знал, что за самостоятельный уход с курса по головке Валерия Петровича не погладят, хотя отошли они всего-то ничего. Все зависит, как поведет себя диспетчер Моздока. А быть может,

они вышли на руководство авиацией и те, уточнив у Антонова, дали добро. Тогда все будет нормально. А как только приземлились, «шестерочка» на парах подхватила Артема, и сразу пошла на Бесланский аэродром. Армейцы, молодцы, ждали. После подъема Артема по трапу в «Ан-12», «Черный тюльпан» закрыл люки, уверенно вышел на взлетную и, набрав нужную высоту, взял курс на Москву.

От Москвы до Хабаровска лету восемь часов, без посадок на дозаправку. Шмелев вспоминал вылет из Чечни и думал: «Если б не командующий Антонов, то никуда бы сегодня не улетел». Оказывается, в Беслане борт ждал полковника два часа, так как ему дали вылет раньше в связи с прогнозом грозовых разрядов в северо-восточном направлении. А ждал, как сказал командир «Тюльпана», потому, что начальник авиации пообещал командующему Объединённой группировки Антонову, что дождетя его полковника. Вот он, налицо генерал Романов. Стал бы «Тюльпан» дожидаться одного кого-то без особого на то распоряжения, пусть у него хоть вся семья умрет, когда у него на борту десятки трупов и десятки раненых. На войне многое по-другому, но чувство взаимопомощи, памяти, особенно оказание помощи раненому на иной высоте, чем на гражданке. Так что выполни командир самолета приказ из Москвы на срочный вылет, то и не успел бы Артем в последний раз повидаться и проститься с мамой. Дело в том, что на следующий день борта на Москву не планировалось вообще ни из Моздока, ни из Владикавказа, ни из Беслана. Редкий случай, но так получилось.

О генерале Романове Шмелев мог рассказывать часами. В этом человеке сочеталась организованность и собранность, требовательность с интеллигентностью и скромностью. По своему поведению генерал напоминал русского офицера, капитана Кольцова из кинофильма «Адъютант его превосходительства», которого замечательно сыграл артист Юрий Соломин. Всегда опрятен, спортивного телосложения Романов был настолько доступен и притягателен, что вряд ли кто сомневался в его искренности, честности и правильности. И эти постоянные перелеты на вертушках, «ползание» на транспорте в виде БТРа или танка по разбитым чеченским дорогам и бездорожью не согнули его, не пригибали его к земле, а наоборот, возвышали над тем, что пытались сфабриковать некоторые правозащитники, не говоря уже о врагах. Но интересно, что этим они вызывали еще большее уважение к командующему, у всех, от рядового до генерала.

Артем гордился тогда и гордится сейчас, что имел честь служить под руководством такого умного и настоящего командира-генерала.

Когда офицеры в Главном управлении Внутренних войск узнали о назначении командующим внутренними войсками Романова, Артем не заметил их единодушного ликования. Офицерский люд за это тайно и полутайно выпивал дня два и вспоминал добрыми словами бывшего командующего Куликова А.С. за выдвинутую вместо себя кандидатуру.

В Москве Артема встретил подполковник Билентьев из их отдела и вручил отпускной билет и деньги. В Хабаровске офицеры Восточного округа помогли первым рейсом улететь на Южно-Сахалинск. Время работало не на Артема, и если в Чечне еще было раннее – раннее утро, то на Сахалине день шел на убыль. Остается меньше суток до похорон мамы. Самолета до Александровска нет, они просто туда уже не летают, поезд идет поздно, в 23.15, и только в лучшем случае он сможет прибыть к пятнадцати часам домой. Это поздно.

Наталья, сестра Артема, проживающая в Александровске, сообщившая эту страшную весть о смерти мамы жене Артема Людмиле, с похоронами решила не затягивать, а все сделать по христианским обычаям и по просьбе умирающей мамы.

– Умру я дочка, то никого не ждите, покудова съедутся, хороните меня в полдень на третий день и без всякого оркестра. На памятнике не звездочку, а крестик поставьте. Все, что осталось от нас с Витей, пусть Артемушка разделит. Чует мое сердце, все приедут проститься со мной, вот только сынок мой дорогой сейчас очень далеко. Но Артем приедет, я знаю.

Наташа сидела и уже не перебивала мать, которая через несколько минут снова «уйдет в отключку». Смерть уже не днями, а часами подбиралась к Анастасии Ивановне. Уколы помогали, но ненадолго. Когда Наташа попыталась узнать, где Артем сейчас, мать ответила:

– На войне он, доченька! – и добавила: – Он живой, с ним ничего не случится, с ним Бог!

Когда Наталья узнала от Людмилы, что Артем в Чечне, то никак не могла понять, откуда у матери была такая уверенность и информация, ведь она почти ничего не видела и не могла читать, да и разговоров на эту тему не было. Хотя, что было удивляться, мама была часто предсказательницей. Она с точностью до часа могла предсказать неожиданных гостей, или письмо, или погоду на ближайшие часы и сутки. Нет письма от сына – месяц-два она будет молчать, а потом вдруг засуетится и скажет:

– А ну, Витя, выйди на улицу, там почтальонша идет, и письмо от сыночки несет.

Нехотя, по первости, выйдет к ограде Виктор, глянет на дорогу, а там и вправду почтальон идет.

– Здравствуйте, – скажет она и протянет письмо от сына.

С Южного выехали после двадцати часов на «УАЗ-469» с милицейского батальона внутренних войск в сопровождении бравого капитана, заместителя командира батальона по технике и вооружению. Водитель и капитан уже дважды поменялись местами. Дорога была тяжелая. Местами на перевале еще лежал снег и лед, много бегущих и размывающих дорогу ручьев. Где-то в районе четырех часов вождения за рулем уснул капитан. «УАЗ» потащило вправо к обрыву. Артем не спал и, несмотря на то, что мысли его были далеко от дороги, успел схватить руль левой рукой и отвернуть автомобиль от новой трагедии. Благо, скорость была не более пятидесяти километров в час. Капитан очухался, резко затормозил и остановился. Он, чувствуя свою вину, молча открыл дверцу и вышел освежить голову. Артем закурил и тоже вышел из машины. Небо наполовину было закрыто замершими черными тучами. Отдельные звездочки и всего два каскада от всех созвездий все-таки пробивали свой свет на сахалинскую землю. И снова Бог уберет Артема, а с ним и его спутников от смерти. Артем объяснил капитану, что дальше дорогу знает хорошо, что имеет свой «УАЗ», что абсолютно не хочет спать и то, что завтра, то есть уже сегодня у них с машиной будет еще много работы. Капитан подчинился и уступил место за рулем полковнику. Через четыре нелегких часа дороги Артем затормозил у своего дома на улице Луговой. На заднем сидении спокойно продолжали спать капитан и водитель.

Калитка открыта, дверь дома на крыльце распахнута, у крыльца крышка гроба и кругом тишина. Небо пасмурное, будка пустая, собак не видно. Артему стало не по себе. Ребята продолжали крепко спать в машине. Когда Артем открыл дверь в кухню, то сразу через проход в комнату увидел гроб с телом мамы. Он снял, свой берет и застыл в дверях, боясь пошевелиться, чтобы не нарушить эту звенящую грустью тишину дома, в котором такая она была впервые. Никто его не встречал. Не успел он это подумать, как в проеме появилась сестра. Она смотрела не то испуганно, не то удивленно, да и если б не военная форма, вряд ли она могла сразу признать в этом бородатом человеке своего брата. Они молча обнялись. Сестра тихо плакала. Артем прошел к гробу и поцеловал мать. Она лежала с закрытыми глазами, сильно похудевшая, красивая для своих лет и будто б улыбалась. Артем сначала сидел у ее головы молча, а потом сказал:

– Вот я и вернулся, мама. Прости, что не застал тебя, прости, что так долго не приезжал к тебе и не писал. Он не плакал, он не всхлипывал, слезы сами скользили горькими каплями по его щекам. Потом он осмотрел дом, и они вместе с сестрой стали обдумывать дальнейшие действия по похоронам. Сестра Артема работала в паспортном столе городской милиции. Начальник милиции полковник Николай Соломко выделил миллион рублей, по сегодняшнему это не более пятнадцати тысяч рублей. Однако это была хорошая материальная помощь. На эти деньги Наташа заказала кафе для поминок, а на свои сбережения гроб, атрибуты и венки

от детей и внуков. Родственники, кроме Дербенёвых, не сильно раскошелились, они еще просто не подъехали, а в основном прибыли к выносу гроба из дома. Сестра говорила Артему: «Хорошо, Тема, что ты приехал и успел, а то бы я маму все равно похоронила сегодня, как она просила. И я бы не смогла сутки прокормить приехавших на похороны родственников».

Младшая сестра Артема Анна прилетела из Хабаровска. Меньше двух лет назад она похоронила своего мужа Евгения, трагически погибшего на реке Амур. Теперь одна воспитывала двух пацанов. А у Натальи тоже семейная жизнь не сложилась как надо. Муж ее Алексей был родом из Забайкалья. Всем был хорош, пока не пристрастился к спиртному. А как умер его тесть, которого он уважал и побаивался, то совсем с колес сошел. С работы выгнали. Стал таскать, на продажу, вещи из дома тещи. Мать последнее время находилась в их квартире, а Алексей жил в ее доме как охранник, где устроил притон алкашей, да и не только мужиков, но и женщин. Добрая такая душа у Алексея была, всех привечал. Наталья терпела, терпела и решилась на окончательный разрыв. Почти за месяц до смерти матери она выделила Алексею денег на дорогу, и они расстались. Алексей уехал в Бурятию, село Гунда, откуда и по сей день пишет жалостливые письма сыну Сергею о своем одиноком житье-бытие в тайге. Тайга, рыбалка, охота – это было выше всего того, что он смог нажать на Сахалине. Да Бог ему судья. До запоев это был добрый, отзывчивый человек. С Артемом они всегда дружили и как-то находили точки соприкосновения. Водка не одного хорошего человека сгубила.

Все начало рушиться, когда Артем похоронил в 1992 году, 18 апреля, отца. Отец с сыном были очень дружны, поэтому смерть отца для Артема была страшной трагедией. При каждой очередной встрече с родителями Артем и отец могли говорить и говорить всю ночь напролет. После похорон Артем почувствовал приближение новой эпохи, эпохи развала домашнего очага и отдаленности от родственников, так как отец-то и был тем главным связующим звеном семьи и родства. С 1992 года пошло и поехало, в 1993 году трагически погибает Евгений, муж младшей сестры Анны, в марте 1995 года разводится со своим мужем сестра Наталья, в мае этого же года умирает мама.

После похорон матери Артем жил в родительском доме, а после девяти дней выехал тем же «уазиком» в Южно-Сахалинск. Когда он сел в самолет и за бортом оставались сопки, лес и берег Сахалина, он понял, что разорвался мостик между ним и Сахалином, что нет у него теперь ни отца, ни матери. Он почти уткнулся в иллюминатор и тихо плакал, плакал от потери самых близких ему людей, от душевного расстройств, от бессилия что-либо изменить, от войны с погибшими и калеками, от разлук, от неустроенности в семье, от того, что творится в Стране, и, наверно, от усталости быть в напряжении, от ответственности. Все было в тот момент очень плохо.

Глава 5

Виктор Зеленин. Чечня.

Благополучно прибыв со спецназом в Ханкалу, Зеленин быстро врубился в обстановку, да и капитан Уваров мог четко, без лишней шелухи объяснить, что хотелось ему узнать. Бойцы, уточнив некоторые подробности о Самурае, попросили капитана организовать как бы мастер класс по рукопашному бою. Для этого они поставили небольшую палатку на десять человек, застелили землю в ней досками, которые спецназовцы тиснули из соседнего автопарка, сверху набросали маты, матрацы, тряпье разное и застелили все это брезентом с БМП-1, которая дожидалась отправки в капитальный ремонт. Получился такой аккуратный мини-спортзал. А Зеленин, с нетерпением ждавший каких-нибудь сведений от Уварова, согласился на просьбу бойцов позаниматься в мини-зале. И, как только к вечеру угомонились с обустройством, в палатке начались познавательные тренировки.

Виктору самому было интересно позаниматься с «профи», и еще он ради того, чтобы его никто из бойцов не подставил, готов был поделиться и отдать самое ценное, чем владел сам. Бойцы были подготовлены хорошо и схватывали тонкости приемов влет. Правда, проводили их на своих товарищах очень жестко. От недостаточности навыков и неумения контролировать силу болевых захватов и удержаний начали травмировать друг друга. Зеленин постоянно напоминал о том, чтобы сначала научиться в замедленном темпе правильно выполнять все элементы приемов и не испытывать на прочность сухожилий своих товарищей. Новая струя в качестве защиты спецназу понравилась очень. Особенно им понравилось, как это делал полковник! Он спокойно мог повалить даже самого забыковавшего бойца и, что характерно, никому не причинил ни одной травмы. Так чувствовать партнера мог только настоящий мастер. Всем было интересно. С каждой минутой, движением Зеленин завоевывал нормальный авторитет у спецназа. Когда закончилось занятие, наверно, каждый поймал себя на мысли, как здорово не помнить о войне, о том, что командировка только началась и впереди еще много испытаний и тревог.

Ночью, где-то около часа, Уваров разбудил Зеленина. Они вышли из палатки и отошли от нее шагов на двадцать, чтобы их никто не услышал. Уваров почти шепотом изложил обстановку:

– Недолго музыка спокойная, Степаныч, играла, недолго фраер танцевал. Это не к вам, это я просто так для начала разговора.

– Ладно, не томи капитан. Что нового из штаба?

– В четыре утра подъем, в пять выходим я и со мной 12 человек.

– Куда?

– Федералы проводят операцию вблизи одного аула, это километрах в двадцати пяти от Грозного. По нынешним дорогам не близко. Наша задача войти в соседнее село и там ждать команды на дальнейшую работу. Мы идем на двух БТР-70, ребята с 22-й Оброн (бригада оперативного назначения) на трех БМП. Но самое главное, товарищ полковник, мы идем в те места, где пропал ваш сын и его командир. Сопровождения на марше не будет. Вертушки будут на парах, но только по вызову, через первого. Вы пока остаетесь здесь со старшиной, и не высовываться. Если в случае обхода найдут, то я вряд ли смогу помочь.

– Стоп, капитан, ты меня недооцениваешь. Я могу пригодиться и в бою. А так, как мы выходим к тем местам, где был Егор, то зачем я тогда здесь?

– Это большой для всех риск. Да и что вы сможете узнать?

– Через местных можно прочухать некоторый «свет». Не всегда десантура попадает в засаду под полный расклад не в нашу пользу. А значит «духам» бальзам на душу. Они любят прихвастнуть перед своими односельчанами героическими действиями. Смотрите, какие мы

крутые, нам и десантники нипочем. Кроме того, я знаю неплохо Коран, знаю традиции мусульман. Молитвами через Аллаха, для их же блага. Аллах Акбар! Обещаю послушание и максимальную помощь во всем. Буду признателен за оружие любое, хотя бы нож и пару гранат.

Уваров задумался. Достал сигарету и, пряча ее в ладони, стал курить.

Зеленин терпеливо ждал. Он уже знал, что капитан с характером и давления на себя не позволит.

– Ладно, бронезилет и все остальное получите у старшины. Я уже с ним на этот счет говорил. Отговаривать не стану. Все закручивается по полной резьбе. Но есть одно требование или просьба, как хотите, так и понимайте.

– Да, я слушаю, – быстро сказал Зеленин.

– Я командир группы! Ты мой боец! Я могу назвать тебя как хочу и послать тебя куда хочу. Никаких инициатив. Никаких привилегий. Вы поняли?

– Да, я понял, товарищ капитан, и обещаю. Слово офицера! Зови меня на «ты», так будет удобней и мне, и тебе.

– Хорошо.

– Есть и у меня тоже просьба. Будет, вдруг, заваруха и будут пленные, то пусть ребята поаккуратнее с ними. Мне нужна от них информация.

– Нам она тоже нужна. Операцию проводит ГРУ. Прошу не лезть без меня к ним на глаза, а то они ребята ушлые, вычислят быстро.

Операция.

Колонна из пяти бронированных машин не шла, а летела по такой плохой дороге. Зеленин не любил ездить в десантных отсеках, но его место было указано Уваровым, где он молча устроился на холодном откидном сидении. Но сидеть было невозможно от постоянного кидало. Правой рукой он держался за рукоятку, а левой держал свой автомат. Полковник Зеленин поймал себя на мысли, будто едет он как курсант военного училища на учения, и пока у него одна задача: добраться до привала, а там будет обед. Назад их повезут в теплом автобусе. Уставший, он войдет в казарму, а там дневальный скажет: «Зеленин, тебе письмо». Виктор обветренными руками раскроет конверт, отойдет в сторонку и прочтет: «Здравствуй, дорогой и любимый Витя! Прошла неделя, как я отправила тебе письмо и не выдержала без общения с тобой больше ни дня, снова села поговорить через письмо. Я считаю каждый денек до нашей встречи. Родной мой, как ты там служишь, как учишься? Потом Виктор «летит», как только появляется время, в Ленинскую комнату и пишет все о себе, о взводе, о ребятах, уезжая в мыслях все ближе к Сахалину, к той, что так сильно его любит и ждет.

Вдруг так тряхануло, что все внутренности наизнанку. Мысли разом вернулись в БТР, а воспоминания не пропали, они вновь спрятались в голове до лучших времен.

Через полтора часа подъехали к поселку. Заглушили движки. Зеленин выглянул из люка, светало, лаяли две-три собаки, черные силуэты спецназовцев исчезали в сторону поселка. Наводчик наблюдал в прицел, молча покручивал башенку в разные стороны ручным приводом. Водитель устало откинулся на спинку сидения и мечтал затянуться сигаретой. Они были втроем и пока без дела. Скоро ноги начали мерзнуть. Зеленин посмотрел на часы, прошло двадцать минут, как ушел спецназ. А вот и первая очередь, взрывы гранат и снова длинные очереди.

– Ну, началось, заводи движок, водила, – сказал наводчик водителю.

Водитель завел двигатель. Наводчик включил электропривод, дослал патрон в патронник и приготовился. Зеленин сел на свое сидение и пока не знал, к чему быть готовым. Нет ни связи, ни команд, что там творится? Но по стрельбе и поднимающимся черным дымкам можно было понять, где примерно идет бой. Вдруг БТР так качнуло и вдарило по ушам, что Зеленин, нагнувшись, увидел в тримплексе, справа, метрах в десяти от них, у изгороди, горящий бро-

нетранспортер. Наводчик застрочил из пулемета. Зеленин, не отдавая себе отчет, что делает, сиганул из открытого люка на броню, перевалился через борт и упал на землю, чуть-чуть припорошенную снегом. Он сразу увидел как будто из земли выросшего «духа» с трубой в руке – гранатометчик. Также машинально Зеленин снял автомат с предохранителя, резко повернув его в сторону гранатометчика и нажал на спусковой крючок. «Дух» завалился. Рядом с ним вырос другой и, забирая трубу, вел бесприцельный огонь в сторону Зеленина.

Зеленин стрелял, но «дух» исчез. Тут из горящего БТРа послышался раздирающий крик. Интуитивно Виктор рванулся на крик, но сразу почувствовал только теперь в занемевшей ноге такую боль, что чуть-чуть не заорал на весь аул сам. Он понимал, что промедление смерти подобно, гранатометчик будет стрелять теперь в их БТР, а там двое бойцов. Превозмогая боль, он резко отполз в низину за бронетранспортером и вновь увидел целящегося духа, а рядом с ним завалились еще два и устроившие такой «тарарам», но Зеленин стрелял только в гранатометчика. Гранатометчик завалился вместе с трубой. Наводчик в «бэтере» молодец, стал помогать, и они вместе завалили еще двух бегущих вдоль забора. А двое, минутой раньше прибежавшие к гранатометчику с огненным прикрытием, смогли вернуться за забор. Виктор вдруг понял, что из недостроенного дома его видно, как на ладони, и он делает огромные усилия, чтобы пробраться к забору, благо уже из горящего бронетранспортера шел черный дым, прямо на этот домик, и, видимо, не было достаточной видимости у боевиков, чтобы расстрелять хромомого стрелка.

Зеленин решил под дымовой завесой пробиться через дыру в заборе ближе к дому. С обратной стороны он сразу увидел трех духов, бегущих вдоль забора на него, и он почти в упор их расстрелял. Тут сразу из домика, не достав прицельно, пока Зеленина, «духи» прошивали забор через дым в решетку. Виктор разглядел силуэт в окне и дал туда последнюю очередь из второго рожка, который переставил, отползая еще за бронетранспортер. А потом вдруг так жажнуло по забору, одни щепки полетели. Не выдержал, видно, «чех» и лупанул наугад. И оказался прав. Зеленин до боли вжался в землю, но поплыл и потерял сознание. Очнулся – все качается, и очень горько во рту. Но он слышит, почему он слышит нерусскую речь, ведь его контузило наверняка.

– Нет, это не чеченцы, это афганцы. Их-то язык он узнает и глухим.

– Он пришел в себя, – сказал один из душманов.

– Спроси у него, сколько вперед ушло солдат и кто они? – произнес второй.

Душман, наклонился к полулежащему Зеленину и с большим акцентом спросил по-русски:

– Ты кто? Зачем пришли? Сколько вас? Говори неверный пес.

Зеленин оценил обстановку. Это, видимо, афганские «духи».

Все, живым они его не отпустят. Это ясней ясного. Это конец.

Зеленин моментально сконцентрировался и понял, что ни руки, ни ноги у него не связаны. Видно, не успели, как только затащили его в дом, он пришел в себя, и они начали допрос. Их было трое. В проеме окна спиной к нему стрелял снайпер по отходящим из аула спецназовцам, и ему явно было не до пленного, второй был ранен и сам бинтовал себе ногу, автомат лежал рядом с ним. Третий, задав вопросы, схватил Зеленина за отвороты куртки и стал трясти его. И, конечно же, он сделал все неправильно. Они расслабились.

– Они рано расслабились, – подумал полковник – Все остальное произошло правильно и быстро. Резкими движениями рук Зеленин ударил «духа» по ушам. Тот откинулся назад, падая в сторону снайпера в проеме окна, а за ним летел «Самурай» и, переступив через него, нанес удар в открытую шею боевику. Мгновенно перехватив винтовку, Зеленин начал стрелять, сначала в снайпера, а потом, увидев направленный автомат раненного душмана, выстрелил, не целясь в него, последним патроном. Винтовка замолчала. Встать полковнику не получилось, боль сковала всю ногу, но, видя то, что бородатый, начинавший допрос, зашевелился, Зеленин,

собрав всю силу, все-таки прыгает на врага и наносит ему удар правой рукой в челюсть. «Дух» затихает.

– Это удача, надо его связать. Афганские «духи» знают многое, очень живучие. Это язык! – размышлял Зеленин, а сам уже связывал ремнем от автомата руки пленнику.

В этот момент в проеме дверей появился спецназовец, это был капитан Уваров. Зеленин попытался встать, но все-таки боль настигла и его мозг, закружилась голова, и он, цепляясь за «духа», потерял сознание. Очнулся уже в том же бронетранспортере на подстеленном матрасе. Болела сильно голова, и тянуло ногу.

– Опять контузия, – подумал Зеленин.

Пятью минутами раньше пара вертушек забрала двух «двухсотых» и пять «трехсотых», трех из них очень тяжелых. Забрали и пленника, которого начал связывать Зеленин. Такого бойца, как «Самурай», с травмой ноги надо было тоже отправлять с вертушками, но Уваров не решился принять такое решение без согласия Зеленина, а тот был в отрубке. Пошла быстрая загрузка без остановки винтов, и почему-то Уварова не «толкнуло» к оказанию экстренной помощи «Самураю». Он как-то был за него спокоен и, вернувшись на БТР, увидел лежащего, но живого и даже подмигнувшего ему полковника.

Нет необходимости рассказывать читателю, что чувствовали бойцы, потеряв своих боевых товарищей, сколько горя еще войдет в дома родственников и любимых погибших ребят.

Вечная им память!

Они выполнили свой воинский долг, они погибли в бою героями. А вот по чьей вине, это вопрос. История разберется. Они, солдаты России, выполняли приказ.

В целом операция была выполнена успешно. Спецназ хоть и с потерями, но свою задачу выполнил. Потерь могло быть гораздо больше, не окажись в составе группы спецназа полковника запаса, боевого офицера, ветерана афганской войны Зеленина Виктора Степановича – «Самурая». Оказалось, полковник один уничтожил семь боевиков. Двух еще с помощью наводчика и одного пленил. За такое умение воевать – Героев дают. Но Зеленин ни в одной из воинских частей не числится. Уварову, по прибытии, в отчете пришлось выкручиваться и врать, а он этого не любил. Зеленин посоветовал капитану все подогнать под погибших, чтобы представить их к главным наградам посмертно.

– А реально, капитан, какие еще нужны подвиги? Ведь они и так отдали самое дорогое, что у них было, это саму свою жизнь. Не забудь, брат, тяжелых раненых, им награды очень помогут потом бороться за выживание и проживание, протезы, коляски и моральную поддержку, за приспособливание на гражданке. Не скромничай, за подчиненных проси по полной, как сможешь, а там, наверху, подрежут в аккурат, – сказал полковник и добавил: – Обо мне не беспокойся, настоящий офицер должен уметь это делать, это его профессия, я за собой героизма не чувствую, а значит, ни на что не претендую.

Бойцы группы понимали, что своими действиями «Самурай» сковал план духов уничтожить бронетранспортеры и зайти в тыл ушедшим вперед спецназовцам. Бойцы все побывали в палатке, где отлеживался Зеленин. Кто-то назвал его «Дедом» и пошло между собой, при разговоре о нем его стали называть только Дедом.

Спецназ о «Деде» говорил уважительно и даже с гордостью.

Сильное растяжение сухожилий правой стопы дало о себе знать, нога набухла, встать на нее было невозможно. Надо отлежаться. Сколько – трудно сказать. Зеленин знал, как надо лечить такие серьезные травмы. Старшина приносил ему все, что тот просил, и даже сам мастерски делал тугие перевязки и прикладывал мази и компрессы.

Уваров всячески пытался у имеющих на тот момент пленных узнать что-нибудь о десантниках, но их быстро отправили вертушкой на Моздок. Зеленин все больше понимал,

что его затея найти сына без помощи руководства – это его гибель. То, что при первой вылазке он отделался растяжением, это – удача! Благо, он остался на этом свете, а не ушел в другие измерения. Нога приковала его к постели, информации никакой, что есть нового у Цветкова, он не знал, и узнать нет никакой возможности. Через два дня он стал потихоньку ходить. Бойцы где-то достали ему полукостыли. Торжественно вручили, как боевой трофей. «На вечную память», – подшучивала молодежь. Шутили, смеялись, а в спортзальчик «Деда» не звали, но сами в нем, падая, охали да ахали, значит, проща говоря, отработывали приемы.

На третий день Уваров принес для полковника плохую новость.

Глава 6

Генерал Цветков. Измена.

Генерал второй день в Моздоке, а результаты по поиску Егора Зеленина плохие. Сегодня он опять спал всего-то чуть больше трех часов и в шесть, проведя утренний туалет, вышел на улицу, поджидая водителя, подумал, глядя на деревья, покрытые инеем:

– Десять градусов мороза, да это разве мороз, вот в Монголии или Забайкалье это морозы, от сорока до пятидесяти градусов доходило.

Владимир вновь подумал о Марине. Он всегда, как только вспоминал о холоде, почему-то вспоминал и Омск, и Монголию, и Забайкалье, а с ним и свой неожиданный приезд из Борзи и как его встретила жена Марина.

«Ту-104» приземлился благополучно на бетонку взлетно-посадочной полосы Омского аэропорта. Владимир, когда стюардесса объявила о прибытии самолета и температуру за бортом, посмотрел на часы, на которых стрелки приближались к двадцати двум часам местного времени. В Чите, когда он дожидался своего рейса, хотел все-таки дать срочную телеграмму о своем вылете Марине, но потом снова передумал. Что-то его сдерживало, а сдерживало ее молчание. Ему страшно хотелось повидаться с дочкой, а на Марину все-таки была некая обида. Обида глушила напрочь его пылкую и безудержную тягу к жене, особенно первые два месяца пребывания в новой обстановке, суровой погоде, среди новых и чужих людей, где так хотелось кому-то искренне поделиться. «Вот есть же семьи, которые приехали в Борзю вместе с мужьями, без всякой разведки. А моя вечно брыкается, все что-то доказывает наперекор. Вечные неудовольствия и все новые запросы, – и он почему-то снова вспомнил тот отпуск на Сахалине: – Что тогда я ее одну домой не отправил? Пусть бы катила в Омск, а он бы спокойно догулял отпуск дома и приехал. Зато бы и характер свой показал».

Владимир тогда по прилету с аэровокзала взял такси, в которых недостатка не имелось, и поехал на улицу Ленина, к родителям Марины. По дороге в голову лезли всякие нехорошие мысли: «А вдруг ее нет дома, однако ее мать точно знает, где дочь. А вот его дочь Татьяна наверняка у них, любимая внученька все же».

Двери открыл удивленный отец Марины. Тесть сначала даже растерялся, видимо, так как долго смотрел в глазок и не сразу открыл дверь. Теща явно не спешила выходить из спальни, хотя была суббота, а в субботу в 22.30 спать еще как-то рановато ложиться. Марины, как он и предполагал, дома не оказалось. Потом тесть засуетился, давай на стол еду ставить, выпивку и засыпать попутно вопросами о службе, перспективах, здоровье, климате, погоде и т. д. Тесть вынес свою похвалу за новое назначение своего зятя. На вопрос Цветкова: Где Марина? – сказал, что не знает: «Надо, мол, у жены спросить». А когда якобы обрадованная теща целовала троекратно зятя, она, видимо, уже придумала ответ в защиту дочери, «басню про белого бычка»: – Марина много работает, устает и пошла с подружкой в кино на какой-то новый фильм, а потом останется у нее ночевать.

В целом, эта сказка Владимиру нравилась, так как она еще оставляла надежду. Однако внутренний голос кричал: «У мужика она! У мужика!». Но Владимир умел сдерживать свои эмоции и дал понять родителям, что они его убедили.

Он долго стоял у кровати дочери. После выпитого спиртного с тестем за поздним ужином Владимир почувствовал страшную от поездки усталость. Он по-доброму поблагодарил родителей и ушел в комнату, где многое ему напоминало о Марине. Его прогноз, что Марина ему изменяет, постепенно входил в силу. Он долго не мог уснуть. Выходил два раза курить. Слышал разговор родителей Марины из их спальни на повышенных нотках. Тесть, как всегда, в целом был на стороне Владимира, но, видимо, влияния на дочь последнее время не имел, а значит, и информацию от дочери и жены получал мизерную и не всякую.

Цветкову вдруг захотелось пойти и искать, найти и застучать. А может, она действительно у подружки? Но чтобы у ее подруг дома не было телефона – это полный абсурд, не дружила Марина с такими подружками. Правильно говорил мой Батя: «Не женись на девушке из богатой семьи да из столичных городов, она, эта москвичка, все норовить будет сбежать из гарнизона в свое метро да в театр, а ты ей там, где это все возьмешь? А где побег, там и измена, а не измена, так причина, лишь бы не ехать к ненормальностям офицерской жизни. Вот так, сынки», – наставлял он своих сыновей.

– Но любовь – это сильная правда – размышлял лежа Цветков, – вскружит голову победой первой в постели, потом ласками, потом гордостью, что, мол, такой красавицей завладел. И пойдет, и поедет. Но разве мы слушаем старших? Надо самим проверить, попробовать, шишек набить, а потом еще и детей учить неправильно. Снова так же вдальблывать, вместо спокойных и рассудительных поучительных рассказов из жизни преподносить это как бы, между прочим, все портим нравоучениями. А надо бы терпеливо, грамотно преподносить, с примерами. Но, опять но! «На ошибках учатся, – сказал ежик, слезая с половой щетки», – размышлял Владимир, – Любовь, наверно, это когда ты всегда хочешь видеть эту женщину», – с этими мыслями Владимир уснул.

Проснулся Цветков около пяти часов. Все еще спали. Голова почему-то раскалывалась на части, хоть и выпил-то совсем ничего, при тесте скромничал, а ведь так хотелось напиться вчера. Владимира мучила какая-то гадкая навязчивая идея съездить в Черемушкинский военный городок при училище. Ключи от их квартиры у него есть. Он быстро оделся, взял листок бумаги и написал: «Мама, папа! Я у товарища по училищу, буду к обеду. Так надо. Владимир».

Тихо, стараясь никого не разбудить, Владимир вышел на улицу, по которой никто еще не ходил, хотя где-то в соседнем дворе журчал движок «Москвича» и по улице Ленина проскакивали редкие легковушки. Свободное такси подвернулось сразу, и вот он мчится по знакомым местам Омска. А вот и родное училище, танкист на постаменте при входе в учебный корпус, напротив березовая роща, где стояли когда-то палатки для абитуриентов.

Городок спал. Еще не было шести утра, а он уже поднимался на третий этаж, где находилась их первая квартира с Мариной.

Черемушки.

– Это хорошо, что в квартире нет телефона, а то бы мать Марины уже предупредила дочь, – рассуждал, подходя с плохим предчувствием к своей квартире Владимир. Он остановился у двери, достал ключ и, прежде чем попытаться открыть дверь, стал размышлять и прислушиваться.

– А что, если, действительно, она с мужчиной. Что делать? Развернуться и уйти? Избить мужика, если получится? А получится – это точно. За последние полгода он не вылезал из спортзала в любой свободный час. С водкой завязал почти накрепко. Сам любовался собой другой раз в зеркало, да заглядывал, крадучись, к телефонистке на квартиру. Силушка перла по утрам, просто караул! Надежда, которая год, как развелась со своим майором из КЭЧи и жила в двухкомнатной квартире в соседнем подъезде со своей четырехлетней дочкой, Владимира за его приходы боготворила и всегда ждала. Приходил он не часто к ним, да всегда после двадцати трех, и уходил до шести часов утра.

Почему он сейчас об этом вспомнил? Наверное, какой-то стопор держал его ревность от страшного поступка. А ведь она имеет полное право так же бегать к мужикам. Хотя нет, она ведь жена офицера. Да, странные у меня рассуждения. Мне можно, а ей нельзя. И все-таки ей нельзя. Да, мне можно, я ведь в лишениях и не за себя я, что ли, на этом танке сидел за рычагами, я, что ли, был руководителем вождения? От всех этих мыслей, от этой какой-то неразберихи стало не по себе. Только бы сдержаться, только бы не натворить беды. Да что это я так уверен, что Марина в квартире и не одна?

Владимир вставил ключ в скважину замка и пытался провернуть его, но он не проворачивался. Владимир вспомнил, что сам ставил такой замок, и на ночь он всегда фиксировал флажком поворотный механизм. Что делать? И он, не раздумывая, нажал на звонок. Каждая секунда стала минутой, минута – часом. Глазка на двери не было. За дверью тишина. И когда он хотел нажать снова на кнопку, то услышал:

– Кто там?

Это была Марина. Это был ее до боли родной и любимый голос.

А дальше, как в кино. Он ответил ей, и наступила снова тишина. Казалось, так тихо и не бывает, что даже слышно, как часы его тикают. Мелькнула мысль надавить на дверь и войти, так сказать, внезапно вломиться, с заменой потом замка. Но вместо этого он снова нажал на кнопку звонка. За дверью еле слышны голоса, но их было двое. Когда дверь распахнулась, то Марина, уже немного пришедшая в себя и успевшая набросить на себя свой оранжевый халатик, была бледна и испугана, ну, просто очень напугана.

– Владимир, ты как это? Почему не сообщил? – сказала каким-то уже не своим голосом она.

Владимир аккуратно отстранил ее в сторону и зашел в комнату. У окна он увидел бывшего командира второго взвода капитана Красносельцева. Наверное, он уже был майором, а может, еще и капитаном. Красносельцева тогда курсанты уважали. Он занимался атлетизмом, играл классно в волейбол, имел разряд не ниже первого по лыжам и боксу и вообще был доступен и справедлив. От такой встречи Владимир растерялся. Можно было допустить все, но не встречу с Красносельцевым. Красносельцев стоял у окна, тоже был бледен, как и Марина, успев надеть брюки и майку.

– Ловлю левых на лету, – сказал Владимир и обратился к жене,

– Это что за дела, жена? Мы, кажется, с тобой еще не развелись.

Марина встала перед ним и уже была не бледная, а, наоборот, в глазах ее горел огонь и летели искры, а лицо стало красным и даже злым и говорившим: «Ну, что, мол, ты завалился на наш праздник без приглашения?».

– Марина, не надо унижаться, – вдруг произнес Красносельцев.

– Мы сами все обсудим, ты только скажи ему, что выйдешь за меня замуж и подаешь на развод.

Красносельцев – честный мужик и поэтому решил поставить все по своим местам.

Владимир же, таким его хладнокровием был потрясен. Мало того, что они тут трахались, на его постели, мало того, виноваты, так они еще и правы. Они, видите ли, поженятся.

– Майор, – сказал Владимир. – Ты понимаешь, что хоть сказал?

– Да, я хочу сказать тебе, старлей, что люблю Марину.

– Ошибаешься, майор, капитан я, да и не технарь уже, а командир разведывательной роты.

– Поздравляю и хочу извиниться перед тобой за то, что был с Мариной в твоей квартире, не дождавшись развода.

И тут Владимир поймал себя на мысли, что он, действительно, не туда и не в то время пришел.

– Ну, что же тогда мне остается делать? – сказал он тихо, еле-еле сдерживая свое раздражение и подавляя желание врезать Красносельцеву по физиономии. – Я ухожу, но через полчаса вернусь. Прошу мне никому из вас сегодня тут и в городке не попадаться. Я выпью и за себя не ручаюсь. А ты, шалава, – обратился он к жене, – езжай к дочери домой, тебя родители ждут, ведь я думал, что приехал к семье, а семьи-то и нет уже.

Он развернулся на сто восемьдесят градусов и вышел в коридор. Захлопнув за собой входную дверь и закурив на лестничной площадке, стал переваривать увиденное, словно какой-то жуткий сон.

Ведь он еще при сборах в дорогу предчувствовал это. Будто все шло по сценарию, задуманному им еще раньше, правда, с некоторыми поворотами, и финал чудной: не он кого-то выкидывает из своей квартиры, а его выкинули, вернее, он вынужден был уйти. На душе было до того противно, что все те какие-то дела по службе, радость встречи с Омском, училищем и дочерью померкли и стали незначительными. Дело-то в том, что он любит, по сей час, свою жену, а то, что ее трогал другой, переворачивает все его внутренности наизнанку, несмотря на то, что там, в Забайкалье, осталась женщина, которая его даже очень устраивала в сексе, да и не только. Но что это с ним? Он поймал себя на мысли поговорить с Мариной и если Марина попросит у него прощения, то он ей все, наверняка, простит.

После, около получасовой прогулки, Владимир снова вернулся и вошел в квартиру, которая когда-то была так для него желанна. В холодильнике он нашел початую бутылку водки и залпом выпил полный стакан. Закурил. Дым поплыл по кухне, ускользая в открытую форточку, а там растворяясь в утреннем и свежем воздухе.

За столом сидел ужасно обиженный человек, несмотря на свои двадцать шесть лет, он выглядел на все тридцать пять. Видимо, те все свои мысли, которые он вез из ЗабВО с собой, плюс эта измена и уход от него жены оставили отпечаток не только на его лице, но они могут оставить отпечаток на всю его карьеру. Что он скажет Дронову, когда вернется домой? Что скажет секретарь парторганизации полка? Еще до отъезда, месяца за три, Закржевский интересовался, где жена? Бродят уверенные слухи о его женщинах, и вообще, не надо, мол, злоупотреблять добрыми отношениями командира и терпением коммунистов.

«Тоже, мать твою, отец родной нашелся, во все свой нос сует. А ведь он прав», – тупо уставясь в этикетку на бутылке, думал Владимир.

Глава 7

Артем Шмелев. Поселок.

После ужина Артем зашел в палату и сразу позвонил жене.

– Люда, что нового по Егору?

– Вчера звонил Цветков из Моздока, насколько я, его поняла, сказал позвонить Зеленину и аккуратно сообщить, что есть некоторые данные, что Егор и лейтенант живы. А как, где и что не сказал.

– Ты звонила Виктору?

– Да! Его не застала. Передала соседу, они с ним в какой-то договоренности.

– В какой?

– Ну, вроде Виктор во Владимире и должен завтра подъехать, а дочь и Татьяну он сказал не беспокоить. Он что-то об этом говорил, когда ночевал прошлый раз у нас.

После разговора Артем в раздумьях прилег на кровать и анализировал услышанное от Людмилы.

– Виктор не может в такие минуты пропасть, для него сейчас кризис в информации хуже смерти. Это значит, он что-то придумал. Виктора Артем любил не только, как друга, но в нем он порой видел, как в технаре, повадки своего отца, которого очень уважал при жизни и страшно переживал, как великую трагедию, когда он умер всего в шестьдесят два года. Имя Виктор – это и имя его отца. Имя, с которым связано его детство, настоящая мужская дружба сына и отца. У отца было трудное детство, с девяти лет рос без отца, но столько в нем было мужества и мудрости, что Артем до сих пор мысленно советуется с ним. Правильно ли он поступил, а что бы сказал Батя? А начиналось все с поселка Широкая Падь на острове Сахалин.

Поселок Широкая Падь располагался южнее города Александровска на сто пять километров и являлся районным центром. В те времена по берегам Сахалина было много поселков, и у всех были улицы Советская, Комсомольская, Береговая. Связь с поселками – в основном по морю. Постоянно сновали рыболовецкие суда, торговые с баржами и пассажирский катер «Алябьев». По нечетным дням недели он ходил на юг до Пилево, а по четным – на север до Трамбауса. Базировался он в Александровском порту.

Поселок Широкая Падь расстилался от берега моря по распадку вдоль речки и состоял как бы из двух частей: поселок рыбаков, а далее – колхоз «Октябрьский». Строения в поселке были в основном одноэтажные бревенчатые, а здания райкома и школы – двухэтажные. Зимой выбираться из него было сложно. До Пилево – двадцать пять километров вдоль берега и по вырубленной дороге в береговых скалах. Мотались мужики в Пилево на мотоциклах, а в основном на подводах. В Пилево был небольшой аэродром для «Ил-14» и «Ан-2». Это было начало пути на большую землю или, как говорили сахалинцы, на материк, через Южно-Сахалинск.

Жители поселка держали скотину для мяса, сажали огороды, то есть надеялись больше на свои осенние запасы. Колхоз поставлял молоко, масло, творог, сыр. Рыбокомбинат – рыбу. В целом поселок сам себя кормил и государству отстегивал, будь здоров. Работа находилась всем. Моряки, чьи катера и семьи пришвартованы к поселку на время закрытия навигации, работали в колхозе в рембазе, на электростанции, ходили в лес на пушного зверя, в основном на соболя и лисицу. Волков в тех местах не водилось. Медведи спали в берлогах.

Поселок весело справлял праздники. Ну, словом, было все, как в большой деревне. Да еще был в поселке пограничный отряд, который имел свою конюшню, стрельбище и три пограничных катера.

Поселок находился в ложине и защищен был от боковых ветров сопками, которые, уходя по распадкам, сливались в Камышевый хребет, над которым возвышалась гора Китоус. Говорят, что в хорошую погоду материк был виден через Татарский пролив. С приходом навига-

ции лед уходил. Подготовленные катера стаскивали буксирами и тракторами в море. Поселок преображался. Деревья, а которых в нем было в двадцать раз больше, чем домов, покрывались листвой, летом поселок утопал в зелени. Рыбокомбинат с мая работал на полную мощность. Сейнера, не уходя далеко в море, тралили камбалу, треску, краба, сельдь и другую морскую живность, выстраивались в очередь для сдачи груза у рыбного пирса. Цеха работали в три смены. По сдаче рыбопродукта государству широкопаденцы всегда были в передовиках. Дело в том, что впадина из поселка уходила глубоко в море и там, в морской долине скапливалось очень много рыбы. Тянулась она, поперек Татарского пролива, километров двадцать. Поэтому сейнера не тратила горючку, в поисках рыбы и не ходила для сдачи ее на плавбазы, в другие бухты и порты. Была полная экономия времени, труда с высоким качеством сдаваемого продукта.

Зарабатывали рыбаки хорошо. На лето, на путину в поселок приезжало очень много вербованных с материка, жили они в бараках женских, мужских и семейных. По воскресеньям и в выходные дни, как всегда, пили, веселились, а потом дрались, то с местными, а то с моряками, и все драки начинались из-за женщин, которых среди вербованных было раза в три меньше. Дрались толпа на толпу. Бывали и серьезные жертвы. Потом где-то к июлю стабилизировался относительный порядок, местные занимались огородами в свободное время, а в целом все работали на выполнение установленных норм и планов. Колхоз гонял скот по пастбищам, заготовливал силос и сено. Рыбокомбинат перерабатывал горбушу, сельдь, краба, треску, камбалу, скумбрию, минтая.

Так было в 50-60-х годах.

Отец. Лето 1948 года. Поселок.

Витька Шмелев, моторист рыболовецкой шхуны «Ольга», с матросом Юрой Сопрыкиным, которому в этот день исполнилось девятнадцать лет, гладили клеши и всю свою морскую форму к походу в местный клуб на танцы.

– Витя, а у тебя что, в городе так и нет зазнобы? – спросил Юра.

– Была да сплыла, прошлым летом я ее проплавал или проходил, да ну ее, – махнул рукой Виктор Шмелев.

В кубрике было пусто. Моряки ушли в увольнение к женам, любовницам и друзьям, как только причалили к пирсу.

Сегодня суббота, и вечером в клубе танцы под духовой оркестр, а потом под пластинки.

Когда друзья начистили обувь и подошли к вахтенному, чтоб засвидетельствовать свой выход на берег, Юра вспомнил о своем дне рождения и спустился в кубрик за деньгами.

Они шли, молодые, наглаженные, сверкая полосатыми тельняшками и начищенными ботинками. Ветерок трепал ленты на бескозырках.

Виктору Шмелеву было тоже девятнадцать лет. Он был крепкого телосложения от природы. Слегка горбинкой нос, черный, как смоль, кучерявый чуб, волевой подбородок, горящие голубые глаза и играющая довольная улыбка на губах. Ростом он был пониже Юры, но смотрелся великолепно.

– Витек, ну ты просто адмирал, – сказал, улыбаясь, Юра.

– Ничего, сойду за боцмана, – парировал, смеясь, довольный собой, Виктор.

Да, они были молоды и красивы и слегка пьяны. Юра угостил, перед выходом за свой день рождения Виктора припасенным спиртом, который они развели, как учил их это делать старпом Антоныч. Правда, он же всегда говорил: «Вам, салаги, надо учиться пить, помните, всю водку не выпьешь, а вот перебрав, можно сразу прихватить всю жизненную дурь и натворить того, что и в никаких снах не привидится».

Танцы были в разгаре. Юра наклонился к уху Виктора и сказал:

– Ты смотри, какие крали у правой стенки. Я пошел.

Играли вальс «На сопках Манчжурии».

Виктор посмотрел на четырех девушек, и одна из них так улыбалась красиво при этом, что-то рассказывала подружкам. Наблюдая за ней, у Виктора сердце «запрыгало», как после стометровки. Он хотел идти и пригласить ее, но не успел, осталось только смотреть, как ловко Юра вальсировал с ней по кругу зала.

– Странно, три других подружки тоже были хороши собой, – размышлял Виктор, а он стоял как вкопанный и не решался подойти к ним. Еще десять секунд, и они уже танцевали с местными ребятами.

– О, да тут не зевай, – подумал Виктор и отошел к выходу, возле которого таких, как он зевак было достаточно. Хорошо, что я не пошел, а то бы опростоволосился. Местные увели бы даму из-под носа, как пить дать. Он ведь не Юра. Так бы и остался в зале один.

Он осмотрелся. Кружило всего-то пар двенадцать-пятнадцать, а остальные созерцали и «базарили» между собой.

– Да, с женским полом тут не густо, – размышлял он. – Мужиков-то в три раза больше. А когда он, проанализировав, понял, что и мореманов всего ничего, то пришел к выводу, что не дадут им сегодня местные, с девчонками погулять.

Закончился танец, и Юра, раскрасневшийся, подскочил к Виктору с этой красивой девушкой и, запыхавшись, сказал:

– Знакомься, адмирал, это Анастасия.

– Виктор Шмелев, – представился он и опустил глаза, будто ему больше и нечего было сказать. Да и что скажешь, если такая девушка стоит и улыбается рядом с его другом.

– Вы друзья или вместе работаете? – спросила Анастасия.

– Друзья, – сказал Виктор и посмотрел на нее. Он посмотрел, так открыто любуясь ею и даже как-то виновато, но тут же добавил: – А я вижу, у вас таких, как вы, красивых больше нет.

– Ну да что вы, нашли красавицу. Вон мои подружки, смотрите какие симпатные, а вы теряетесь, – и она рассмеялась.

Юра встрял тут же:

– Витек, давай швартуйся к ним, пока не поздно.

В этот момент упитанная дама лет сорока вышла на середину зала и произнесла:

– А сейчас танго. Дамы приглашают кавалеров!

Оркестр заиграл. Юра что-то хотел сказать Анастасии, но она посмотрела на Виктора и протянула ему руку.

– Извините, – идя за ней, говорил он. – Какой я танцор?

– Ничего, научимся.

– Спасибо, – сказал он. – Я вам очень благодарен, так как сам я бы не решился к вам подойти.

– Почему?

– Не знаю, но я оробел.

– Оробел? – она смеялась и танцевала легко и правильно.

– Да, я как зашел в клуб и только вас увидел, то больше не увидел никого.

– Да что вы говорите? Конечно, вы поскромней, не то, что ваш друг Юра. Вон он уже с Аней танцует и рукой вам машет. Но вы и не такой скромник.

– Это он, наверно, вам машет? – сказал Виктор.

Анастасия улыбнулась и опять засмеялась.

– А Вы могли бы со мной уйти с танцев? – вдруг сказал Виктор и начал краснеть прямо на глазах у своей партнерши.

– Зачем? – удивилась она. – Мы пришли потанцевать с девчонками и вдруг уходить?

– Я боюсь вас потерять. На моряков плохо смотрят ваши местные парни.

Она снова засмеялась и потом сказала:

– Вот это да! А не боязно по поселку с незнакомой девушкой и при местных драчливых пацанах будете гулять, тем более освещение не везде у нас хорошее.

– Нет, я не боюсь! – спокойно и уверенно сказал Виктор.

– Очень смело! Ладно, пойдем. Только еще немного потанцуем.

И вдруг, когда закончилась музыка, там, где стояли три подружки Анастасии, образовалась драка, в центре стоял Юра. Потом кто-то ударил его сзади. Юра упал. Виктор на ходу сунул бескозырку девушке и рванулся на выручку. Он сбил с ног одного из нападавших, потом второго. Кто-то зацепил его больно по ноге, а вот и первый пропущенный удар. Вот тут-то и прилив сил пришел к Виктору. Практика уличных боев в Мгачи и Александровске пригодилась. Обидчик получил ответный удар, да такой сильный, что вылетел на середину зала и распластался «замертво». Виктор ногами не бил, это было негуманно и недостойно. Он нанес еще один удар ближайшему мужчине, и тот, завалившись на бок, громко застонал.

Что было бы дальше, нетрудно представить, как только через зевак у входа проскочили три матросика на подмогу, то тут же на них полезли человек десять местных.

И тут зычный голос, женщины объявлявшей танцы, громко зазвучал:

– Прекратить драку или я закрываю танцы.

Сразу появились два дружинника с красными повязками и остановили разгоряченных и уже полувивших по физиономиям людей. Словом, драка погасла.

Юра, вытирая кровь, которая обильно шла из носа, шел за Виктором, который подошел к трем морячкам и сказал:

– Надо уходить, нас мало. Они не останутся, я знаю.

Те, ничего не возражая, согласились и пошли к выходу. Все пятеро молодых моряков вышли из клуба. А дальше дорогу им преградили восемь человек местных мужчин, но не те, что были в зале, а уже другие, и чувствовалось, это были не молодые парни, а лет под тридцать-тридцать пять, уже бывалые мужики.

Виктор сразу сориентировался и сказал двум морячкам:

– Держать двери.

Оба моряка быстро двинулись к дверям и закрыли их, чтобы из зала не вышла толпа местных.

Юра, Виктор и самый высокий из моряков стали спиной друг к другу, заняв круговую оборону, и, не договариваясь, намотали ремни на руки.

Первого, самого здорового и плечистого, который попытался подойти, Виктор бил не ремнем, он сделал обманное движение в сторону и нанес удар левой прямо в челюсть. Амбал – здоровенный мужик – охнул и осел на колени, заваливаясь немного на левый бок от боли. Второму он бляхой, видимо, сильно поранил руку, и тот тоже присел на корточки от боли. Юра барахтался уже на земле с третьим. Четвертого уложил высокий, тоже, видимо, не первый раз участвующий в драках моряк. Еще двое стояли, не делая попыток сближения. И тут кто-то из зевак крикнул:

– Атас, мужики! Толпа идет. Мореманы плывут.

Моряков было человек десять – это ребята со спасателя «Грозный». Они были оповещены еще на подходе к клубу, что тут идет драка, и они, как в сказке про 33 богатыря, выплыли на свет от висячего на столбе фонаря, а не из морской пучины, в готовности разнести всех и все в пух и прах, как умели делать их отцы и деды на войне.

Один из них сразу узнал Виктора – они вместе учились в ремеслухе.

– Шмель, что за хрень тут идет? Вас били?

– Да вот эти решили нас побить, – ответил Виктор и показал на корчившихся еще двух мужиков перед ним в двух-трех метрах.

Сокурсник подошел к подымающемуся Амбалу и спросил:

– За что ребят бьете?

– Это они нас бьют, – сказал Амбал, подымаясь и делая несколько шагов назад, ближе к своим.

Сокурсника звали Иван. Он что-то хотел сказать своим ребятам, но тут дверь, которую держали двое морячков, распахнулась, и разъяренные местные мужики ломанулись на выход.

– Стоять! – заорал вдруг Амбал. – Кто первым затеял драку, а ну иди сюда.

Тут впереди выходявших появилась Валентина – начальник клуба – и сразу, подскочив к Амбалу, сказала:

– Федя, это опять братья Степановы набузили. Они мне все танцы портят. Морячки их первыми не трогали. Это они из-за девок зареченских наехали.

– Давай Степановых сюда, – скомандовал Амбал, которого звали с рождения Федором.

– Да тут мы, – раздался чей-то голос из толпы.

Братья предстали перед Федором. Один из них, носом, видимо, нарвавшись раньше в клубе на кулак Виктора, был еще в крови.

– Идите отсюда, – сказал Амбал. – Пусть люди танцуют. Предупреждаю всех: морячков не трогать. Это парни с «Грозного», они наших рыбаков прошлым летом спасли. Хотите махаться – идите к вербованным. Все, Валентина, включай музыку, а то сейчас участковый нарисуетя со своими дружинниками. А ты, малой – обратился он к Виктору, – где так бить научился?

– Жизнь научила, – тихо сказал Виктор.

Двор у клуба стал пустеть. Морячки с «Грозного» пошли в клуб. К ним присоединились и те трое, что помогли в трудную минуту Виктору и Юрию.

Виктор с Юрой отошли к оградке, где приткнулась колонка для набора воды. Виктор держал рычаг, а Юрий смывал кровь с рук, с лица и с формы.

Солнце ушло за горизонт, но было еще не очень темно. Кто-то из местных пацанов, которому явно нравились моряки, принес бескозырку Юре. Тут Виктор вспомнил про свою, ведь он оставил ее у Анастасии.

– Подожди меня, Юра, я сейчас, – и он пошел к клубу.

У входа стояла Анастасия.

– Ваша фуражка, – сказала она, протягивая ему бескозырку.

– Спасибо, извините, что так вышло.

– Мы всякое тут выдели, но я честно скажу, что очень испугалась. Это все Степановы, вечно они до кого-нибудь докопаются. Здорово ты старшему братцу врезал. Все девчонки видели, как ты дерешься. Ой, извините, Виктор, что на «ты» с вами.

– Да нет, ничего, даже правильно, какой я там «вы».

– Тогда и меня зовите на «ты».

– Ну, вот и договорились. Да, вы, то есть ты обещала погулять со мной?

– Хорошо, пошли. Я только Ане скажу и подойду, и она быстро пошла в клуб. Юра подошел к Виктору:

– Ну, ты братишка, даешь. Я с ней познакомился. Первый начал танцевать, а ты раз – и в дамки. Не по-дружески, Витек.

– Прости, дружище. Нравится она мне, да и согласна со мной погулять.

– А я как? В кубрик, на шконку?

– Не знаю, – сказал Виктор и опустил голову.

Юра махнул рукой и пошел в клуб. Через минуту вышла Анастасия.

– Твой друг меня, чуть не сшиб в проходе. Что с ним? – спросила она.

– Ревнует.

– К кому?

– Тебя ко мне.

– Ну, вот еще. Я ведь ему ничего не обещала. Да и не нравится мне твой друг. Высокомерен и болтлив. Да ладно, пошли, – сказала она и улыбнулась.

Это была ночь, даже не ночь, а затянувшийся летний вечер. Они гуляли по поселку часа два, потом стояли у калитки ее дома и отмахивались ветками от назойливых комаров. И все о чем-то говорили и говорили.

За полночь Виктор вернулся на шхуну. Он не шел, он летел. Летел, как летают все настоящие влюбленные.

В кубрике горел дежурный свет. В дальнем углу храпел дядя Саня. Почему он здесь, Виктор не понимал. Храпит, значит, пьяный. Наверное, облом с его подругой вышел, к которой он вторую путину бегаёт.

Виктор еще долго не мог уснуть. Потом вышел на палубу, закурил. Небо чистое и все в звездах. В поселке свет в основном горел на столбах ближе к морю и то редко. Юра не появлялся. Но за него у Виктора волнений обычно не было. Виктор достал вторую беломорину, закурил, а затянувшись, как бы снова услышал голос Анастасии:

– Приехали мы сюда в июне 1947 года, – говорила она, – из Сибири, Тюменской области, Абатского района, из деревни Старовяткино. Отец завербовался. У меня сестренке три годика, а брат Миша на Курской дуге в 43-м без вести пропал. лейтенантом был, танкистом. Мама по сей день ждет от него какую-нибудь весточку. Она привыкла ждать и переживать. Нет-нет, да и заплачет, вспоминая о сыне.

Не все Анастасия говорила Виктору. Она не рассказала, что в Гражданскую войну ее отец Иван Анисимович Коновалов служил у Колчака. За царя и Отечество рубился с красными. Когда Колчаковскую армию разбили и добивали остатки, уходившие на север вдоль Байкала, тогда-то и попал Иван Анисимович в плен. Офицеров расстреляли сразу, солдатам предложили перейти служить в Красную Рабоче-Крестьянскую Армию. Выбора не было. Несогласных расстреляли. Стал Иван Коновалов красноармейцем. Войну закончил в Краснодарском крае. Вернулся домой без царапины. Везучий был. Всего-то в деревню вернулось с Гражданской девять человек. Остальные, кто от красных, а кто и от белых, полегли. В деревне из мужского пола больше были старики да мальчишки. Иван полгода гулял, как кобель, а потом приглянулась ему дочь бывшего кулака Симакова Феня, ну и поженились. Надо было вести невесту в свой дом, по обычаю и Иван привел, чтоб односельчане не сплетничали, а чуть позже переехали в небольшой домик рядом с домом Прокопия Симакова, отца Федосьи. Через год родился сын Михаил, а еще через три года, в 1928 году, Анастасия. Одиннадцать лет прожили они с Феней не богато, но и не бедно. С Советской властью дружили, работали в колхозе. Иван имел дурную привычку пить водку, пока лезет. Правда, не часто, но как доберется, то на всю катушку. Участковый его предупредил как-то:

– Ну, ты Иван, еще раз попадешься с дракой – посажу, а там тебе всё припомнят: и белых, и Колчака. Что, не чувствуешь, о чем в городе судачат, – арест за арестом, а у тебя врагов в деревне, как у кошки блох. Вот и думай.

И Иван надумал. В конце апреля 1937 года исчез Иван из деревни. Феня отвечала соседям на их расспросы о муже: «Уехал Иван в Абатск к родственникам». Через месяц Ивана Анисимовича стали искать всерьёз, приходил капитан с НКВД, грозил всех посадить. Миша с Анастасией прижались тогда в угол при разговоре. Капитан взглянул на них, смягчился и сказал:

– Феня, твой Иван подлежит аресту. Есть приказ сверху. Еще раз взглянул на детей и вышел.

Так он сказал, что все поняла Федосья. Убьют Ивана, если появится.

А в это время Коновалов добрался до Якутии, где потом всю войну проработал на золотых приисках. Бронь имел. Писем не посылал и ничего не получал. Пропал Иван Анисимович на целых восемь лет. Вернулся в деревню осенью сорок пятого года. Феня его ждала. В конце сорок шестого она родила дочь Анну. Они все ждали вестей о сыне, но пришло второе

подтверждение: «Ваш сын, Михаил Иванович Коновалов, пропал без вести во время боев под Курском».

В начале лета 1947 года Иван завербовался на пять лет на остров Сахалин. Подальше от горького прошлого в Сибири.

Об этом Виктор узнает позже, а пока он влюбленно смотрел на поселок и с нетерпением думал о завтрашней встрече с Анастасией.

Рано утром его разбудил Юра.

– Хватит спать, – сказал он и полез на свою полку, так называемую кровать.

– Ты где был? – спросил Виктор.

– У Ани.

– Ну и что?

– А ничего, сено в сарае мял, – хихикнул Юрий.

– И что, ее не искали?

– А ты меня искал?

– Нет.

– И ее не искали. Ох, баба, Витя! Отпад! Потом расскажу, – зевая, сказал Юрий и через минуту уже сопел и храпел, как осипший свисток паровоза.

– Хорошо, что так, – подумал Виктор, – а то бы пришлось оправдываться перед другом, что он у него девушку увел. А вообще-то, что это я должен оправдываться? – рассуждал он. – По-моему, ей тоже со мной было интересно.

Он вышел на палубу, сходил в гальюн и снова закурил.

– Почти вся команда на берегу. До 16 часов еще уйма времени. В 16 они встречаются у моста перед речкой, где на той стороне стоит дом Ивана Коновалова, в котором и живет его девушка Настя.

Погода была исключительная, на море полный штиль. У причала стояло два буксирных катера, три МРСа (малый рыболовецкий сейнер) и их шхуна. Спасатель «Грозный», метрах в трехстах, стоял на якоре.

Виктор смотрел на воду и наблюдал за мелюзгой, как они стайками проносились вдоль борта, бултыхаясь и сверкая своими белыми брюшками на восходящем солнце.

Вот так же он любил в детстве сидеть и думать, глядя на воду, Думать и смотреть на звездные серебряные блики от лучей солнца, особенно на гребне небольшой волны. Красиво!!!

Глава 8

Виктор Зеленин. Возвращение.

Для Зеленина известие от Уварова неожиданностью не было. Он знал, что такие люди, как его друг Цветков, все узнают. И все-таки это была действительно плохая новость. Для капитана она была не совсем плохая. Полковник уедет, и война для него закончится, а у капитана забот будет меньше и риска тоже поубавится. На совещании командующий группировки объявил фамилию Зеленина, его некоторые приметы и возраст. Приказал всем, если таковой появится в подразделениях и на КП, немедленно задержать, но не как преступника, не надо его вязать, а просто доставить в штаб к нему или начальнику штаба. Еще он попросил быть с этим полковником запаса поделикатнее, все-таки он сына потерял, и сам на войну приехал, да ранее прошел и Афганистан. Также командующий лично рассказал коротко, где пропали десантники, и просил в случае какой-нибудь информации немедленно доложить лично ему. Зеленин понимал: стоит ему сейчас открыться, и командующий, сделав его героем, урочет, грубо говоря, Уварова за неправильный и ложный доклад. Он, Зеленин, получит потом «награду», а его новый боевой друг Уваров взыскание и недоверие. Не останется без особого внимания и полковник Кудрин. Уваров предложил Зеленину вылететь на Моздок и там связаться сразу с Кудриным. Виктор дал добро на скрытный отъезд. Вечером пара «Ми-24», от федералов, уходила на Моздок, Уваров смог договориться с командиром «Крокодила» подбросить боевого полковника.

Какой же все-таки у спецназовца был авторитет у вертолетчиков, чтоб уговорить их взять Зеленина! Командир дал добро и научил, как скрытно пробраться к вертолету, а там – в отсек стрелков.

Зеленин поймал себя на мысли, что ему становится грустно и не хочется уходить от бойцов, с ними как-то надежно.

Уваров построил группу в палатке. Поблагодарил полковника за уроки рукопашки, а главное – за поддержку в бою. Но, что характерно, когда Зеленин заходил в палатку и когда выходил из нее, Уваров отдавал честь, прикладывая правую руку к краповому берету. Принимая строевую стойку, он давал команды, как старшему начальнику: «Смирно!», «Вольно». Спецназовцы, кто имел краповый берет, а их было всего семь человек, стояли в них, как на параде. Зеленин даже замахал рукой и сказал:

– Ну, что вы, мужики? Вам спасибо! Спасибо за понимание! Спасибо за то, что вы меня порадовали вашими принципами: «Один за всех, и все за одного!», «Кто, как не я!», «Сам умирай, а друга спасай!» – и другими. Вы настоящие парни новой России!

Дед уходил героем, но без особого настроения. Вот где жизнь на ладони, не потому, что война, а потому, что люди тут другие из-за отношений друг к другу, честных и правильных.

Зеленин перед пробежкой к вертолету обнял на прощанье капитана и сказал:

– Прощай, капитан, и спасибо тебе огромное за все! Вернешься назад – позвони, адрес, и телефон мой у тебя есть. Буду рад увидеть тебя вновь. Почему я уезжаю, ты знаешь. А вообще-то мое место с вами!

Они расстались, думая, что расстались навсегда. Не знали они тогда, что судьба сведет их еще вместе.

Минут через десять в десантном отсеке вертолета стало тепло. Полковник, прошедший теперь за пять дней много нервов и стрессов, вплоть до потери памяти, провалился в сон. Засыпая, он вспомнил генерала Цветкова. «Да. Это он все испортил. А может быть, и спас его от тех мучений, которые еще выпадут на долю тех, которые остались там, на чеченской земле, там, где идет война. А все-таки Цветков, наверно, прав. Один в поле не воин».

В Моздоке после приземления Виктор еще раз убедился в высокой порядочности Уварова. Он, видать, отправив Зеленина, дозвонился до Кудрина. Полковник Кудрин после оста-

новки винтов вертолета, приветствуя Виктора, повел его к «уазику». Потом они подъехали к тем же вагончикам, что и прошлый раз. Кудрин отправил водителя попить чайку, а сам, доставая те же стаканчики из бардачка, сказал:

– Извини, Виктор, но я пытался собрать все, что получилось, о твоём сыне Егоре и лейтенанте Коршунове. Информация пока не из лучших. Однако двое пленных опознали на фото твоего сына и лейтенанта.

Зеленин, от нетерпения заерзав на заднем сидении «уазика», сразу спросил:

– Что они сказали?

– Сказали, что по приказу Шамиля их увезли в штаб под Ведено, как и предполагалось раньше. А когда одному из этих «духов» довелось там побывать, то он поинтересовался, где пленные, которых они взяли. Так вот, из его слов, Витя говорю плохую и жестокую весть.

– Да не тяни ты, полковник, что он сказал?

– Их расстреляли сутками раньше. Где тела, где расстреливали, он не уточнял.

Зеленин готов был услышать это, но все равно не верилось, Егор, его сын, расстрелян? Нет, этого не может быть. Он в порыве гнева и негодования сказал:

– А мы что так и будем идти на поводу у этих уродов? Штаб у них где-то там, под Ведено, и почему этот штаб еще существует? Мы, победившие мировой фашизм, стали такими немощными, да что это, бляха, за Армия? Я понаслушался об этих зачистках, сам побывал на операции, это какое-то издевательство. Да мы что, не можем ввести достаточное количество войск и заблокировать доступ к передвижению по Чечне этих гадов? И, в конце-то концов, Чечня – это Россия, это не Афган у черта на куличках. Ну, суки же те, кто все это развязали и бросили. Да что с ними чванькаться! Я поеду назад и буду беспощадно мстить за сына. Нашлись долбанные воины, привыкли, твари, за бабки пакостить. Это все Борис Ельцин с горбатым Мишей, американцам продались. Всю страну развалили. Суки, да и только.

Зеленин вдруг резко замолчал. Кудрин же, дав ему сбить волнение, сделал небольшую паузу, снова заговорил:

– Назад в Чечню, Витя, тебе дороги нет. Ты объявлен в розыск, к нам приехал генерал из генштаба, очень обеспокоен твоим исчезновением. Всё на ушах стоит.

– Я надеюсь, ты про меня не рассказал?

– Нет!

Кудрин налил в стаканчики кизлярский коньяк и не знал, что сказать и чокаться им или нет. Зеленин понял, видать, и сам разрулил щекотливую обстановку. Он сам подтянул свой стаканчик и, тихонько коснувшись стаканчика Кудрина, сказал: «Нет трупа. А, «дух» – так это даже не свидетель. Врут они, суки. Чую я, как снайпера чую. Жив Егор! Да, чувствует и мое сердце. Живы ребята!»

Они выпили. Потом вторую. Третью молча за погибших, не чокаясь. Тут появился водитель «уазика». Завел машину, и они поехали на пересылку к штабу.

Кудрин поместил Зеленина на ночлег в бане, в комнате отдыха, и обещал утром его навестить и обдумать дальнейшие планы.

Виктор проснулся рано и начал приводить свое сильно осунувшееся лицо с мешками под глазами и седую щетину к нормальному «бою», как вдруг услышал знакомый голос Цветкова. Дверь распахнулась, и на пороге появился генерал, высокий, в камуфляже и злой. За ним замаячила фигурка банщика и полковника Кудрина.

– Ну, здравствуй, Виктор! – сказал генерал, протягивая руку, и добавил, – только без эмоций, Витя, своих оправданий и обид.

Зеленин поздоровался и с Цветковым, и с Кудриным, а про себя подумал: «Спелись!»

Банщик удалился, поставив на столик бутылку минералки «Терская».

Продолжил разговор Цветков:

– Полковник, слушай меня внимательно и до конца. Тебе необходимо уехать домой сегодня же, я улетаю завтра для разработки операции по ликвидации духов под Ведено. Будем искать Егора и лейтенанта там. Я вчера смог убедить начальника управления о необходимости ликвидации бандформирований в их командном центре. Получил добро на разработку. Сегодня у меня рекогносцировка и уточнение сил и средств с обеих сторон. Я также договорился с командующим привлечь на эту операцию, не в ущерб его основной работе, твоего товарища полковника Кудрина, который поведал мне о твоих геройствах. Конечно, ты, как боец, герой, но мне надо, чтобы ты уехал. Виктор, ты мне вяжешь руки.

– Как я вяжу? Я наоборот хочу помочь! Сам говоришь, герой, а герою не к лицу отсиживаться в тылу.

– Витя, ты не думай, что вокруг тебя и нас только те, кто хочет нам добра и удачи. Никто из вышестоящих инстанций не должен знать, для чего так спешно потребовалось разгромить базу боевиков. Это не должны знать и «стукачи», и «кроты». Когда будет бой с духами, будут жертвы и с нашей стороны, тоже не исключаю, а срыв операции приведет к поиску виновных, найдутся сразу «доброжелатели». Сам понимаешь, какие дальнейшие последствия. Кому война, а кому и мать родная. В Ханкале ты должен был понять, что командующий группировки работает на нас, и та операция, в которой ты отличился, была спланирована в районе пропажи Егора. Видишь, мы идем поэтапно.

– И не успеваем. День сегодня, день завтра. Планы, рекогносцировки – понятно все это, и не хрена не понятно, что в генштабе за командование сидит, наверно, половина афганцев, с боевым опытом, а «духи» что хотят, то и творят. Генерал, над нами потом потомки будут смеяться.

– Остынь, Виктор. Показания пленного – это еще не вердикт. Успокойся, смотри какие у нас помощники, – Цветков дружески похлопал Кудрина по плечу.

– Найдем Егора! Вот увидишь, найдем! А тебе, дружище спасибо, что ты живой. Я вчера ночью как узнал о твоих подвигах, да еще пленный душман рассказал, как ты двоих в домике замочил и его повязал, у меня чуть сердце не остановилось. Не знаю, как просочилось, но после рассказов пленных мне доложили о каком-то Самурае, который якобы в одиночку около десятка завалил. Как сказали Самурай, то я сразу понял, чьих рук дело, а дальше узнал, у кого ты базировался. В два часа ночи дозвонился по ЗАС дежурному, и он мне под особым секретом отыскал на проводе капитана Уварова. Капитан рассказал правду и очень тобой восхищался, а где тебя найти – тоже не отказал мне в любезности и дал наколочку на полковника Кудрина, с которым мы встретились и до рассвета мозговали у меня в номере. На Уварова не обижайся, он не сразу открылся. Однако ты, видать, ему раньше обо мне говорил. Поэтому и открылся.

– Да, говорил. Я теперь понял. Товарищ генерал, Володя, дружище, ну разреши мне здесь в Моздоке остаться.

– Нет, Виктор! Это приказ. Как хочешь, понимай, но так надо, Виктор.

Зеленин молчал, опустив голову, а потом встал по-военному и спросил:

– Когда мне улетать, товарищ генерал?

– Через час «Ил-76» идет на Москву. Проводит тебя Егор Олегович. На Чкаловском аэродроме встретит мой водитель, ты с ним, кажется, знаком.

Они крепко обнялись, и Цветков ушел.

На Чкаловском аэродроме Виктора встретил помощник генерала майор Гарин, такой же статный, но чистый брюнет с аккуратными усиками, которые ему очень шли, по возрасту ему можно было дать лет тридцать пять-тридцать восемь, и походил он, даже сильно, на артиста Яковлева, красавец – «гусар»! Майор улыбнулся, приветствуя Зеленина, и на правой щеке, к основному портрету, показал еще и ямочку. Гарин с таким уважением отнесся к Виктору, будто тот приехал в Генштаб с проверкой от Министра обороны. Но за всей этой обходительностью

Зеленин почувствовал полную уверенность в своих делах и поступках. Интеллигентность и военную выправку, полную преданность своему начальнику.

Нет, он уж не такой молодой офицер, да и Цветков небоевого офицера вряд ли возьмет. Правда, как-то Владимир жаловался на своего зама, фамилия у него еще редкая, запоминающаяся – Тяжнин. Его-то он себе в замы не выбирал, назначили, приходилось терпеть и срабатываться, тем более начальник управления его сильно расхваливал. И там он был, и там воевал, а на поверку вышло, что больше десяти дней нигде не задерживался. Прилетит, шороху наведет, задач понаставит, компромата наберет и всегда найдет быстро крайнего. Доклады в управлении четкие, короткие, но, сколько Цветкову ни приходилось их выслушивать, заканчивались они предложением о снятии с должностей, чуть ли не всего руководства.

Майор Гарин Зеленину очень понравился. В машине за разговорами Зеленин вдруг спросил у Гарина:

– Дети у Вас, товарищ майор, есть?

– Есть сын, шестнадцать лет. Жена у меня красавица! Виктор Степанович, вот о девочке мечтаю, да чтобы обязательно на жену мою Жанну была похожа.

В восемнадцать часов они расстались на перроне Курского вокзала.

Вокзал остался позади. Электричка катила на Владимир. Зеленин снова смотрел в окно и вспоминал прошедшую неделю, и не верил тому, что увидел за какие-то шесть дней, все как в тумане. Крик, страшный крик умирающего бойца от ожогов в соседнем бронетранспортере. Стрельба, стрельба и постоянная боль в ноге, голоса душманов и этот силуэт человека с трубой, и отчаянный бросок в домике – все это всплывало в хаотическом порядке. Он понял только теперь, что побывал на войне, ему жалко было погибших ребят, он хоть как-то, но отомстил за них. Он убил несколько человек, их не жалко, но он давно отвык от этого, и на душе было очень неуютно. Всегда так бывало, после смертей душа не на месте, а особенно когда теряешь товарищей. В самолете из Моздока Зеленин все два часа проспал. Свалило его напрочь. Они перед отъездом с Кудриным из его фляжки трижды приложились к коньячку. В поезде он бодрствовал, прижавшись к стенке вагона, и все вспоминал, и вспоминал, особенно людей, с которыми ему довелось встречаться, и Чечню, на которой впервые побывал.

– Не может Егор погибнуть! А если они все-таки убили его? Как же я теперь буду жить без сына, Господи, за какие такие грехи ты хочешь добить и меня? Заныла вдруг правая ступня ноги, не дав совсем уйти в глухой ступор отчаяния. Мне всего-то 46 лет, а я уже военный пенсионер, запасник. Полковники уходят, как правило, не раньше пятидесяти лет, а его медики списали на гражданку. Кто я на гражданке? Так все быстро и неожиданно произошло, да и он тогда не сопротивлялся, надо было уделить внимание Аннушке, а служба – она баба ревнивая – не даст на два фронта нормально жить и даже существовать. Или с ней, или от нее. Конечно, тогда он принял правильное решение, но не подготовил для себя никаких путей отхода и где себя применить на гражданке – тоже. В городе они жили не богато, но и не бедно, на подсосе. Когда заболела Аннушка, в дело пошли все сбережения, золото, антиквар. Квартира обставлена была просто, но со вкусом. Квартира находилась не в новом доме Стрелецкого городка, это стала его последняя квартира, как «дембельская». Только обосновались, только в стране немного стали люди успокаиваться от жестоких бандитских разборок, растаскивания внаглую Государства, потихоньку стабилизировались цены, служить бы теперь да служить, но врачи вдруг после очередной диспансеризации вынесли отрицательный вердикт.

Зеленин тогда вспомнил несколько анекдотов или шуточных высказываний:

«Что такое демократия? Это – когда источником власти в любой стране является народ. Американский народ».

«Новости: – В России утверждена новая медаль, которой будут награждаться самые добросовестные чиновники. Медаль будет называться «За расхищение государственной собственности в особо малых размерах».

«Начальник подчиненному, уходящему в запас: «Не расстраивайтесь полковник, Вы также будете служить Родине, охраняя на рынке склад предпринимателя Мамедова».

Тогда решено было начать, в первую очередь, подправлять свое здоровье. И рванули они с Аннушкой в кисловодский военный санаторий. Это были незабываемые первые полторы недели отдыха, но затем вернулся оттуда Виктор с Анной, у которой врачи диагностировали рак шейки матки. Все планы пошли кувырком. Сначала страшная поселилась паника, потом мучения и обреченность, боль со всех сторон. Переезд в деревню по большому счету был и не нужен, но после первой операции было улучшение, замаячила надежда. По совету врача решили ближе к природе. Все делал Виктор, никакой работы не гнушаясь, а его Анна таяла на глазах. Его любимая и единственная женщина была смертельно больна. Кто виноват? Виноватых нет. «Виновен я!» – так воспитывали в то время. Такие люди испытывали странные брожения в своей душе, выросшие на традициях патриотизма к Родине. Развал СССР они восприняли, как личную трагедию, и в глубине своих мозгов считали не только виноватым правительство, но самих себя. И не могут до сих пор свыкнуться с тем, что появилась граница с Украиной, Белоруссией, Молдавией, с другими республиками. Военных ни во что не ставит нынешнее правительство, платят копейки, что такое 300 долларов, которые на весь месяц получает не кто-нибудь, а целый полковник. А? Всё везде в долларах – «баксах». Американские боевики и эротика на всех почти каналах ТВ. Фильмы новые, за исключением немногих, сплошной криминал, убийство, насилие, разборки. Часто в фильмах можно было явно понять: тем, кто против мафии, все равно крышка. Коррупция в верхах как плесень на белой корочке хлеба захватила все без остатка. Воры скупают, внаглую, землю, недвижимость, строят коттеджи, магазины, казино, клубы и так до бесконечности, везде гуляет и командует произвол. Народ сводит концы с концами. Копошится, выкручивается кто как может. Милиция не справляется, ей вообще не в протык – уголовники беспридельничают, мародеры убивают, воруют. Медицина нормально лечит тех, кто хорошо платит. Поступить за бабки можно в любой вуз, только плати. Армейские устои затрещали по всем швам. Раньше, не дай-то бог, командир полка построит себе гараж за казенные деньги. Сейчас это в порядке вещей. Тащилось все, что можно было утащить, это была какая-то эпидемия. А где еще были нормальные люди, с нормальными понятиями, то там же всегда появлялись стаи зависимых от бабок прапорщиков и офицеров, которые, как пираньи, съедали их понятия или самих их, а остатки выплевывали в лицо другим, чтобы остальным неповадно было жить не по их понятиям. Солдаты строили гаражи, коттеджи, дачи, работали на кирпичных заводах, пилили лес, а все добытое добро отправляли для «вожаков», сидящих в штабах, в кадрах, тылах полковникам, генералам не забывая под эту марку и о себе. А те их покрывали, награждали и выдвигали. Таким образом, омолаживалась, изменялась и реформировалась наша армейская система. Дисциплина падала на глазах. А тут, еще не успев отойти от Афганистана, не прошло и пяти лет, в декабре 1994 года началась война в Чечне. Снова «Черный тюльпан», снова горе, снова беда. Решение стрелять-то приняли, а подготовки серьезной не было. Поначалу такая была неразбериха, что стыдно вспоминать. Складывалось впечатление, что войсками всерьез никто не командовал, до мелочей, до всех предполагаемых неожиданных ситуаций штабы не добирались. Операции, начиная с ввода в Чечню, заблаговременно не прорабатывались по всем канонам военной науки и стратегии. Правда, надо отдать должное Внутренним войскам МВД, на первых порах они несли значительно меньшие потери, так как имели огромный опыт боевых действий в горячих точках СНГ и с задачами в целом по вводу войск они справились.

С девяностых годов у Зеленина уже складывалось не оптимистическое настроение на службу. А в комплексе с тяжелой болезнью жены нервы сдали совсем, сломали дух боевого офицера, и как только врачи вынесли ему «ограниченно годен», то он и не пытался сопротивляться. Сегодня из-за всей этой неразберихи и трагедии Зеленин вновь стоит у черты жизни и смерти. Судьба Егора замерла перед одиноким Зелениным в томительном ожидании. Вся

надежда на Цветкова, Уварова, Кудрина, на таких, как спецназ «Русь», на самого Егора и его взводного. Надо вытащить сына с войны, из плена. Вот только живым или мертвым? Сдаваться нельзя! Он не имеет права в один год, потерять любимую жену и, не дай-то Бог, еще и сына. «Эх, все не так, как надо. Все не так, ребята!» – так пел Владимир Высоцкий в своей песне.

Глава 9

Владимир Цветков. Марина.

Марина после выхода из квартиры, от греха подальше, распрошлась с Николаем и пошла побродить по аллее вдоль училищного забора. У нее после такого стресса было время повспоминать и подумать, что же делать дальше.

Марина, в целом, очень переживала за мужа, когда попросту его ни за что сослали в ЗабВО, и в то же время была рада на какое-то время с ним расстаться. Беременность, рождение дочери – это серьезный период в ее жизни, но она понимала, чтобы дальше жить хорошо, у мужа должна быть хорошая карьера и, желательно, без переездов. Ее не прельщала заграница, поэтому она все сделала, чтобы ее мужа никто не трогал. Но тогда тот московский генерал, который разбирался с ЧП, оказался настолько влиятелен на начальника училища, что удерживать или, вернее, изменить решение не представлялось возможным. Приказ был составлен так быстро и круто, что все хлопоты потом оказались тщетными.

– Ты не можешь за себя постоять! – кричала она тогда на Владимира. – Ты развалил семью. Я не поеду в твоё срамное Забайкалье.

– Но ты ведь знала, за кого выходишь замуж, – пытался успокоить ее Владимир.

– Знала. Думала, за сильного, умного. А получилось, за сахалинца-гиляка, или как там у вас коренных жителей зовут. Колхоз, одним словом.

– Да что ты понимаешь в Сахалине?

– Понимаю! Понимаю, где находится туалет на улице с кучей червей. Эта вонь у бани, от крольчатников. Эта твоя мать, которая только и мечтает, чтобы мы расстались. Видите ли, я ему не пара.

– Марина, ты не права. Мама не это имела в виду, но даже если так, то неужели нельзя об этом не вспоминать. Они с отцом тебе две с половиной тысячи в подарок давали на норковую шубу, это все их сбережения. А ты о них так плохо...

– Да твой отец, алкаш, все молчком, никакой тебе помощи, всю жизнь свою только на мотоцикле и ездит да на службе штаны протирает.

– Да как ты смеешь трогать моего Батю? Батя воевал, он контужен, имеет тяжелое ранение.

– Вот-вот, контуженный. Вся твоя родня контуженная.

Марина вспоминала эту перепалку, прошедшую перед отъездом Владимира, а сама понимала: в случившемся сегодня виновата она. Еще два месяца она держалась, жила с родителями, нашла себе работу недалеко от дома под крылышком у мамы, а потом рванула на осенний офицерский бал в училище, и там-то она увидела того, о котором не раз отзывалась с восхищением сам ее муж Владимир. Конечно, сегодня у нее к Красносельцеву уже остыли чувства. Зато у него с каждой встречей они накалялись все больше и больше. Все зашло далеко. И вот он, финал: нежданно-негаданно нарисовался муженек. Дело-то в том, что Марина не любила ни того, ни другого. Нет, она когда-то «летала» и с Владимиром после их знакомства первые два месяца. Она месяц задышалась от секса с Николаем, но всегда приходило к ней чувство не то чтобы разочарования, а какого-то охлаждения, и желание остаться быстрее одной или уйти к подруге после всех постельных утех. Она любила только себя и свою дочь. Даже к родителям она относилась не очень-то ласково, за редким исключением, когда ей от них было что-то сильно надо. Порой даже устраивала скандалы, а за что? Всегда что-то, да находилось. Бзыкнуть на то или на другое – это пара пустяков. Надуть губы, пустить слезу. А, главное, никого не жалеть. Пусть крутятся. Обязаны. «А мужика чем больше грузишь, тем будет лучше», – размышляла Марина, понимая, что издевается. Но что поделаешь, коль такая у нее тактика выживания, такой характер, такое воспитание. А если посмотреть на это со стороны, не за того

она вышла замуж, ей бы за генерала сразу да «Волгу» к подъезду с адъютантом, но дело в том, что у генералов свои генеральши.

Надо было в сложившейся обстановке срочно принимать решение. Советоваться не с кем. Николай уже подал заявление на развод, за что имел строгий выговор по партийной линии, где его предупредили и потребовали прекращения развала молодой семьи. Тогда он на парткомиссии всем сказал:

– Я люблю Марину, и она любит меня. Я что, должен был с ней, прежде чем лечь в постель, спросить у всех вас разрешения?

Вот за это ему и вкатили строгача. Да еще и наказали завязать встречаться с Мариной и обязали попросить жену забрать заявление из парткома о его недостойном поведении.

Все эти нюансы семейного разлада Красносельцева Марина знала и, конечно же, она знала, кто всему этому виновник. Это она затащила после бала в свою квартиру этого красавчика Николая. Это она внушила себе, что он неотразим, хотя понимала, что по многим показателям Владимир был лучше, а главное, он был отцом ее дочери. Но Красносельцев был у всех на устах, положительным героем, особенно для женского пола. Женщины влюблялись в Николая, но он ни с кем не встречался. Марине надо было просто быть выше других, и она смогла понравиться сразу. Она утерла всем нос. Вот это у нее с детства было – быть лучше других, независимо от выбора средств. Она разбила семью, влюбила в себя человека, засветилась перед мужем и, значит, об этом скоро узнают все. И она принимает решение. Снова всех перехитрить, а, значит, все поставить по местам, как было до офицерского бала. Красносельцев сильный, он переживет и уйдет к жене из своей общаги. Коммунисты только обрадуются вместе с командованием, что так повлияли на своего собрата по партии. Владимир не может отрубить все концы, он карьерист, а главное – любит ее. А все остальное – шелуха. А у Марины насчет стыда комплекса не было. Какой там стыд! Вон заместитель начальника политотдела училища второй раз женат и с другими, говорят, еще путается, и ничего.

Короче, она срочно идет к Владимиру просить прощения, пообещает приехать в Забайкалье. Даже для большей правды пустит слезу.

Владимир был пьян. Он лежал на диване, не раздевшись, в обуви и не сразу понял, кто пытается поднять его голову и подсунуть подушку. Да, это была Марина. Эта женщина, которую он еще любил и ревновал, эта женщина, которая ему изменяла, вдруг снова была рядом.

Она поцеловала его в губы и прошептала:

– Пожалуйста, прости меня. Так получилось. Я люблю только тебя!

Владимир все чувствовал и все слышал. Его «хозяйство» начало без всякого приказа напрягаться, и руки сами схватили Марину и притянули к себе, а потом стали снимать с нее все, что им попадалось. А она раздевала его, а он ее. Хмель проходил, как утренний туман от набежавшего морского ветерка. Он входил в нее с такой страстью, как будто имел женщину в первый раз. Она тоже вся тряслась, хотя еще часов восемь назад извивалась от тугих вхождений Николая. Видимо, сыграл свое дело нервный стресс или что-то еще, но им было хорошо, они мирились.

Марина на время приезда Владимира исчезла из поля зрения Николая, который усиленно пытался ее найти. Она дала слово Владимиру, что через месяц приедет к нему в Борзю с дочерью.

Да, слово она свое сдержала, и в начале июля командир полка подполковник Дронов выделил свой «уазик» Владимиру Цветкову для встречи жены и дочери командира разведывательной роты. По приезду Цветкова из Омска замполту полка выделил прапорщика и с ним четырех человек мастеров для ремонта квартиры капитана. А так как Дронов распорядился об этом на совещании, то значит, ремонт надо сделать на совесть. Вскоре квартира, сверкая све-

жей краской, новыми обоями и цветами в трехлитровых банках в каждой комнате, встречала новую хозяйку и их дочь Татьяну.

Марине все это понравилось, а вечером у них был накрыт стол с барского плеча замполтыла, за которым присутствовали избранные, а это командир полка, все его замы, начальники разведки полка и дивизии и, конечно, закадычный друг Цветкова Грок. Все с женами, кроме старлея Грока.

Да! Его Марина была лучше всех! Тут-то он еще раз похвалил себя за то, что там, в военном городке Черемушки не наломал дров. Ради этого вечера и оказанного доверия его семье собрались такие люди. Люди, от которых в дальнейшем зависела его судьба, его карьера. Стоило все простить, стоило жить и служить. Владимир почувствовал новый прилив сил и энергии.

Первые месяца два все шло хорошо. Марине даже было интересно, но потом она стала пилить мужа за его поздний приход из роты. За то, что он мало оказывал внимания жене и дочери. Они снова начинали упрекать в чем-то друг друга. Страсти к третьему месяцу накалились так, что под предлогом наступающих осенних дней и в дальнейшем забайкальских холодов, а также последней простуды дочери Марина «вечерней лошадей», то есть поездом «Забайкальск-Чита», а из Читы самолетом убыла в Омск, якобы на лечение ребенка.

Через неделю подполковник Дронов объявил на совещании о том, что по семейным обстоятельствам убывает в краткосрочный отпуск, оставив за себя начальника штаба. Сам улетел в Омск.

Неделю Марина и он не выходили днями из гостиницы «Омск». Марина знала о том, что Дронов не бросит ее мужа на произвол, и его, то есть Дронова, тайные ухаживания приняла, а чтобы каким-то образом удрать от Цветкова, до отъезда накручивала мужа, а сама спокойно укатила на встречу со своим новым любовником в Омск. (Ничего этого в то время Цветков не знал и не допускал такого предательства, ни со стороны жены, обещавшей ему любовь и преданность, и тем более со стороны своего командира.)

Расстроенный отъездом жены Владимир, чтобы как-то отвлечься, еще рьяней взялся за службу, объявив сам себе казарменное положение, пока не приехал счастливый комполка Дронов, кстати, подаривший за это время его жене серьги с бриллиантами. Поселил себя Владимир в казарме, поставив кровать в своем кабинете командира разведывательной роты. А объяснял он перед взводными и старшими начальниками свое поведение просто:

– Надо быть ближе к солдату, надо навести уставной порядок в роте, а потом расслабляться.

Дронов понимал, что сложно смотреть в глаза человеку, который его когда-то выручил, который добросовестно служил у него в полку, а он, как предатель, спит с его женой и не просто с женой, а с классной женщиной, неутомимой труженицей в постели и такой красавицей. Хоть он себя и ругал за это, но вновь и вновь думал, как бы поскорей встретиться с Мариной. Он мечтал о возможности вновь увидеться с этой женщиной.

Через две недели после осенней проверки Цветков идет на повышение, заместителем начальника разведки дивизии, а это майорская должность, это трамплин в академию. И Дронову стало полегче, Цветков вышел из его подчинения. Он со своей потерянной совестью оставался в своей семье, и на предложение Марины бросить жену и сойтись с ней, он не согласился, ссылаясь на контракт службы в округе. А она после этого разговора больше и не настаивала, так как и Дронова, тоже особенно и не любила.

Марина приезжала и уезжала еще два раза. Владимир с этим стал свыкаться и даже был рад, когда она уезжала. Наступала тишина в квартире, да такая нужная после всех этих ничемных наездов:

– Язык твой – враг твой, – говорил он Марине и страдал от этого сам. Сколько раз после серьезных стычек он пытался уйти и вернуться уже за разводом. Но стоило Марине заулы-

баться, а еще и поласкаться, он сразу все прощал. «Да когда же это все кончится?» – думал он, и снова на ночь мир. Хорошее настроение способствовало службе.

Дочка Танечка, как уехала после первого приезда, так и ни разу ее с собой Марина не привозила. Комдив в ноябре месяце подписал рапорт Цветкова о зачислении его кандидатом в Академию имени Фрунзе.

Цветков начал потихоньку готовиться к поступлению в Академию.

Глава 10

Артем Шмелев. Дед и отец.

Когда Артему позвонила Людмила и сообщила о возвращении Виктора Зеленина из Чечни, то Артем, наконец, успокоился. Не случайно в его душе поселилась вторая тревога, как только Людмила рассказала ему о том, что связь она держит с Зелениным через какого-то Кузьмича. Ну, слава Богу, мой друг жив!

И опять Артем стал вспоминать другого Виктора, своего отца, и с ним еще одного Виктора – деда своего.

Виктор Шмелев смотрел на воду, на серебряные блики и думал: «Как далеко еще до встречи с Настей, до 16 часов он умрет от нетерпения увидеть ее, ту, которая появилась в его жизни так неожиданно и так притянула своей чистотой и добрейшей улыбкой».

А в ста сорока одном километре на север вдоль западного побережья острова, в поселке Мгачи, проживает его первая любовь Люба Хлебникова, которая, как только Виктор уехал в Александровскую ремеслуху, стала крутить роман с местным погранцом. Она захомутила его так, что тот не поехал домой после окончания службы на материк к родителям, а остался на Сахалине, где родилась у них двойня, мальчик и девочка. Предательство Любки Виктор переживал мучительно, но благо, преподаватель по двигателям раскусил его хандру и увлек его в мир музыки, приведя однажды его к себе домой. После ужина и разговоров Игорь Исаакович Сомин – так звали преподавателя – играл на семиструнной гитаре и пел такие песни, которых Виктор никогда раньше не слышал, но они так затронули его душу, и особенно звуки гитарных струн, что, когда он возвращался в общагу, понял, что есть вещи посильней тяги к Любке.

Давно он не был в родных краях шахтерского поселка Мгачи, где родился и вырос. Это севернее на тридцать шесть километров от Александровски. Он вспомнил, как с шестого на 7 ноября 1937 года забрали его отца. С вечера у него разболелись зубы. Хоть ему было всего девять лет, но эту ночь он запомнил навсегда. Отец пришивал подошвы на новые валенки. Отец – Виктор Игнатьевич – был немногословен, много читал, разбирался в политике, с двадцатого года в рядах КПСС. С матерью они жили очень дружно, он всегда ласково называл ее Аннушка. В шахте в забое Виктор Игнатьевич не работал. Сначала он был конюхом, потом – начальником конюшни, а коней было много, их готовили к работе, поили, кормили, чистили, опускали в шахту для конононов таскать тележки с углем. А потом отца избрали заместителем секретаря парткома и дали должность завхоза. Он был очень горд, что его заметили. Был отец, как рассказывала мать, очень честен и ответственен. Говорил частенько так:

– Люди – это большая забота, Аннушка. Ты к ним с душой, и они тебе ответят тем же.

Однако донос на него все-таки нашлось, кому написать.

Отец много читал, изучил главные труды Ленина и Маркса. Знал про все Съезды ВКПБ и о чем на них говорилось. Учил первым сына Витьку и его старшую сестру Веру читать и писать еще до школы.

Около десяти часов вечера сильно залаяла собака. Отец вышел и встретил троих человек в военной форме, двое в солдатских шинелях были, а один в черном тулупе и с офицерской сумкой. Солдаты шли с винтовками за плечами. А так как Витька маялся зубами, то всю эту

картину обыска в квартире и увода отца он слышал и видел. Конечно, тогда он больше думал о том, как бы уснуть, чтоб не чувствовать больной зуб.

Солдаты перевернули в доме все вверх дном. Перелистали все книжки, лазали в погреб, кладовку, на чердак. Набрали в мешок письма, газеты, какие-то листки, тетрадки. Закончили рыться за полночь. Потом лейтенант дал команду собираться и – на выход.

Когда отец оделся, то сказал:

– Аннушка, я ни в чем не виноват, я чист перед партией и народом, я скоро вернусь. Это недоразумение.

Мать все-таки причитала, и просила, и умоляла лейтенанта не забирать мужа, мол, утром он сам придет и разберетесь с ним, что да к чему.

Но его забрали в ноль часов двадцать минут 7 ноября 1937 года.

Знал бы тогда Витька, что когда он притворился спящим и его поцеловал перед уходом отец в последний раз, то рванулся б ему на шею, обнял бы его и, может быть, что-то и изменилось. Но, увы, ничего не изменилось и по сей день. Отец канул, как в воду. Только в местной газете, через десять дней, он прочитал, вернее, ему в школе сунули пацаны газету, где в правом верхнем углу на второй страничке была фотография отца и еще трех дяденек и заголовок: «Враги народа». Отец обвинялся в сговоре с мировым капитализмом, пособничестве врагам трудового народа. Арестован за контрреволюционную агитацию.

Виктор усмехнулся про себя и подумал: «Нет, не мог мой отец быть плохим человеком. Мама говорила, что это сосед Травин, на него донос написал. Но никто доказать этого не мог, сколько бы она ни ходила в правление, ничего ей в течение десяти дней не говорили. А потом появилась местная газета. Они обвинялись, а какая мера наказания – не говорилось.

Виктор глубоко вздохнул и достал папиросу, не сразу зажег спичку и снова вспоминал свое, уже теперь безотцовское, детство. Как тяжело было заканчивать в тот тридцать седьмой год школу. Учеба не шла, да и учителя, как сговорились, смотрели косо. Да и он сам как будто стал старше за эти полгода. А в следующий класс осенью его еле-еле притащила сестра, которая, не смотря ни на что, училась хорошо да матери во всем помогала. Благодаря ей он все-таки закончил семилетку. Аж до прошлого 1947 года, десять лет, мать все ждала отца. Как только с материка приходили катера, а она умудрялась об этом узнавать, всегда бежала на пристань и встречала прибывших. Возвращались фронтовики, много было калеченых, инвалидов. Возвращались после победы, бывало, и те, кто прошел через лагеря ГУЛАГа и тюрьмы, те, кого забрали в 37-м и в 38-м годах. И она ждала, ждала до сорок седьмого года. От тяжелой работы в шахте в годы войны простудила ноги, заработала ревматизм.

В 1943 году встретила в Александровске своего старого знакомого детства и юности Николая Козыриса, с которым, как было решено их родителями на Рождественке, где они тогда проживали, планировалась свадьба. Но вмешался тогда в их дружбу влюбленный в Анну Дербеневу Виктор Игнатьевич Шмелев и, как шмель, налетев на церковь, увез ее тогда из-под венца. А Анна этому была только рада и счастлива, любила-то она Виктора, а не Николая. Но это длинная и другая история. Видно, как говорила мать, хоть и женат был Козырис на другой, а как только по ранению пришел в конце сорок второго с фронта, все не забывал Анну и встрече очень был рад. Даже сказал: «Анна, я разведусь, если ты скажешь «да», и женюсь на тебе». Но мать сказала: «Нет, я буду ждать Виктора, он вернется!».

После той встречи с Козырисом они с матерью все-таки стали поддерживать связь. Позже Козырис помог Виктору поступить в ремесленное училище в Александровске, которое он закончил с отличием в сорок шестом году, а в первую же свою навигацию стал ходить в море мотористом на рыболовецких судах. В шестнадцать лет Виктор начал свою самостоятельную трудовую деятельность. Начинал с дрейфтеров, где были установлены одноцилиндровые двигатели, потом буксирный катер, дальше МРС (малый рыболовецкий сейнер), а теперь он мотористом на знаменитой рыболовецкой шхуне «Ольга». Молодой капитан шхуны Валентин Ива-

нович Аксененко уважал его за трудолюбие, честность, безотказность в любой другой работе. Когда вытаскивали невод, Виктор не сидел в машинном отделении, а часто помогал команде на палубе. Команда любила его еще и за то, что играл он на гитаре и пел, а как развернет меха гармошки, так душа разворачивалась и сворачивалась.

А Витька помнит, как его отсылали на лодке подальше от катера, когда он учился играть. Но слух-то у него хоть куда. Пойдет в клуб зимой, посмотрит какой-нибудь фильм, а раньше в фильмах всегда хорошие песни были. Придет домой, возьмет гармонь и через полчаса: «Нате вам наше с кисточкой!» – почти один в один и изобразит мелодию. Слух – это великое дело. А ему Богом он был дан. Хоть в Бога мало уже кто верил, но и в партию Виктор не верил. Какая это партия, коль своих забирает, и привет. А он рос без отца. А ей, этой партии, плевать, как они с матерью и сестренкой одни выживали.

Зарабатывал Витя Шмелев хорошо в навигацию, хуже зимой. Делился деньгами с матерью. Правда, живет он последнее время в общежитии моряков в порту.

Мать все-таки вышла замуж за Козыриса, и он забрал ее в Александровск. Вера, его сестра жила пока в Мгачах. Виктор, как приехал первый раз к Козырису, так и обомлел, увидев его детей, а их было трое, и все погодки. Старшему Николаю было пять лет, Владимиру четыре и девочке Ольге три годика. Понял тогда Виктор, что мама влезла в такую семейную кабалу, что ему уже было не до шуток. Хватит ли у нее здоровья поднять детей и воспитать их? Ведь ей уже за сорок. Но отговаривать не пытался. Ему было очень ее жалко и за ее одиночество, и за то, что будет с ней, с тремя детьми. Дело в том, что жена Николая Козыриса после рождения третьего ребенка умерла, и Козырис остался один. Он долго уговаривал Анну и уговорил. А любит он ее сильно – это сразу бросалось в глаза при их общении.

Мама, мама, как же тебе нелегко с тремя чужими детьми! Только-только своих двоих на ноги поставила, и опять все сначала. «Ох, и герой ты у меня, мама!» – с теплотой о самом любимом человеке подумал Виктор и вспомнил о военных карточках, о воровстве угля с пацанами, о первой детской любви, о драках, где шла улица на улицу, о своем ватажничестве среди пацанов, ночные рыбалки и самое приятное воспоминание – это выпас лошадей в ночном.

Витя посмотрел на часы: – еще только девять утра. Как же еще долго ждать! Анастасия так задела его сердце, так всколыхнула его всего, как штормовая волна корабль, и несет теперь в сладкую пену чего-то необъяснимого и прекрасного. Ее улыбка, умные добрые глаза. А ее простота говорить и уметь слушать. Нет, такой он еще не встречал. И он боялся срыва встречи, боялся ее потерять.

Но ничего тогда не помешало им встретиться и зайти после прогулки к Коноваловым в дом. Мама Насти, Федосья Прокопьевна, встретила очень приветливо и пригласила отведать морячка свеженьких пирожков с молочком. А вот позже, когда Виктор благодарил хозяйку за вкусные пирожки и молоко, в хату вошел отец Анастасии, Иван Анисимович, и был он слегка пьян.

Встретил Иван морячка не очень приветливо. Он видел ночью прошлой, как Настю провожал флотский парень. А утром высказался Анастасии:

– Ты бы, Настя, с моряками не якшалась, а то поматросит и бросит. Ненадежный они народ. Летом в море завсегда, а зимой что с них взять? Вот и выглядывай в окно, жди его. А зимой, на какой попало работе, подрабатывают да водку хлещут. Я, дочка, супротив морячков. А что, прокурор уехал куда, что ли?

– Уехал к матери на материк.

– Вернется, что скажешь? Да ты не скажешь, народ настучит. Вон Авдеевна, мне сегодня раным-рано уже каркнула: «Анастасия что, нового ухажера нашла?». Я ее, конечно, послал далеко. Но ведь на каждый роток не накинешь платок. Конечно, тебе решать, но в дом его пока не води. Поняла?

– Да что уж тут не понять, папа. Ты вот лучше скажи, может так быть? Вчера встретила, а будто всю жизнь его знала. Знаешь, какой он смелый, вчера на танцах нашим поселковым так наподдавал. За дело, конечно.

– Не за дело, наверно, из-за девок, – сказал отец.

– Может быть. Но, а вот встречалась я почти два месяца с Валентином-прокурором, и не екнуло ничего ни при встречах, ни при расставаниях, – и Анастасия сделала паузу, внимательно всматриваясь в лицо отца, и добавила: – Так-то можно или нет?

– Что заладила, можно, не можно. Можно все, лишь бы по-хорошему. А то, что запал, то это серьезно. Я вон Феньку, твою мать, как первый раз на покосе увидел, так и все. Всех баб забыл. Короче, мне в подоле, смотри, не принеси, а то этими же руками зашибу тебя.

– Сама разберусь, не маленькая, – сказала Анастасия, давая этим понять, что нравоучения закончены.

Но после прихода хозяина на столе появилась бутылка водки, грибочки, огурчики и рыба. Виктор выпил с Иваном Анисимовичем за знакомство, а от второй категорически отказался. Будто почувствовал, что так надо. Иван Анисимович повозмутился немного, сам же выпил еще рюмку водки и, откланявшись, ушел в спальню.

Анастасия и Виктор снова гуляли, но только до 21.30, так как в десять вечера Виктор должен был быть на шхуне. Они болтали ни о чем и обо всем. А, когда расставались снова у моста, Виктор сжал ее ладони в своих и горячо прошептал:

– Настя, я не хочу уходить, мне так с тобой хорошо.

– И мне, – ответила она.

– Ты будешь меня ждать?

– Буду. А вы надолго уходите?

– Кажется, на неделю, – сказал Виктор и поцеловал ее руку.

Они встретились ровно через неделю, потом он бегал к ней на свидания почти через день, а в начале августа их бросили на сайру под Агнево, где базировалась плавбаза. Они ловили сайру и сдавали ее тут же на плавбазу.

Виктор работал с огоньком, без усталости. Он верил, что его ждут. Он каждый день просил Всевышнего, чтобы их снова перебросили в Широкоую Падь.

Прошло двадцать дней. Шхуна шла к Широкопадьевскому, пирсу на швартовку. Радости в груди у Виктора не хватало места. Он пел. И как только причалили, зашел в рубку к капитану и попросил увольнение на берег. Тот отпустил без лишних нравоучений.

Юрий же на берег не спешил. Дело в том, что в Агнево, когда они пережидали двухдневный шторм, он успел завести с официанткой из столовой новый роман. Его трудно было понять. Но к Ане он не спешил, это точно.

В доме Коноваловых Виктор никого не застал и решил пройтись до магазина и заглянуть на местный базарчик. Вот тут-то и случилось то, что приходит всегда, когда очень радуешься. Когда «летаешь» в облаках, то обязательно споткнешься на ровном месте или кто-то от зависти подрежет крылышки.

Аня, подруга Юры, выходила из сельмага, и Виктор ее сам бы никогда не остановил, так как видел ее всего-то раза три. Да и было в ней что-то неискреннее, и это, наверно, настораживало, но зато она сразу его окликнула и подошла.

– Привет, Витек!

– Привет, Анна!

– А ты чего без друга сегодня?

Виктор не был готов к ответу. Он знал, что Юра до поселка Агнево постоянно бегал к Ане и говорил, что они зимой или даже осенью поженятся. А тут он на берег не рванул.

– Да он, Аня, на вахте сегодня, – соврал Виктор. – А ты не подскажешь, где найти Анастасию?

Прежде чем ответить, Анна расспросила его, где они рыбачили, где швартовались. И вдруг прямо так и спросила:

– А что, Юра себе другую любовь завел?

– С чего ты взяла?

– А с того, что ты смог две весточки Насте передать, а вот он – ни одной, – говорила она, чуть не плача.

– Да он пытался, видел я, как он писал тебе письмо. Только в ваши края не получилось передать, – опять врал Виктор, прикрывая зачем-то своего друга.

– Так, где же мне все-таки найти Анастасию? – спросил он.

Анна насупилась, посмотрела по сторонам, загадочно поманила его за собой, и они присели на покосившуюся скамейку.

– Ты бы, Витя, не искал ее. Они на покосе стога перебирают. Ты хороший парень, а она тебя недостойна.

– Как? – вырвалось у Виктора.

– А вот так, она с прокурором встречается и уже давно.

– Как давно? – задыхаясь, молвил он.

– Как? Как я встречалась с Юрой, – она вдруг заплакала, махнула рукой и ушла.

Шторм и молнии вселились в моряка. Казалось, земля плывет под ногами. Виктор развернулся и быстро пошел обратно. Он шел, не зная, куда и зачем, но, оказалось, идет снова к дому Насти.

В голове стучало: «Как я встречалась с Юрой». Значит, спала. «Вот гадина», – совсем произвольно сказал он вслух и стал оглядываться по сторонам.

Справа сидела на скамье пожилая женщина. Это была Авдеевна.

– Ты чего это, сынок, ругаешься, – сказала она с укоризной.

– Извините, Галина Авдеевна. А Вы не скажете, где сейчас Коноваловы?

– Да тебе, чай, Настя нужна?

– Да, нужна, очень нужна.

– А, ты сынок, зайди ко мне, чайку попей, глядишь, и они с покоса придут.

Виктор был у Авдеевны около часа. Она угостила его самогонкой и угостила ею щедро, а когда он вышел из калитки и закурил, то тут и услышал то, что слышать не желал. Старуха так заговорчески прошептала:

– Зря ты, сынок, пороги обиваешь. Настя-то за прокурора замуж собралась.

Ничего не ответил ей Виктор. После второй затяжки голова пошла кругом, и он, шатаясь, пошел на мост к дому Анастасии.

Полкан, учуяв запах спиртного, выскочил из будки и злобно зарычал. Виктор попытался пройти к двери, но не смог. Собака схватила его за правую брючину, отутюженных клёш и вырвала клоч, пытаясь укусить снова. Виктор пришел в ярость. Он схватил лежавшую у крыльца палку и, когда пытался ударить пса, завалился на бок и палкой разбил стекло в окне. Пес испуганно заскочил в будку и злобно скалился и гавкал из неё.

Виктор, пошатываясь, выходя из калитки, услышал:

– Эй, моряк, ты что хулиганишь?

– Да пошел ты... – сказал Виктор и направился к мосту.

Мужик, а это был сосед Кузачев, не унимался и, остановив пьяного морячка, схватил его за грудки. А был он на голову выше Виктора. Виктор среагировал быстро, хоть и был пьян, и левой рукой врезал наотмашь по лицу Кузачева, который тут же свалился наземь, от неожиданности больше и испуга, чем от силы удара. Сзади закричала, запричитала какая-то женщина:

– Ой, убивают, ой, сволочь, убивает!

Виктор шагал по мосту и ускорял этот неуверенный шаг все быстрее и быстрее: «Что я наделал? Что я наделал?» – стучало эхом в его голове. Ему казалось, он бежит от чего-то

непоправимого, от какого-то ужасного горя. До этого самое большое горе было всегда при нем, это безотцовщина, а это что-то еще сильнее, еще мучительней гнало его на шхуну, туда, где свои рыбаки, туда, где его любят и уважают. А тут одни предатели. На танцах бьют, собаки кусают, мужики нападают, любимая девушка изменяет. «Изменила, не дождалась», – занозой сидело на языке.

На его счастье – так считал наутро Виктор – шхуна вышла в море и пошла на юг к поселку Пилево. Он так и не мог четко вспомнить, как и за что ударил мужика. Точно помнил, что кусал его Полкан, что разбилось стекло, а, как и чем – не помнил.

От всего этого было противно, стыдно и страшно обидно. Да, теперь ему назад хода нет. Прощай, Настя. Тут злись, не злись на себя, на девушку, а надо работать. «Море не любит слюнтяев и не прощает ошибки», – так всегда повторял капитан.

Виктор стоял у дизеля, смотрел на приборы, и шум его работы все больше напоминал ему, что скоро в Армию. Скоро в Армию. Быстрей бы забрали, естественно, на военный флот. Вот именно, а это 4 года. А я еще хочу, чтоб меня любили и ждали. И он поймал себя на мысли, что все пройдет, пройдет, как с Любкой. Уляжется! И хорошо, что они идут на Пилево.

Но, несмотря на свое хулиганство у дома Коноваловых, на ту досаду, что Анастасия спит с другим, он чувствовал какую-то скрытую тайну всего свершившегося за два последних месяца.

– Не могла она так раздвоиться, – думал он. – Не тот она человек. И, расставаясь, обещала ждать. Нет, как только вернемся, сразу надо встретиться и поговорить.

У Пилево ловили два дня рыбу, потом ушли еще южнее. А когда Виктор узнал, что шхуна идет на Широкую Падь, было это уже в начале сентября, то разволновался страшно. Все это время он не забывал об Анастасии.

В Широкую заходили только на дозаправку. Капитан разрешил сходить домой только семейным, остальные готовились к дальнему походу на север.

Юрка знал все, что случилось с Виктором. Время поговорить было, он, зная, что Виктор не пойдет отпрашиваться у капитана на берег, подошел к капитану сам. Капитан Аксененко вызвал Шмелева и дал всего один час. Виктор не шел, он бежал по поселку к мосту. Подойдя к калитке, осмотрелся. Полкан нехотя выбрался из будки и начал лаять.

– Ну, успокойся, Полкан, успокойся, – говорил ему Виктор. – Хороший песик, хороший. И клочок хороший вырвал прошлый раз из моих брюк.

Собака как бы остудила своим лаем его напор повидаться с Анастасией. Ему стало неловко, но он, глянув на часы, заложил два пальца на язык и несколько раз звонко свистнул.

– Ну, все. Если сейчас никто не выйдет, значит, уйду, – решил он.

В это время дверь веранды распахнулась, и появился на крыльце Иван Анисимович.

– Ты чего опять шумишь, моряк? – угрожающе проговорил он.

– Мне нужна Анастасия, – резко ответил Виктор.

– А я вот сейчас возьму курковку и пальну тебе по яйцам. Ты чего это окна в доме бьешь, соседа обидел, который донос на тебя в прокуратуру состряпал. Вали, пока тебя не повязали.

– Я уйду, но мне надо видеть вашу дочь.

– А я говорю, ее нет. Когда будет, не знаю. Хочешь увидеться – ищи ее сам.

– А где она может быть?

– Где, где, в звезде.

У Анисимовича на пять слов четыре были матерные, а это значит, что он был уже под шафе.

Не известно, чем бы закончилась их встреча, не появившись на крыльце Федосья Прокопьевна, эта женщина – добрейшей души человек.

– Ты чего на парня набросился, окаянный, – говорила она мужу, а потом сказала, подойдя к калитке: – Ты уж, Витя, прости его, а если ты к Насте, то она у подружки Анны.

– Спасибо, – сказал Виктор и бегом побежал от этого дома. Перед уходом ничего не сказав его не очень-то приветливому хозяину.

Дом Анны был на другом берегу за мостом. Пробегая мимо дома Галины Авдеевны, Виктор споткнулся, но не упал, а еще быстрее рванулся вперед. Пусть смотрит! Пусть! У него нет времени на степенность и важность. У него всего осталось двадцать минут.

Благо, у Анны не было собаки, и он постучал в дверь. Вышла Анина мама, пожилая и очень хмурая и полная женщина. Анна в семье была четвертая и самая младшая, а родителям уже было далеко за пятьдесят. Они поздоровались.

– Я бы хотел видеть Анну, вернее, Анастасию, – сказал Виктор.

– Шел бы ты себе, морячок, на свой корабль, да передал своему другу Юре, который тут в любви распинался, жениться собирался, что поймают его братья Анины – ноги повыдергивают.

– Да что случилось? – спросил удивленно Виктор.

– А то, ты думаешь, шастать месяц по сеновалу – это просто. Весь поселок знает. Дочка наша забрюхатела, от этого твоего Юры. А Сеня, сын мой старший, с Агнево приезжал и рассказал, как этот кобель Юра с сучкой столовской там спутался. Он сначала-то не понял, где его раньше видел, потом вспомнил, как он при нем Анну провожал. Ну, скажи теперь, моряк, что делать. Где этот красавчик?

– На шхуне, – не думая, ляпнул Виктор и замолчал, опустив голову.

– Как же это так получается? – и она заплакала, а утерев слезы ладошкой, добавила: – Иди, моряк, не до вас сейчас девчонкам. А Анастасию твою я с прокурором видела. Замуж она собралась.

Виктор, ничего не сказав, как был с опущенной головой, так и побрел по улице к берегу.

– Эй, морячок, – что-то пыталась еще сказать мать Анны, но он ее уже не слышал.

Прибавив шаг, Виктор через десять минут был на шхуне. Известие о ребенке Юру привело в шок. Таким растерянным Виктор его еще не видел.

Артем так увлекся своими воспоминаниями об отце и деде, что забыл сходить за вечерним кефиром. Телевизор смотреть не хотелось. Он вскипятил воду в стакане, бросил туда пакетик с чаем и, помаленьку отпивая из стакана горячий напиток, снова стал вспоминать про отца. Он вышел в коридор и направился в курилку, достав на ходу свою резервную сигарету, присел на скамейку, прикурил от своей зажигалки и глубоко затянувшись, подумал: «Его величество случай! Сколько порой люди рассказывают такого, что поверить в это не возможно. Но, наверно, у каждого человека бывает нечто такое в жизни, где потом, осознав встречу, или пришедшую в последний момент помощь, или чудом спасшегося человека понимаешь, что все это кто-то указал или помог сверху и тогда начинаешь верить и в Бога, и в удачу. Не зря говорят, случайного ничего не бывает».

Артем вспоминал рассказы отца, каждый всегда имел свой вытекающий из этого смысл. Например, его ухаживания за Настей, в конечном счете, чуть-чуть не привели к трагедии. Никогда нельзя делать поспешных выводов после наговоров, надо всегда постараться поговорить с глазу на глаз. Это потом он усвоил на всю жизнь. Надо не уходить от горестного или плохого, а пробовать найти решение на положительный исход, пробовать разобраться, почему так получилось, в чем причина, а не бежать от всяких сплетен сломя голову, строя из себя обиженного и несчастного.

Наступила осень, пошла третья декада сентября. Шхуна «Ольга» шла с юга Сахалина на Судоверфь. Это восемнадцать километров севернее Широкой Пади. Капитан сказал, что захода в Широкую не будет. Виктор страшно расстроился. Он так надеялся найти Анастасию в поселке и услышать от нее все, что угодно, чтобы точно узнать окончательное ее решение. Вот только почему это желание у него появилось только сейчас, когда они проходили мимо Широкой? Виктор сильно переживал, что напился тогда, нахулиганил, а главное, что его снова

предали. Можно было написать письмо, но какой писать обратный адрес, он не знал. Шхуна ходила вдоль всего Татарского пролива и за его пределы. А главное – он упрямылся самому себе, и обида поначалу ела его поедом.

Виктор смотрел на сахалинские осенние сопки и любовался необыкновенной красотой. Столько краски всех ярких цветов в году можно увидеть только в это время. А по утрам уже давно на палубе иней лежит. Шхуна огибала огромную скалу островка «Коврижка», на котором гнездились чайки, гагары, нырки, морские утки и другая пернатая живность, а посередине в сторону открытого моря белел водопад, высотой метров под пятьдесят, не меньше. Проходя мимо него, всегда в воздухе чувствуешь запах сероводорода, запах тухлых яиц. И что интересно, откуда на острове, маленьком острове, столько воды течет с самого верху? Говорят, что это подземная вода с сероводородом пробивается под давлением из морских недр и, пройдя через весь островок, сбрасывается в море. В этих местах на камнях у подножья скалы любят греться на солнышке тюлени, нерпа. Через десять километров поселок Судоверфь.

На следующий день в Судоверфи заболел Юра, он простыл и получил правостороннее воспаление легкого. Шхуна готовилась уйти в Александровск, а уже оттуда вернуться в Широкую Падь, на зимовку и ремонт. Как правило, моряки широкопадьевские возвращались в поселок с севера затаренными ягодой, кетой и разными городскими гостинцами. Виктор был с Мгачи, но там он уже ничего не имел. Мать жила новой жизнью, а сеструха своей. И он договорился с капитаном вернуться с ними в Широкую Падь, капитан дал добро и обещал в Широкой помочь с жильем. Работу на зиму обеспечит в ремонтной мастерской. Надо будет перебрать двигатели. Да и вообще работы будет до весны полно. С одной стороны, Виктор будет рядом с Анастасией, а с другой стороны, если она с прокурором связала свою судьбу, то как? Но он уже получил добро от Аксененко и что тут думать.

До отхода шхуны оставалось два часа, и капитан разрешил Виктору сходить и попрощаться с Юрой в береговую рыбацкую больницу. Юрка не очень-то и хотел оставаться, но врачи запретили выписываться, так как пятно на легком уже разрослось больше пятака.

Юрка паниковал, остаться одному в поселке не хотелось, команда уходит без него в Александровск, хотя, по его рассказам, там его тоже не очень-то кто ждет.

– Да ладно тебе, Юра, переживать, – говорил Виктор, две недели поколют пенициллин, а там первым катером домой уйдешь. До закрытия навигации успеешь. Где планируешь работать зимой?

– Да я даже и не знаю, где бы поохотиться на соболя, лисицу, кабаргу. У меня есть навыки. Отец на севере промышлял и меня поднатаскал.

– Слушай, Юра, я хочу в Широкой заторчать на зиму. А когда я с Настиним отцом встречался, то он мне рассказывал, что вокруг Широкой соболя полно, только имей разрешение. Он еще хвастался, что прошлой зимой перевыполнил план, и ему премию дали в размере 300 рублей.

– А как же у тебя с Настей-то будет? Она с прокурором спуталась.

– Да ну и что, других в поселке девчонок не найдется, что ли?

– Вот бы и мне за зиму денег подзаработать.

– А ты в Широкую к Анне, она, как я понял, тебя любит. Да и ребенок у нее, выходит, от тебя будет. Братья ее на тебя зуб большой имели. Займешься сободем, а там снова на рыбу пойдем, а мне Аксененко обещал работу и жилье.

– Ты знаешь, Витя, я все-таки, наверно подлец, что прошлый раз не пошел с тобой на берег и не повидался с Аней, вообще-то я о ней часто думаю.

– Вот и я про то же, надо срочно написать ей письмо, и они примут тебя, вот увидишь, с распростертыми руками.

Друзья расстались. И тогда Виктор еще не знал, что скоро их дружба станет совсем другой.

Юра так и поступил, как советовал Виктор. Написал письмо в Широкую Падь, Анне. Через неделю получил ответ. Почта работала хорошо, море не штормило, и ходили каждый день катера. А еще через два дня у его кровати оказалась Анна со своим братом. И закрутилось все к свадьбе как по нотам. Юра после лечения съездил в Александровск, получил расчет, написал заявление, в котором обязался с первого апреля вернуться на шхуну в должности второго моториста и уехал в Широкую Падь.

В октябре, а точнее 14 октября в поселке Широкая Падь пели и плясали на свадьбе моряка.

За зиму Юра набил много зверя. Анины братья оказались нормальными мужиками, да и охотниками хорошими. В начале марта Анна родила дочь Дашу.

Виктора, капитан Аксененко в Широкую Падь не пустил, а оставил его на шестимесячные курсы механиков малых рыболовецких катеров в Александровске и выхлопотал, с большим трудом, место в портовской семейной общаге, где раньше когда-то и проживал Виктор. Аксененко готовил замену своему механику шхуны, который собирался к лету уехать на материк к родителям на родину вместе со всей своей семьей.

Анастасия была на свадьбе у Анны недолго. Сильно простудилась мама, и ее надо было лечить. Она попыталась поговорить с Юрой о Викторе, но тот считал ее предательницей и сказал, что Виктор учится на механика и приедет только к спуску шхуны на воду.

Настя поняла, что говорить он, с ней не очень-то настроен.

Анастасия последнее время, как они потеряли с Виктором друг друга, потеряла интерес ко всякой веселой жизни, замкнулась, похудела. Добилась от прокурора уничтожить заявление на Виктора Шмелева и попросила его оставить ее в покое по-хорошему, по-дружески разойтись, без обиды, так как она не хочет портить ему жизнь.

Прокурор к весне уехал в отпуск и, через месяц, в поселке появилась прокурорша, тихая такая женщина, лет тридцати, с ребенком в пять годиков.

У всех все сложилось нормально, только Анастасия была одинока и все-таки, вспоминая глаза Виктора, его горящие щеки, его губы и тепло его крепких рук, уходила в свою комнату, закрывала дверь и тихо-тихо плакала. Всем своим существом она понимала, что где-то разгадка молчания и нежелания Виктора каким-то образом общаться, находиться совсем рядом, но как все вернуть, она понять не могла.

Виктор же наоборот так окунулся в учебу, что вспоминал о Насте, когда оставался совсем один или когда видел чью-то любовь в кино или в жизни, глядя на счастливые пары молодых людей. Он мечтал вернуться в Широкую Падь в новой должности и обязательно встретиться с Настей. У него с каждым месяцем игра на подаренной гитаре была все лучше и лучше. Вот он приедет в Широкую да как врежет по струнам и споет про Кольку Снегирева или морской вальс! Вот тогда найдется и для него девушка. А пока только учеба и учеба, в группе Виктор был лучшим учеником, и к выпуску преподаватели ставили ему по всем предметам только отличные оценки.

Открылась навигация еще в апреле, и к майским праздникам в Агнево на шхуну «Ольга» с буксирного катера, пришедшего с Александровска, пересел для дальнейшей работы назначенный на должность механика Виктор Викторович Шмелев. Капитан Аксененко обнимал своего молодого механика, с которым потом они еще много пройдут морских дорог и много хлебнут нелегкой рыбацкой доли, но их дружба останется до последнего вздоха капитана такой чистой и преданной друг другу, что позавидовать мог бы даже не один фронтовик, сравнивая их дружбу с дружбой боевых друзей. Моряки умеют дружить!

Пятнадцатого мая шхуна причалила к Широкопаденскому рыбокомбинатовскому пирсу. Капитан шхуны Виктор Аксененко дал разрешение до утра выйти всем, кроме вахтенных, в

увольнение. Виктор и еще трое морячков узнали, что в поселковом клубе будет в 20 часов какой-то новый кинофильм.

Четверо молодых, полных энергии и задора моряков шли вдоль высокого забора по тротуару к проходной рыбокомбината. Шмелев, почувствовав расслабленность правой ноги в ботинке, остановился и стал завязывать шнурок. Вдруг Виктор услышал по ту сторону забора женские голоса. Виктор, было, собрался догонять друзей, как в одном из этих голосов узнал голос Анастасии, да и второй голос ему показался знакомым, это, конечно же, была Анна. Сердце его забилось с такой силой, что он встал как вкопанный и продолжал вслушиваться в эти голоса.

– Ты, зараза, испортила мне всю жизнь, как ты могла такое наговорить? – говорила, почти срываясь на крик, Настя.

– Это неправда, Настя, я только сказала ему, что тебя домогается прокурор.

– А кто тебя просил? Кто сказал, что я за него замуж выхожу?

– Это не я. Это мама. Прости нас, Тася! – ноющим голосом запричитала Анна, а потом добавила: А ты что, не якшалась с прокурором, что ли?

Послышалась пощечина, видимо от Насти, потом завязалась драка с охами и криками, как дерутся только женщины.

Морячки, подходя к проходной, обнаружили отставание товарища и начали его поджидать. Виктор же не стал дожидаться смертоубийства у той стороны забора и в два приема перемахнул через этот не маленький забор на ту сторону, чем очень сильно напугал дерущихся женщин.

Да, для дерущихся это было что-то неожиданное и сверхестественное, когда из-за человека идет такая разборка, а он вдруг прилетает с той стороны забора.

– А ну прекратить войну! – громко скомандовал Виктор и, несмотря на вечерние сумерки, увидел удивленные и полные еще чего-то светящегося глаза Насти.

Воспользовавшись этим замешательством, страшно напуганная появлением Виктора Анна, не говоря ни слова, перепрыгнула через небольшую канаву вдоль тротуара и побежала по улице к пограничному мосту.

– Здравствуй, Анастасия! – сказал Виктор и протянул ей свою руку.

– Здравствуй, Виктор! – Настя положила свою ладонь в ладонь Виктора.

Все было понятно без слов. Все стало на свои места.

Так ведь не бывает, но когда отец рассказывал Артему со своей стороны, а мама со своей стороны, то оказывается: так бывает! Так было угодно Богу! Но тогда при советской власти мало кто в него верил. Но он, видимо, творил такие чудеса.

Чем все могло кончиться? А если б Виктор вышел с пирса парой минут позже, а Настя не разоткровенничалась с матерью, что до сих пор помнит моряка и любит его. А Федосья Прокопьевна – ее мама – не рассказала бы, как мать Анны, когда узнала, что Анка беременна от морячка, наговорила его другу про то, что Анастасия крутит любовь с прокурором. Такой наговор якобы носил защитный характер для Коноваловых. Залетит, мол, тоже от моряка, а он в море уйдет, и концы в воду. И услышав это от матери, побежала Настя искать свою лучшую подругу. И надо же было встретить ее именно там, где должен был пройти Виктор.

Вот такая любовь получилась у родителей Артема!

Через два года на свет появился Артем. У Артема есть старенькая фотография, на которой мама держит его, подняв на руках. Тогда ему было около годика. До Артема у Анастасии родился мальчик, но прожил он всего несколько часов. Что там случилось, Артем так и не знает, из разговоров родителей было видно, как они переживали и не хотели подымать никогда эту тему.

Артем любил маму как заступницу, как кормилицу, как красавицу, как добрейшего человека и как ангела-хранителя, который вытаскивал его из таких передраг, что вспоминать-то

страшно, не говоря о каких-то рассказах. Отец – это другое, это особое доверие, мужское понимание происходящего вокруг и в душе. Отец – это совет, это сдерживающий фактор от плохих поступков, отец – это честность, любовь к фотографии, ко всему прогрессивному, а главное – это порядочность в поступках и в жизни. За что Артем остается, благодарен ему навсегда!

Но, как ни печально, их нет уже рядом. Родители прожили в любви более сорока лет. Их нет на этой прекрасной земле вместе с нами. Жизнь коротка. Она насколько прекрасна, то и настолько полна горя, страданий и потерь. Видимо, это плохое забирает часть отведенного времени у человека, и всегда перед смертью, если еще представится возможность, он говорит:

– Эх! Мне б еще годков десять-пятнадцать, – вот тогда и умирать можно.

Глава 11

Владимир Цветков.

Владимир летел из Моздока в Москву, надо было срочно, начать планирование операции под Ведено.

Хотя, по телефону он получил разрешение, но знал, как придется непросто создать группу руководства, если начальник управления начнет тянуть время, уточняя у своего начальника замысел. Но генерал Цветков готов был драться за свой план до последнего, а если у него бывает такой настрой, то любым путем, но он победит, и к утру будет готов план на утверждение у заместителя Начальника генерального штаба. Конечно, генерал закрутил все это быстро и неожиданно для многих «стратегов» Генштаба и привезет им внеочередной ночной «геморрой».

Лету было еще час, и он вспомнил, что у него в квартире не политы цветы уже больше недели. После ухода Марины он уже выбросил два горшка с завядшими цветами в мусорный провод. Надо бы до проведения операции заглянуть на хату. Он вспомнил, как получил эту квартиру, как Марина руководила ее отделкой и дизайном, расстановкой мебели, как вбухала почти все, что у них было на книжках и в загашниках. Владимиру, в конце концов, все это понравилось. Но когда шел затяжной ремонт, они еще тогда чуть не разбежались по отдельным однокомнатным квартирам. Цветков вдруг вспомнил приезд из Забайкалья в Москву.

– Здравствуй, Москва! Академия имени Фрунзе! Скитание по двум квартирам, снова скандалы с Мариной, и вдруг проездом Демин. И за этот день решает вопрос на два курса с жильем. Классная двухкомнатная квартира. Демин молодец! – тогда и не догадывался Цветков, какую роль играет Демин.

Учился Владимир с желанием, а перед тем, как сесть за «парту», съездил к родителям на Сахалин. Как же был рад его отец! А потом был устроен праздник. Никто не дергал его, не учил, как жить, не обижался на трудную жизнь. Родители были счастливы! Владимир успел там многое, а главное – отдохнуть. Как никогда он возвращался с острова с хорошим настроением домой.

Грок.

А в это время его драгоценная супруга Марина летала в Ялту, в санаторий и, как потом выяснилось позже, была в своем номере не одна, а с «мужем», якобы. Как они смогли с Дроновым все оформить, трудно узнать, а узнал об этом Грок, который был тоже в это время в Ялте. Проживал он в другом санатории, и когда однажды зашел со своей новой знакомой в ресторан «Бригантина», то там-то и увидел, как влюблено, смотрели друг на друга и танцевали Дронов и Марина. Конечно, Грок придумал причину перед своей знакомой и срочно сделал оттуда ноги. «Меньше знаешь, лучше для здоровья и безопасности». Короче, он сразу ретировался, но навел справки и выследил Дронова. Оказывается, Марина и Дронов из одного санатория и вообще живут в одном номере. Грок был ошеломлен и расстроен. В Москву он не заезжал, Владимира не видел, так и пролетел год. Встреча с Владимиром произошла в Омске, где Владимир отдыхал после первого курса академии.

Дневная жара спала, и Грок, у которого в Омске из родственников осталась бабушка Полина в Нефтяниках, приехавший навестить ее, зашел в ресторанчик, который назывался просто: «Погребок». В ресторане было всего десять столиков в зале и два столика за перегородками для избранных посетителей. Этот ресторан славился кухней, в которой приготавливали более тридцати блюд, естественно, по заказу, и все они включали в себя грибы. От этого в зале витал необъяснимый приятный запах леса и жареных грибов.

Грок находился в Омске уже двое суток. Первые он из уважения к своей любимой бабушке, которая любила капитана как своего сына, а то и больше, посвятил ей. Он с большим вниманием слушал ее рассказы про «болячки», про строптивых и буйных соседей по площадке. От всех ее воспоминаний веяло семейным теплом.

– Сереженька, тебе уже двадцать семь лет, а ты еще не женат. Как хочется правнуков понянчить. Неужели так и нет никого по сердцу? – говорила она.

– Нет, бабушка, нет. Есть, правда, тут одна в Омске, да ты ее знаешь, учились вместе, так вот, я ее в аэропорту встретил, стюардессой работает рейсом «Омск-Москва».

– Ленка, что ли?

– Да, бабуль, Лена!

– Так она замужем.

– Развелась.

– Как, развелась? У нее такая свадьба лет пять тому назад была! Мужик у неё богатый был, говорят, по загранкам мотался. Моряк он, кажись, был-то.

– Да, бабуль, вроде того.

– Так у неё и дите вроде есть?

– Есть. Сынишка, четыре годика. Серегой кличут, как меня.

– И на что тебе с ней дружбу водить? Своих надо рожать и своих воспитывать, – укоризненно покачав головой, говорила баба Полина.

Сергей втянул носом знакомый с давних пор запах этого ресторанчика и шагнул в зал, где за столиком его уже ждала Лена. «Странно, получается, – подумал Сергей. – Все его подружки в той или иной степени связаны с ресторанами». Он помнил имена и помнил, где и в каких ресторанах они бывали.

Сделав заказ, Грок так и не обратил внимания, что за дальним столиком в полумраке сидел мужчина, слушал музыку и курил. Это был Владимир Цветков.

Владимир и Марина.

Всю ночь, созданная оперативная группа прорабатывала план. После подписи плана у начальства генерал Цветков выехал домой на квартиру. В пятнадцать часов он должен вылететь на Моздок. Войдя в прихожую, сняв пальто, присел на пуфик и вдруг почувствовал себя разбитым и одиноким. Нет Марины, нет Татьяны. Даже воздух какой-то нежилой. Раньше то жареной картошкой пахнет, то цыпленком-табака, то хорошими французскими духами, а главное – это те встречи, когда у Марины бывало хорошее настроение, и от этого было много света и домашнего тепла. Если бы кто-то посмотрел на их семью в те дни, то мог сказать:

– Да, это образцовая и замечательная семья любящих друг друга людей. Владимиру вдруг стало жалко Марину. Он прошел на кухню, открыл холодильник, в котором продуктов было мало, но была нетронутая бутылка столичной. Сел за стол, налил рюмку водки и, выпив ее, вдруг вспомнил, что закуски-то и не приготовил.

Это Марина, когда уходила в запои, могла пить коньяк и не закусывать ничем. Много она выпила у него крови и нервов, кроме алкоголя. Но Владимир, не смотря ни на что, любил только ее. И, наверно, если б не было измен со стороны Марины, то он ни когда не позволил бы предавать любимую женщину с другими женщинами. Когда Марина начала пить, Владимир готов был убить ее за те высказывания, которые она «несла» в его адрес. Но он считал, что это пройдет, и он должен сохранить семью, ведь дочь Татьяна любила одинаково и отца, и мать. Простить измену тяжело, но простить хамство – для боевого офицера это страшное мучение. А Марина надрывно кричала:

– Ты загубил мою жизнь, я сделала тебе карьеру. Хрен бы ты сейчас был генералом. А твой Афган – одна бравада. Хватит корчить из себя героя. Где твой Герой Советского Союза? Встречаетесь, обнимаетесь, как бабы ряженные.

– Прекрати, сейчас же! – пробовал остановить ее Владимир.

– Я два года ждала тебя из этого долбаного Афганистана, а он ничего больше не придумал, как потащил семью в Монголию, в пустыню Гоби. Ну что, дослужился? Вот так тебя там командование отблагодарило за все. Нормальные люди после Афгана в Москву пробирались, там мхом обрастали, а не песок в пустыне глотали. Я же по твоей милости все здоровье там оставила.

Марина плакала, стучала кулаком по столу. Уходила из комнаты, позже влетала, как пантера, и с новой силой начинала выговаривать и ругаться. Она напивалась так, что не помнила на следующий день ничего, что было вечером.

Владимир – это тот человек, который действительно любил Армию, со всеми ее противоречиями и трудностями. Он понимал, что надо много работать, чтобы быть честным перед собой за то, что ты делаешь:

– Тебе дали власть, дали людей, и чтобы выполнять правильно и качественно приказы, надо любить Родину, солдата, офицера, войска!

И он любил! Но больше всех, наверно, он любил свою взбалмошную Марину. После ее запоев и скандалов Владимир всегда представлял, что бы о нем, волевым человеке, строгом и требовательном командире, увидев такое, могли подумать его подчиненные? И они точно бы сказали:

– Размазня наш командир. Баба у него что хочет, то и творит. Стерва она.

Марина могла быть разной: могла понравиться, кому захочет, «взбрыкнуть», не считаясь ни с кем перед самым ответственным моментом; могла сгладить неприятный момент, если захочет, урегулюет любую натянутую обстановку; может притвориться больной, пьяной. Да ей надо было идти в артистки, и она стала бы, обязательно, звездой. Но порой в ней просыпался просто зверь, и она «кусалась» матерными словами, как заправская уголовница, вспоминая, как правило, только плохое из своей, не совсем-то и несчастной, жизни. Особенно последние года два находиться с ней в одной квартире, когда она выпьет, было не возможно. Сначала запой на сутки, потом надвое суток, потом три дня и так до недели. Из красивой ухоженной женщины она превращалась в осунувшуюся, опухшую старуху. Генерал стал отказываться под разным предлогом от всяких вечеринок, концертов. Чтобы потом не выслушивать от своей супруги:

– Нормальные генералы в своих домах, коттеджах живут, уборщиц имеют, а ты из меня посудомойку сделал и стряпуху.

– Ну почему ей вечно чего-то не хватает? Все мало и мало, – горестно думал Владимир.

А когда уже не в ладу со здоровьем становилось, начинался отходняк, а это была тоже не малина. То и это надо было как-то недельку пережить.

Сколько раз Цветков пытался бросить ее и уйти, навсегда. Начать новую жизнь, но он был не романтик и сменял места жительства очень болезненно. А начать все снова, даже с женщиной, которую полюбит, не хотел. Как представит Владимир себе, что не будет у него своего кабинета, этой библиотеки, лоджии как летней комнаты отдыха и многих предметов, как начнется опять ремонт в новом жилье! Владимир не хотел ничего менять, и Марина, видать, на этом играла свою убийственную роль. Владимир находил для себя оправдания и продолжал жить с человеком, который его не любил.

– Человек спивается, погибает, и я не могу бросить ее с такой болезнью один на один. Я обязан ей помочь! – размышлял Цветков.

На службе Владимир зачастую забывал о своих житейских проблемах. Однако организм его начал давать сбой. Шалило сердце после каждой ссоры.

Придет, бывало, генерал домой в хорошем настроении с получкой или наградой и видит такую картину: лежит на своей кровати его супруга в спортивном костюме, накрывшись пледом с головой. На столике бутылка пустая из-под вина, а открыв мусорный отсек в кухонном

гарнитуре, увидит генерал еще «пузырь» из-под водки, порой и не один. Пропадает хорошее настроение, и он тихо-тихо, после ужина, идет в свой кабинет. Вдруг через какое-то время распахивается дверь кабинета и вместо приветствия слышно:

– Что сидишь? Ну, сиди! Лучше бы сгонял в магазин и купил мне шампанского.

– Тебе уже хватит, – возмутится Владимир.

– Ах, хватит. Ты всю жизнь мою своей армией загубил.

– И пошло, и поехало все с начала. Засыпая с тревогой в сердце, Цветков думал только об одном: как остановить пьянство Марины. И не понимал, что движет этим человеком, который в принципе имел все, для того чтобы просто жить нормально. Живут в Москве, муж генерал, работает в Генштабе, получка на двоих не маленькая, жена не работает, а главное – у них есть какие-никакие льготы: и в санаторий бесплатно, и дом отдыха, есть четырехкомнатная квартира в сто двадцать пять квадратных метров. Ну, что еще надо?

Дочь Татьяна, устав от этих концертов, уехала жить во Владимир, перевелась из Московского педагогического университета в менее престижный, во Владимирский. Конечно, это они с Егором так сговорились, Цветков тогда очень расстроился, но препятствовать не стал, а нашел деньги и купил дочери однокомнатную квартиру, недалеко от педагогического университета. Для Марины это был новый повод ненависти и претензий к мужу.

Владимир искал выход и верил, что найдет его. Он всегда умел находить выходы из самых порой сложных ситуаций, кроме отношений с Мариной, зашедших в полный тупик. Владимир нашел несколько фирм, лечащих от алкоголизма, а когда пытался убедить ее в необходимости кодироваться, то вновь вспыхивал скандал. Владимир редко, но все-таки, нет-нет, да имел, на стороне женщину, и как только его любовница начинала что-то предъявлять, просить или влюбляться в него, он тут же «уезжал» в командировку или за границу. Цветков же бежал домой к своей Марине и, конечно, прощал ей все ее выступления, чувствуя себя на какой-то срок виноватым перед ней. А если вдруг Марина была к нему добра, внимательна, то он проклинал себя: «Да, как он мог променять свою любимую и спать с другой женщиной?» В такие моменты он думал, что и Марина могла, так же встречаясь с Дроновым или Красносельцевым, рваться к нему домой. Ведь было же у них много постельных, прекрасных встреч и душевных взаимопониманий, порой часами они могли говорить о разном. Властная, самолюбивая женщина с запоями еще стала раздражительней и завистливей. Наступала неминуемая расплата за пьянство и длинные депрессии.

Упорство Владимира увенчалось успехом!

Однажды, после того как у Марины после очередного запоя, сильно болела печень, голова, сердце, она дала добро идти к врачам по лечению от алкоголизма иглоукальванием и малыми токами. В «Благо», так назывался этот медицинский центр, находившийся у метро «Коньково», Владимир привез Марину на своей машине и с нетерпением дожидался результата, а когда она показала ему заведенную на нее карточку и проведенные процедуры, то счастьем в его душе не было предела.

Через месяц Марина похорошела и стала, как была прежде. Она купила тренажеры для пресса, для бега и интенсивно занималась физкультурой. В доме воцарились тишина и покой. А еще через месяц Марина просто расцвела. Цветков на работе теперь старался не задерживаться. Это были просто счастливые дни, и он сам старался вообще не употреблять алкоголь. Марина стала чаще ходить в салон красоты. Она была сногшибательно красива, и у Цветкова, как только они встречались, возникало, не смотря на свои сорок шесть лет, безудержное желание ее целовать и любить. Но этому счастью не суждено было продолжаться долго.

Цветков хорошо помнил этот день, это был день их свадьбы. Правда, вечером, накануне, они с Мариной забыли совсем об этой дате. После утреннего совещания у Владимира заболела голова, почувствовал слабость, да странно жгло в груди. Начальник управления, зайдя

в кабинет к Цветкову, увидел у него на столе таблетки, сразу поинтересовался о его здоровье. Цветков только отшутился.

А чуть позже по телефону Воронов сказал:

– Владимир Иванович! Езжайте-ка вы домой, отлежитесь, а завтра прошу подъехать к 7.30. Мне нужен ваш совет по кадровым расстановкам и еще ряд вопросов не по телефону.

Генерал Цветков вызвал машину и поехал домой. Недалеко от дома, он сказал водителю остановиться и попросил его сходить в магазин «Копейка», где на первом этаже сразу у входа продают цветы, купить хороший букет. «Хорошо, что я успел вспомнить про день свадьбы, думал он, ожидая возвращения водителя. Он сидел в машине и пытался представить, как обрадуется Марина его появлению, и вдруг Цветков увидел, как по ступенькам салона красоты спускается его ненаглядная Марина. Она была ослепительно красива с новой прической, на высокой шпильке, в платье, которое она купила себе совсем недавно. Когда она его примеряла, то спрашивала:

– Вов! Ну, скажи, как оно мне?

– Обол... денно! Ты прекрасна! – отвечал он ей.

Платье очень украшало Марину, а когда она стала снимать его при Владимире, то он не удержался и предложил «обмыть» это дело любовью, и они отметили эту покупку пылко на кровати, и очень даже были счастливы. И что было так не жить?

– Вот она снова в этом платье, – подумал он и стал заморожено любоваться ею, привкушая скорую встречу. Но что это? Из припаркованной в пяти метрах от крыльца БМВ, цвета серый металлик, вышел молодой высокий мужчина лет тридцати пяти, с черной шевелюрой волос на голове, крепкого спортивного телосложения, он был выше Марины еще на голову, в темно коричневом костюме и бежевого цвета рубашке. Мужчина, обойдя свой автомобиль спереди, энергично подошел к Марине и, взяв ее за руку, повел к БМВ. Усадив на переднее сидение пассажира Марину и, прикрыв дверцу машины, он почти бегом вернулся на свое водительское место.

Генерал был просто шокирован и некоторое время пребывал в полном замешательстве, но потом машинально перелез на сидение водителя, пытаясь завести двигатель и начать преследование. Но, увы, ключ зажигания его водитель по привычке забрал с собой. Странно, но ухажер Марины ему показался очень знакомым человеком. Заднее стекло БМВ было не затонировано, через которое Цветков и увидел, как они поцеловались, а через пару секунд БМВ, моргнув левым поворотом, исчезла между домами, за домом Владимира. Через две минуты появился водитель с букетом больших красивых роз. Открыв свою дверцу у машины, удивился и спросил генерала:

– Владимир Иванович! Вы за меня поедете?

– Нет, Серега. Я просто посидел на твоём месте.

– Ладно, тогда идите на своё место, не положено мне руль передавать никому другому.

Владимир, подавленный увиденным у парикмахерской, вошел в квартиру и увидел образцовый везде порядок, на плите приготовленный уже ужин. Видимо, все было заранее продумано, а значит, скоро ее не жди. Бешеная ревность охватила боевого генерала.

– Убью обоих! – все, что мог в гневе сказать он.

Владимир запомнил номер машины. Он стал собираться. Переоделся в джинсовый костюм, надел кроссовки, достал из сейфа наградной пистолет, загнал в гнездо рукоятки заряженный патроном магазин и, засунув его сзади за пояс, пошел в гараж выгонять «Форд».

Цветков колесил по дворам, всматривался во все номера серебряного цвета БМВ и наконец-то среди двух больших семнадцатизэтажных домов, на большой площадке обнаружил искомым объект. Наступило время томительного и волнующего ожидания. Прошел час, и никто не появился. Много всего пронеслось за это время в голове у Владимира. Главное, что прошла немного агрессия.

Он решил поставить машину у своего дома и вернуться в квартиру. Не устраивать же разборки у подъезда дома любовника, он-то, причем здесь?

В прихожей на телефоне горел маячок, значит, есть сообщение. У генерала много чего было электронного в квартире. У него в дивизии был хороший особист, и когда Владимир отделявал квартиру, то тот помог ему установить по старой дружбе некоторые интересные штучки. Владимир нажал на кнопку сообщения и услышал голос Марины:

– Дорогой! Я сегодня подойду попозже, ужинай сам, котлеты на плите, не беспокойся. Целую тебя, Марина.

Определитель номеров, номера, откуда был звонок, не зафиксировал, по-видимому, Марина звонила из автомата.

Зазвонил телефон, прерывая воспоминания о Марине. Это позвонил его зам и уточнял отправку в командировку офицера. Цветков посмотрел на часы, до выхода оставалось два часа. До начала операции меньше двух суток. Он достал из шкафа чистое полотенце и пошел принимать душ.

Глава 12

Виктор Зеленин. Электричка.

Прошло два дня, как Виктор вернулся из Чечни. Он отоспался и с нетерпением ждал вестей от Цветкова. Вторая ночь у него прошла плохо, без сна. С вечера он хорошо протопил печь. К полуночи ударил мороз под минус двадцать. Ему не спалось, до двух часов он смотрел кино по телевизору, потом новости о боестолкновении в Чечне, где погибло четверо наших ребят из ОМОНа.

– Зря я послушал генерала, – рассуждал Зеленин, – матери ищут своих сыновей до победы, а он влип сразу в заварушку, пока так и не поняв толком ее цели и не сделав больше никаких попыток, улетел. Матерей в Ханкале он видел, их, говорят, даже на довольствие заместитель по работе с личным составом поставил, а командующий разрешил выдать им пропуска, чтобы могли на территорию КП проходить. А я, как заяц рванул из Чечни. Цветкова, видите ли, послушал. Надо было все-таки остаться в Моздоке, все поближе к делам. Да, кто имел бы права меня тронуть? Это что за граница? Я, долбаный ублюдок! – ругал себя, как только мог, Зеленин. – А что, если Егор в подвале каком-нибудь сидит или в яме (зиндане). «Духи» все, что хочешь, могут придумать. Но уж точно не будут они с пленными, тем более с десантом, сюсюкаться. А если казнить такую категорию, то будут бить поизощреннее, живого места не оставят.

Зеленин от досады заскрежетал зубами, сжал кулаки и сел у стола, обхватив свою голову руками, стал раскачиваться, как маятник, вправо и влево. Вдруг он резко встал, подошел к холодильнику и достал из него початую бутылку водки. Налил стакан и выпил залпом, не морщась, а поставив стакан, сказал:

– Завтра сборы! Все решено, еду в Москву, а там поездом на Моздок.

Он стал более тщательно собираться, чем в прошлый раз, и к вечеру был готов выехать.

Понимая, что один он ничего не решит, он упорно верил в то, что Егор жив. И пусть говорят, что одна беда не ходит, – Зеленин надеялся на хороший исход. У него повышенная интуиция. Когда они с Аннушкой перед санаторием проходили диспансеризацию и когда Анна, после посещения гинеколога сказала, не скрывая радости, что по-женски у неё все хорошо, то Виктора почему-то это насторожило. Надо бы порадоваться за жену, у которой были порой проблемы в виде полипов или еще чего-нибудь, а он как-то не поверил, что ли. И на тебе, рак.

Утром Зеленин пошел к Кузьмичу просить подбросить его до платформы и сразу решил позвонить от него в Москву. Людмилы, видимо, в Москве не было, а может быть, куда – то и ушла. Телефоны П, веткова и на службе, и дома молчали.

– Степаныч! Отведай-ка у нас чайку и блинчиков с медом, а то в этих переживаниях не до завтрака тебе, – сказала супруга Кузьмича и начала накрывать на стол завтрак.

Зеленин согласно кивнул и молча сел за стол.

Не прошло и пяти минут, как зазвонил телефон. Кузьмич снял трубку.

– Алло! Вы кто? Генерал П, ветков? Да, он здесь. Даю, – Кузьмич протянул трубку Зеленину.

– Ну, здравствуй, Виктор! – пробасил в трубке генерал.

– Здравствуй, Володя! Что есть по Егору?

– По Егору, брат, все нормально! Егор в Моздоке. Недавно доставили. Обоих доставили.

– Как он там? – задыхаясь от волнения, спрашивал Зеленин.

– Витя, они с лейтенантом молодцы! Выдержали, не сломались. Но их надо немного подержать в медсанбате.

– Что-то серьезное?

– Нет, истощали малость.

– А когда в Москву планируешь?

– Послезавтра в двенадцать планируется вылет. Я буду встречать Егора на Чкаловском из Москвы. И ты, дружище, не волнуйся, я ведь обещал, что найдем? Нашли! Всё, Витя, прошло нормально. Подробности потом.

– Владимир Иванович! Спасибо тебе огромное за такое сообщение и твою работу. Как я рад! Я счастлив, Володя, и я бы хотел, но... – Цветков его перебил:

– Я понял! Ты хочешь приехать?

– Хочу.

– Тогда приезжай электричкой к одиннадцати на Курский, я тебя встречу. Все, Витя. Я больше не могу говорить, надо идти.

– Спасибо тебе, друг! Привет Егору от меня.

– Хорошо. До встречи!

Зеленин положил трубку и на какое-то время, не замечая Кузьмича и его супругу, смотрел, не моргая, на телефон, пребывая в сладостном, наверно, оцепенении. Это была неопишная радость отца, который какими-то все-таки мыслями потерял сына, а теперь нашел его живым.

К вечеру Зеленин, крепко поддатый и уже успевший порядком угостить своих соседей спиртным, добрался от Кузьмича в хату и, не раздеваясь, уснул на диване. Обнаружив себя рано утром в холодной комнате, «слетал» в сарай, набрал в охапку дров, растопил печь и поставил чайник с водой, на плиту. Греясь у открытой дверцы печи, поймал себя на мысли: «Егора надо привезти сначала во Владимир. Пусть восстановит силы. Город – это не деревня, в городе есть все, есть старые связи, дочь, а главное – там его любовь Татьяна Цветкова. Здесь за хатой Кузьмич присмотрит. Позже он вытащит обязательно Егора на охоту, посмотрим, как десантники стреляют».

К полудню Зеленин выехал во Владимир.

Многое в городской квартире напоминало об Анне, несмотря на то, что Светлана кое-что переставила на кухне и в прихожей, но в целом осталось все так, как было при ушедшей хозяйке, этого уютного когда-то гнезда. И, конечно, если бы не радость с вернувшимся Егором, то Виктор, пока еще не смирившийся со смертью его Анны, опять заскучал бы и долго, естественно, не задержался, а уехал в деревню.

Вечером к ним в квартиру влетела, а не вошла раскрасневшаяся от мороза Татьяна. Уже знавшая, что Егор освобожден и скоро вернется домой, ну хоть на побывку, бросилась на шею Зеленину и крепко его обняла.

– Боже мой! Виктор Степанович! Егор жив! Жив! Я поеду с вами его встречать.

– Нет, Танечка, не надо вам ехать со Светланой, вы лучше здесь нас встретите. Егор будет лететь самолетом из Моздока, могут быть задержки по погоде.

– Дядя Витя, я вчера из Омска прилетела от бабушки. Папу в Москве не видела. Он на Кавказе. Как же мне хочется с ним повидаться! А вы его видели?

– Да, Таня, я его видел. Он такой же красивый, но грустный, хотя оптимист он у тебя, Танюша, он сильный, весь в работе. Это ему надо в первую очередь спасибо за Егора сказать. Обещал и сделал.

– Правда? Какой же он тогда молодец!

– Да, Таня! Это твой отец смог правильно все организовать и вытащить парней, правда, какой ценой, мы пока не знаем.

Татьяна нет-нет, да и напоминала ему Марину. Такая же красивая, стройная, высокая, но вот по характеру пошла в отца. А это делало ее такой привлекательной в общении и всегда желанной в кругу любой компании. Да, тяжело будет с такой красавицей Егору отбиваться от ухажеров.

– И все-таки я настаиваю поехать с вами, Виктор Степанович, – сказала Татьяна.

Тут отца поддержала Светлана:

– Таня, пусть папа сам встретит Егора. Мы накроем с тобой шикарный стол, купим цветы, закажем такси, надо все продумать, и мне помощница нужна, а то ты с папой завтра уедешь, а я тут от нетерпения, ожидая вас, пропаду пропадом, как в той песне.

Они еще долго сидели и говорили после ужина. Вспоминали жизнь в Монголии, говорили о Егоре. И почему-то в этот вечер никто не вспомнил об ушедших матерях, которые совсем недавно были с ними, а просто, видимо, они не хотели омрачать такой праздник старшему Зеленину.

В 6 утра Виктор тихо вышел из квартиры, и в 7.25 электропоезд уже мчал его в Москву.

Опять в окне мелькали белоствольные березы.

Зеленину вдруг пришла нехорошая мысль в голову:

– А вдруг что-то сорвется, и встреча не состоится, – от этой мысли задавило виски, заняла правая ступня, закружилась голова. Дышать стало трудно. Похоже, как бывало за два года в Афгане» «Чую, где-то рядом «духи»». А они тут как тут, и пошло, и поехало. Но я же не в Афгане. Что я задержался?

Не знал в тот момент Зеленин, что интуиция его не подводит, и на сей раз, встречи действительно не будет.

Проехали Лакинск, Петушки, Покров. В вагоне было прохладно, народу не много. Обычно народу бывает много. Похоже, морозец, стоявший четверо суток, поурезонил пыл людей мотаться до Москвы и обратно. Не так, как раньше.

Это если взять советское время, восьмидесятые годы, то электрички больше всего использовались для поездки за колбасой, конфетами и кофе, короче, за продуктами или тряпьем. А теперь все есть. Кроме того, из Владимира каждые тридцать минут идут в Москву с ЖД вокзала коммерческие автобусы, и не хапужные цены, вполне приемлемые для простого россиянина. В такое время едут вахтовики или те, кто не любит никаких пробок и знает точно, когда приедет.

Подъезжали к Балашихе.

– Станция Никольское, – объявили по радио, и через две минуты двери закрылись, поезд помчался, набирая скорость, к Москве.

В тамбуре появились «свежие» пассажиры. Это были молодые люди – мужчины, лет по тридцать-тридцать пять. Но, как они заходили в вагон и как шли по нему, как смотрели по сторонам – от этого Зеленин почувствовал сразу некую опасность. Виктор сидел почти в центре вагона, лицом к тамбуру, он видел, куда прошли четверо парней и куда они сели. Справа против хода поезда, на третьей скамейке у окна по ходу сидела симпатичная девушка в норковом полушубке и норковом берете. Двое из вошедших парней подсели рядом к девушке, третий напротив нее, а четвертого он как-то недосмотрел, да и не было у него желания, чтобы их внимательно разглядывать. Виктор снова стал смотреть в окно. Чуть попозже он увидел, как резко встала бабуля, а с ней встал, видно, ее внучек лет десяти – одиннадцати. Они, сидевшие напротив девушки, перешли на другие места, на вторую скамейку слева, сев по ходу поезда. Как только Виктор это увидел, то понял, что добром этот сгон, бабули и пацана, не кончится. Спина к Виктору сидели две дамы, похоже, что были они навеселе потому, что громко смеялись или без умолку говорили. Вдруг они перестали смеяться и замолчали. Зеленин увидел, как парни, севшие рядом с девушкой, начали заглядывать открыто ей в лицо, и что-то говорить, и, видимо, тот, который сидел напротив, тоже сказал такое, что она встала и попыталась перейти на другое место. Однако ее не пустили и усадили, на прежнее место.

Девушка явно волновалась, сбрасывала их руки, глаза ее лихорадочно забегали по столам, она искала помощи. Зеленин видел этот полный возмущения и отчаяния взгляд.

Проехали уже Реутово, Новогиреево. Девушка начала вырываться, звать на помощь. Она стояла без беретки, волосы распустились, полушубок расстегнут. Она махала руками, пытаясь освободиться от крепких рук парней и пробиться к выходу. Зеленин не удержался и подошел к молодым парням и бьющейся на свободу девушке. В нем боролось два чувства: первое – нельзя перед таким ответственным днем, встречей Егора, влезать в любую драку, так как можно залететь в милицию, второе – он ведь офицер и обязан помогать слабым и тем более людям, попавшим в беду. Ему ну никак не хотелось становиться вновь «Самураем». Он решил попробовать культурно попросить ребят отпустить девушку. – Ребята, ну что вы к девушке пристаёте? Насильно мил не будешь. Пропустите ее, пожалуйте.

– Мужик, я как-то не догоняю, или ты ставишь мне пальцы в «растопырку»? Она тебе кто? – сказал тот, что сидел у края скамейки.

– Никто! Человек!

– Вот видишь, она тебе не дочь. Она тебе не жена. Вот ты постоял тут для приличия и быстро исчез навсегда с глаз, – и после последнего слова он резко встал и даже можно сказать, очень грамотно, с наклончиком вправо, с корпусом, нанес правой рукой удар в челюсть Зеленина. Но «Самурай» ушел от удара, встретив его руку своей левой и сопроводив ее вниз, перехватил уже за кисть и, протаскивая ее по кругу вверх, уже правой рукой приподнял за кисть парня так, что тот заорал на весь вагон. Зеленин, отпуская руку, толкнул «орущего» на свое место. В этот момент тот, который сидел напротив девушки, делает попытку достать Виктора правой ногой с разворотом, видимо, имея некоторые навыки удара ногой, целясь в лицо. «Самурай» даже не отошел в сторону. Он опять левой рукой, чуть пригибаясь, перехватил ногу нападавшего и легонько, подбив правой рукой вверх, отправляет его обратно, парень падает в проход между сиденьями к ногам девушки, которая вырывается сразу от того, который сидел рядом и убегает в сторону тамбура. Зеленин, улынувшись, посмотрел ей вслед и сказал:

– Ребята! Давайте жить дружно и без драки.

Все трое явно не ожидали такой резкой с ними расправы, были в шоке и сказать ничего не могли. А еще их отвлекал стон первого «бойца» зажавшего свою правую руку между ног и качавшегося из стороны в сторону.

Поезд начал притормаживать. В динамике прозвучало объявление:

– Станция «Серп и молот»!

Виктор, глядя на притихших мужиков, «расслабился» и тем самым сделал непоправимую ошибку. Всегда повторял об этом его тренер Чан:

– Провел прием или еще нет, но уже лови взглядом другого и всегда держи дистанцию на две руки по кругу.

А Зеленин стоял. И стоял-то он спиной к тому, который сидел у него за спиной на противоположной стороне от прохода.

Жуткая боль и расплывающееся тепло разлилось по спине и левой стороне тела, от поясницы и до плеча. Виктор повернул голову, попытался схватить нападавшего, но рука не слушалась, закружилась голова и, когда он все-таки сделал попытку шагнуть назад, в этот момент он почувствовал боль в животе. Падая, он схватился правой рукой за сидение и, медленно сползая, по его спинке, видел, как напавший на него сзади человек с окровавленным ножом помчался в тамбур. А когда его еще кто-то, он уже не видел кто, толкнул в плечо, вот тогда он стал понимать, что дал такого нелепого для тренированного человека промаха.

Зеленин потерял сознание.

Бабуля, которая недавно ушла с внуком от беды на другие места, соскочила с места, подбежала к лежащему мужчине и закричала:

– Убили ироды, ой, убили, один заступился, и убили. Люди, помогите! – голосила бабка. Одуревшие от увиденного две подпитые женщины рванули к выходу в другой вагон.

Поезд в это время подошел к платформе станции «Серп и Молот» и остановился. Из вагона электрички вышли четверо мужчин и уверенным шагом уходили в противоположную сторону от вокзала. Чтобы не привлечь к себе внимание окружающих, а у одного из них правый рукав куртки и сама куртка спереди были замараны кровью, они шли грамотно. Замаранный кровью шел во втором ряду, ближе к забору. Когда навстречу им вышел сержант милиции, то они, как сговорившись, стали живо и весело что-то обсуждать. Милиционер прошел мимо и не заметил ничего подозрительного.

И пока стоял поезд, никто не крикнул на перроне: «Держите убийцу!» – или просто заорал: «Караул, убивают!» Ни выскочившая из соседнего вагона девушка, ни поддатые женщины, ни те, другие, кто находился в том злосчастном вагоне, ни кто, кроме бабули, не поднял тревогу, а каждый попытался ретироваться, уйти, либо в другой вагон, либо на платформу. Правильно поступил одиннадцатилетний мальчик, внук бабули, он подошел к коробочке, «Экстренной связи», нажал на кнопку и кричал:

– Дядю убили! Дядя умирает! Скорей, помогите!

Через две минуты в вагон примчались два милиционера и сразу, увидав пострадавшего, заказали «скорую помощь» на Курский вокзал через машиниста и, просмотрев пенсионное удостоверение Зеленина и его паспорт, сообщили по милицейской связи дежурному по отделению:

– Тяжело ранен, в четвертом вагоне электрички Владимир-Москва, полковник запаса Зеленин Виктор Степанович, ветеран боевых действий в Афганистане. Нападавших четверо, два ножевых, в живот и левый бок, пульс пока есть, много крови.

Один из милиционеров, вынул из полевой офицерской сумки рубаху, не понятно как там очутившуюся, и приложил ее на место, где сильно сочилась кровь. Второй приподнял голову полковника, чтобы кровь не пошла ртом, хотя она уже просачивалась через плотно закрытый рот. С каждой секундой лицо Виктора становилось бледней. Глядя на них со стороны, было видно, что лейтенант и сержант были растеряны и совсем не знали, что делать дальше, как помочь умирающему человеку. Лейтенант уже стоял в луже крови, сержант тоже вымазался, вытаскивая документы из куртки Зеленина. А рядом возле них стояли всего два свидетеля, бабуля и ее находчивый внук Арутик. Остальные все разбежались. Поезд подошел в назначенное время к платформе Курского вокзала. К четвертому вагону пришедшей электрички бежали санитары с носилками и врачи.

Глава 13

Артем Шмелев.

Город. Месть. Порт.

Всегда вспоминая своих родителей, Артем вспоминал Широкую Падь, детство, своих сестреночек. И всегда необъяснимое желание вернуться туда, где тебя родили, где тебя любили и где такая природа, какой нигде больше нет во всем мире.

В начале шестидесятых годов началось хрущевское разваливание мелких совхозов и колхозов. А просто говоря, их уничтожение под, якобы, уплотнение более развитых городов и районов рабочим классом и колхозниками. Под сокращение попали более семидесяти процентов поселков и деревень Сахалинской области. Людей, почти принудительно, распихивали по городам и районным центрам. Люди-то могли собраться и переехать, а вот как перегнать скот за сто и более километров? Приказали сверху все живое превратить в мясо, и били скот на бойнях, не взирая ни на что, стельная корова или полугодовалый теленок. Кровавое пиршество вредителей. Просто по-другому и не скажешь. Ломали мастерские по ремонту катеров, якобы перевоза хорошее оборудование в город Александровск, а там его никто и не ждал, оно ржавело, и через год, поняв, что и ставить-то его некуда и подсоединять некуда, разбирали на металлолом. Катера на зиму переполняли берег. За зиму их в таком количестве тоже не могли привести в порядок к новой навигации. И шли «труженики моря» на списание, а позже еще через много лет на разбраковку. Экипажи «ломали». Расформировывали по другим катерам. Много моряков-рыбаков уходило с флота на сушу. Все трещало и лопалось, а больше всего страдали люди, которые бросали насиженные места, дома, земельные участки и приезжали к родственникам, снимали угол на ночлег, ютились в малосемейных общежитиях. Надо еще учесть, что в те годы в семьях было не по одному ребенку а, как правило, по три, четыре.

Переезд для Шмелевых был просто трагедией. Никто не хотел никуда уезжать, точней, в никуда срываться. Но летом в 1964 году, загрузив основной скарб на плашкоут, т. е. баржу, они переехали в Александровск и остановились в доме Анны Гавриловны, мамы Виктора. Частный дом находился на окраине улицы Луговой и имел комнату бабушки в восемь квадратных метров, прихожая, она же и кухня, и столовая около двадцати квадратных метров, и спальня родителей десять квадратов. Кладовка, коридор – это само собой, сарай большой и участок пятнадцать соток.

Охраняли дом пес Мухтар и привезенный с собой из Широкой Пади огромный пес Дик. Псы постоянно между собой грызлись.

Артем пошел в седьмой класс, в школу № 6, на южной окраине города, в которой учились дети из ближайшего колхоза, «бандитских» улиц Цапко, Парашютной, Майской и Рудничной. Нет, на этих улицах не было маньяков-убийц, но люди старались в ночное время, а особенно из других районов, смело не разгуливать, мало того, пацаны с этих улиц часто дрались между собой, да еще и тренировались, порой, на чужаках. Типа: «Эй, мужик, дай закурить», – а потом: «А что ты грубишь?», – и ни за что ни про что новенький мог получить в зубы. Могли снять часы, забрать деньги, перчатки, шапку и разбежаться. Что характерно, случаев нападения на женщин или девушек не наблюдалось. Бывало, налетали не на того. Так однажды приехал дядя Артема, Владимир Дербенев, из шахтерского поселка Макарьевка, к ним в гости, а он занимался боксом, имел тогда первый взрослый разряд. Поздно вечером встретили его в темном месте пятеро подростков на Парашютной улице и решили потренироваться в силе своих ударов. Дербенев двум челюсти сломал, вырубив их, третьему «яички молодецкие» превратил в бычьи, четвертый долго ползал по канаве и просил пощады, а пятый не дурак оказался и сразу растворился в темноте. Артем знал этих пацанов, а как их после приезда Володи Дербенева не оказалось на улице, то сразу ночью стало на Парашютной тихо и спокойно. Перестали в

темноте маячить огоньки сигарет, так бывало везде, когда все-таки кто-нибудь присмирят этих «говнюков». Но то там, то там кто-то из прохожих, не живущих в тех краях, в ночное время, был избит и ограблен. Милиция искала, ловила, судила. Но после некоторого затишья все становилось на круги своя. На ночную охоту выходили другие «филины».

Сразу после приезда Артем сдружился на Луговой и Парашютной с пацанами, предварительно показав себя в драке. А драться Артем умел. В поселке, где он раньше жил, частенько приходилось отстаивать свою свободу передвижения и в школе, и на улице, и на рыбалке. Но драки среди пацанов там были не такие, как в городе, дрались в основном только кулаками, не пинались ногами, не хватались за камни и палки. И сквозило в этих стычках некое джентльменство: лежачего не бить, сзади не нападать, маленьких не обижать! Короче, были какие-никакие, но установленные негласно правила. Видимо, они шли от взрослых, от общего воспитательного процесса в поселке. Хотя тоже бывало разное, но редко, и это осуждалось всеми и с большим упором на родителей.

Осенью, в октябре 1964 года, Артем заступился за своих соседских, луговских пацанов, которых пытался воспитывать кулаком Коля Грицко, пацан из параллельного с Артемом класса, приехавший на своем мотовелике с улицы Цапко на Луговую. Дрались тогда они крепко. Артем победил, и под общее гиканье пацанов побитый Грицко убрался на свою улицу.

А ровно через год, в восьмом классе, Артема избili шесть человек прямо в спортзале на втором этаже, где проходил вечер «Осенний бал». Артем сидел на скамейке, смотрел небольшую художественную самодеятельность школы. Объявили перерыв на десять минут, после которого должны были начаться танцы. Артем, в общем-то, скучал. Его школьные друзья – все трое Володьки, их в школе звали «Триво», на вечер не пришли, и Артем хотел тоже уйти. В это время кто-то тронул его за плечо. Артем повернул лицо, и тут все поплыло. Он упал на пол, закрыв лицо руками, кровь хлестала из разбитого носа. Удары сыпались со всех сторон по голове, туловищу и ногам, поплыли в глазах разноцветные круги, и он потерял сознание, успев услышать, как эхо: «Что вы делаете?.. Что вы делаете?» – и даже успел узнать голос завуча Людмилы Сергеевны.

Его тащили вниз со второго этажа в туалет двое десятиклассников. Когда Артем немного оклемался, и остановилась кровь, то его привели в кабинет к директору школы Хайманову Алексею Михайловичу, где из шести мстителей было задержано четверо, и среди них Грицко. Директор разобрался, в чем причина. Те трое раньше учились в школе, и Хайманов способствовал, двоим бывшим двоечникам, чтобы они смогли окончить по восемь классов и тем самым иметь возможность поступить куда-то, учиться. Он довел всех мстителей до слез. Кое-кому перепало и физически. А Алексей Михайлович это делать умел, ненавязчиво, но больно. Раньше он был учителем по физкультуре. Высокий, красивый, с седыми усами осетин, фронтовик Великой Отечественной войны, был справедлив и, очень уважаем. И никогда за всю учебу Артем не слышал ни от одного человека высказанной обиды на Хайманова.

Избитый и слабый Артем выходил из школы и в вестибюле встретился с одноклассницей Натальей Дудкиной, которая вызвалась проводить его до дома.

– Ты что, Наташа, – сказал Артем и добавил после того, как увидел ее горячее стремление быть чем-то полезной. – Я не очень себя нормально чувствую и не смогу тебя проводить.

– И не надо.

– Так не бывает.

– Бывает, – сказала она и пошла к выходу впереди Артема.

Они шли вместе по Парашютной улице, дойдя до перекрестка с улицей Цапко, Артем остановился и сказал:

– Наташа, ты настоящий друг. Спасибо тебе! Дальше я дойду сам, а ты иди домой, а то у нас улицы темные.

– Да нет, я пойду в школу, там меня девчонки ждут.

Артем даже после этих слов приревновал на миг эту смелую девчонку к ее подружкам и сказал:

– Иди. Тебе видней, – и он, чуть-чуть пошатываясь, зашагал в сторону Луговой.

Так начались добрые отношения у него с одноклассницей Наташей.

Дальше события развивались с полетом бумеранга. Артем усиленно занимался боксом, продолжая ходить на секцию бокса в детскую спортивную школу. Зимой бегал на лыжах, участвовал в школьных соревнованиях и даже занял третье место среди трех восьмых классов. К весне получил первый юношеский разряд по боксу. А когда растаял в апреле снег, он стал ходить в школу в своих новых кирзовых сапогах, как солдат. Артем готовился к встрече со своими обидчиками. Однажды вечером его встретил Грицко с двумя новыми своими друзьями, явно из другого района, их Артем не знал, и они попытались его снова поколотить. Сильно тогда разозлился Артем и нарушил свои заповеди поселковые, вырвал он кол из забора и разогнал в гневе эту троицу, и, воспользовавшись их замешательством, рванул через забор, влетая в мягкие грядки, падая, но все-таки ушел он тогда от погони. После этой встречи Артем сильно разозлился и начал осуществлять свой план отлавливать всех дружков Коли Грицко поодиночке.

А первому тогда попало Апалевскому Сереге, тому, кто ударил его в школе по носу. Артем несколько вечеров выслеживал Сергея и изучил все его маршруты и время приходов к дому. Спрятавшись в более удобном месте, убедившись, что это идет Сергей, надвинув кепку на брови, якобы пьяный пацан, шатаясь, пошел на встречу Апалевскому. Артем знал, что тот тоже раньше занимался боксом и слыл неплохим драчуном, а значит, остерегаться его Апалевский не станет и курса своего не изменит. Кроме того, Сергей был повыше и старше на целых два года. Артем сделал резкий наклон вправо, пытаясь вроде обойти человека, а тот спокойно продолжал идти, а потом, развернувшись, мгновенно сбил его с ног и, уже сидя на Апалевском, нанес ему удар прямо в нос. Жертва была ошарашена и напугана до крайности.

– Только не ори, а то пырну ножом, – сказал Артем и добавил: – Ты, козел, если еще хоть раз попытаешься бить младших, то тебя убьет мой дядя Дербенев, я тебе это гарантирую. Ты, наверное, в боксерских кругах такую фамилию встречал не раз. Дербеневых знаешь? – зло спросил Артем и надавил коленом на горло Сергея.

– Знаю, знаю, – прохрипел Апалевский, – из Макарьевки они, шахтеры, их четыре брата.

– Молодец, все ты, оказывается, знаешь, а что тогда на меня рыпнулся?

– Я же тогда не знал, – простонал Сергей.

– А теперь все ваши фамилии, кто тогда меня бил в школе, с вашими адресами у них есть, и скоро вам, придется за все отвечать. Но с тобой я пока разбираюсь сам. Ты меня сильно ударил в школе.

Жертва что-то прохрипела и попыталась вырваться, но Артем ударил его теперь уже в челюсть.

– Ты что сказал? – спросил Артем.

– Знаю, знаю Дербеневых, – застонал Апалевский.

– А мою фамилию знаешь?

– Знаю, ты Шмелев.

– Да, но ты ее уже забыл на всю жизнь, иначе ваша хата и гараж с машиной твоего бати будут полыхать в одну из таких темных ночей очень даже ярко. Ты понял? И своим козлам о нашей встрече ни слова. Они получают тоже свое, а иначе ты огребешь опять еще и от Дербеневых, один огребешь по полной за всех. Считай, что ты легко отделался. Понял?

– Понял, – простонал Апалевский, – и отпусти горло, а то дышать больно.

Артем ушел. На душе было скверно. Он думал, что начнутся новые набегии. Но было тихо.

Апалевский не собирался иметь дело с Дербеневыми, вспомнив, как в тяжелом весе они нокаутировали на ринге таких мужиков, что не чета ему в его полусреднем.

В течение недели Артем отловил еще троих и проделал ту же, свою, уже отработанную систему мщения. Грицко был, последим, и его выслеживать, долго не пришлось. Артем так же сбил его с ног, так же расквасил нос, связал, заткнул рот платком, оттащил в кусты и там высказал свой монолог устрашения. Коля был так испуган, что, когда ему развязали руки и вытащили кляп, он не пошел, он полз на четвереньках полпути к дому, а еще от него пахло и нехорошо пахло.

За неделю своего мщения Артем запустил уроки, напучал двоек, но «отдышавшись» за воскресенье, пошел в школу с серьезными намерениями все подправить. Справедливость восторжествовала! На следующие две недели усиленно старался наверстать материал и исправить двойки. И у него это получилось. Восьмой класс он закончил нормально. А Грицко на переменах сначала обходил его стороной, а потом при встрече стал здороваться и протягивать доброжелательно свою «гадную» руку. Артем здоровался и сразу отходил.

Отец Артема за последнее время сыном был недоволен. Недоволен был его вечерними уходами и ночными приходами. Артем врал, что бывал то у Лунина Вовки, то у Шадрова Вовки. А за задержки допоздна, а это продолжалось почти всю ту страшную неделю мщения, он столько навслушивался нехороших слов в свой адрес, что гордые моменты мщения становились не в радость. Однако ради достижения цели Артем все сносил. Два раза родители даже сильно ругались из-за него. Мама пыталась всегда стать на защиту сына, а отец допытывался, ругался, ставил условия:

– Ты, сынок, пойми нас с матерью правильно. Мы ведь волнуемся за тебя. Приходишь поздно, одежда в грязи, куда уходишь – не говоришь. С кем ты связался, выкладывай?

– Батя! Так надо. Мы ходим на дежурство.

– Какое, на хрен, дежурство каждый вечер?

Отец чувствовал, что-то тут не так, и решил разузнать разными методами. Но Артем не раскрывался. Эту историю ему поведал Артем лишь тогда, когда они сидели на летней кухне, играли в «очко» на сушеную корюшку, пили пиво, водку, курили сигары, а на плечах Артема были уже майорские погоны.

А когда отец впервые выслушал про это, то сказал:

– Мечь, сынок, рождает мечь. Кто знает, может, кто-то из них и не осознал своей вины и затаился. Мечь на мечь порождает смерть.

– А ты хотел, чтобы они меня все время пугали, били всей «кодлой», да? Так, что ли? Да я и сам, по сей день, чувствую себя как бы виноватым, как бы что-то украл или слукавил. Пугал их дядьками. Ты понимаешь меня? Сам ведь с детства мне твердил: «Не позволяй себя унижать и унижать своих близких, и друзей».

– Да ладно, забудь и не казись, но, сколько будешь тут отдыхать, будь осторожен. Хотя я знаю, что Грицки уехали в Краснодар. Апалевский сидит в тюрьме, десять лет за убийство два года назад дали. Тарин – тот в туберкулезном диспансере в Арково, а остальных я не знаю.

– Ладно, Батя. Спасибо за информацию! Но страха у меня нет, это точно. Но что-то в этом, хоть я и считал себя всегда правым, но неправильное есть. А ведь по-другому поступи, то жил бы я все время в страхе и что бы тогда из меня выросло, а?

– Честный ты, сынок, справедливый, а этим людям всегда тяжело в жизни или трудно, по крайней мере, они за свои поступки с себя спрашивают. Вот так, – закончил тогда отец и, улыбнувшись, похлопал сына по плечу, дав этим понять: «Я тебя одобряю, но не хвалю».

Артем в ЮДМ (Юный друг милиции).

В девятом и десятом классе Артем был очень самостоятельный юноша. Отец и мать знали, что он готовит себя для работы в милиции. Когда в сентябре 1966 года в школе появился старший лейтенант милиции и, собрав старшеклассников в спортзале, а их было шесть классов, рассказывал про нелегкие, но почетные будни милиции, вот тогда и зародилась мечта у

Артема стать следователем. Милиционер приводил примеры задержаний уголовников, героических расследований сыщиков из уголовного розыска. Зачитал статью из областной газеты о награждении юных друзей милиции в Южно-Сахалинской школе денежной премией и именными часами за оказание помощи в раскрытии преступления. Рассказал, как один старшеклассник из первой школы помог задержать особо опасного преступника.

Все это подействовало на Артема и его друзей. Так они записали себя в Юные друзья милиции (ЮДМ) при шестой школе – самой хулиганистой школе города. Ну, конечно, не школа сама хулиганила, а дети, в основном подростки и юноши. Учителя были, как и везде, разные, но в целом коллектив учителей был сильный. Это показали хотя бы выпускники 1967 и 1968 года. Шестьдесят процентов поступили учиться в высшие учебные заведения, семь человек поступили в военные училища, остальные – в техникумы, училища, мореходки, и только двенадцать человек пошли сразу работать. Так бывает нечасто, но так было.

Юные друзья милиции продержались недолго. Сначала рьяно начали патрулировать, потом их стали бить, запугивать. Через месяц осталось из тридцати человек всего четверо. А к новому году на сборы в ДК города от шестой школы пришел только Артем. Может быть, дальше Артем более подробно вспомнит эту интересную для него работу. Но то, что формировался он за два года в социальном обществе не так, как его сверстники, – это абсолютно точно. Старший лейтенант милиции Казанцев Сергей Дмитриевич, начальник детской комнаты милиции, через год, как познакомился он с Артемом, перешел работать в уголовный розыск. Теперь у него меньше стало времени на встречи с Артемом, и Сергей Дмитриевич потихоньку познакомил Артема с операми уголовного розыска. Осенью в десятом классе Артема знали почти все сотрудники милиции города. На День милиции Артем получил лично от начальника милиции почетную грамоту, чему был очень рад. На каком-то партийном совещании или конференции первый секретарь горкома партии отметил директора Хайманова А.М. за хорошее воспитание молодежи в патриотическом плане, лучше всех налаженную работу юных друзей милиции в шестой школе. Хотя Артем – представитель от школы – был один и в милиции, он просто был внештатным сотрудником, а если точно – учеником у Казанцева. Когда Казанцев привел Артема в угро и познакомил с операми, то те встретили Артема с пониманием и доброжелательностью. Тогда Артем не шел домой, а бежал, так ему хотелось поделиться с отцом своими впечатлениями.

Опера знали, как весной 1967 года Артем, получив хорошую оплеуху от убийцы сторожа при сопровождении его в отделение, нашел в себе силы подняться и прийти на помощь Казанцеву, когда тот в схватке с преступником был слегка ранен, и в какой-то момент инициатива в борьбе перешла к преступнику. Артем не струсил и не растерялся, а, налетев на убийцу, дал возможность Сергею Дмитриевичу задержать, связать и доставить гражданина Клоповкина в отдел милиции. А в остальном все было по мелочам, как считал Артем.

В конце апреля 1968 года Казанцев сказал Артему:

– Ну вот, Шмелев, я все сделал для тебя.

– А что именно сегодня? – удивленно спросил Артем.

– А то, дружище, что полковник наш, начальник милиции, принял решение отправить тебя учиться в Иркутский университет на юридический факультет. Надо только на вступительных экзаменах получить «тройки». В этом году на город и весь район всего дали по разнарядке три человека. Поедешь ты и сержант Молоков от Александровски. Конечно, ему будет легче поступать, так как он отслужил в армии, коммунист, ну и в милиции второй год. Поступите, отучитесь – и снова домой на Сахалин, а тебе в университете и учеба будет, и армия, и практика, и студенческие годы веселые. Я оканчивал Омскую школу милиции. У меня там дядя в органах работал и сейчас в Омске живет, легендарная личность в МВД СССР, – закончил Казанцев и добавил: – Станешь ты, Артем, потом знаменитым сыщиком, так не забудь, кто

тебе первые азы давал в этом, если честно сказать, почетном деле, но грязной и порой неблагодарной работе.

– Спасибо, Сергей Дмитриевич, – улыбаясь, сказал Артем, – я не забуду! А Дмитриевич стал продолжать:

– Смотрю я на тебя и думаю – вот таких бы нам надо везде готовить пацанов, из каждой школы города, а у нас их девять и посылать их от нас в училища и институты МВД. А через несколько лет, а потом и каждый год, девять молодых лейтенантов к нам в город и в район. Эти бы ребята знали, для чего учились, свои все-таки, не «ссылные» – материковские. Порядки местные, уклад жизни специфический знают с детства. А то пришлют с материка чужаков, один год они к климату привыкают, изучают местность, обычаи, второй год пытаются что-то доказать, чтобы повышение получить. Третий год они обрастают потребностью хапнуть для дома и семьи, чтобы не пустому назад возвращаться. Позже не столько работать начинают хорошо, сколько выслужиться, чтоб не накликать перед заменой гнева начальника, который будет по твоему рапорту, перед отправкой, характеристику писать да ходатайствовать о теплом местечке и должности. Так что, Артем, ты будешь первой ласточкой со школьной скамьи и сразу по льготному поступлению. Хотя это в нормальных местах уже давно делается. Опять же под эту марку всякая «шваль» блатная, по протекции, идет. Написать-то все можно. А я говорю, как должно быть, а ведь у нас все через задницу. Все хорошие начинания загубят на корню.

Казанцев достал сигарету, закурил и после долгой паузы снова заговорил:

– Мы тут с тобой неделю не виделись, а я на такое дело вышел! Ты помнишь, в октябре прошлого года два «газика» шестьдесят девятых – один наш, милицейский, с соседом моим, старлеем Портянкиным и водителем сержантом Сулеймановым, и горкомовский «газик» с главным рыбнадзором, главным охотоведом и шишкой из парткома – уехали на ловлю браконьеров и пропали. А тут, как назло, после их отъезда дождь лил, как из ведра, двое суток, и никто их, кроме как в магазине Арковском, куда они заходили отовариться, нигде не видели. Как в воду канули, никаких следов. Так вот что я тебе пока под большим секретом скажу. На завтра готовится команда выездная на реку Тымь, под Тымовск, с водолазами, следоками из прокуратуры и так далее.

– А что, нашли их? – догадался Артем.

– Пока не знаю. Но не зря же я месяц назад капитана получил, а, Артема?

– Да это Вы, Сергей Дмитриевич, нашли?! Вот это да! Два района тогда искали. Я помню, почти месяц редко Вас видел.

– Нет, звание по сроку. Да, я тогда отдельные задачи получал. А официально в оперативной группе по этому факту исчезновения не был.

– Если водолазы, значит, они в воде? – спросил сразу Артем.

– В воде. Проколотся тут один из Тымовска по пьяни. Я его по другому делу крутил, а он – раз, да и вильнул, да не туда. Короче, дожали позже. Говорит, сам не убивал, а кореш его по зоне из двух ружей и четырех стволов «мочил» – убивал под фарами «газиков», а пятый у них, тот был без оружия и все орал: «Не стреляйте», – когда Баркас перезаряжал стволы. Привязали они их, чем могли, в машинах и пустили в реку Тымь, а там как раз яма метров семь, да и место глухое. Начали искать, уже заморозки по утрам были, а через неделю и снег выпал, на реке лед стал. Так и пропали пять человек без вести.

– А зачем все-таки они туда поехали? – поинтересовался, уже из любопытства, кое о чем догадываясь, Артем. – Кетинки, наверное, и икры для начальства к ноябрьским праздникам привезти, а время-то уже позднее для кеты, браконьеров-то почти и не было, вот их никто и не видел. Да еще дождь.

– Догадлив ты, Артем. Молодец, – похвалил капитан.

– А я еще думаю вот что. Наверняка кто-то знает и со стороны горисполкома, и со стороны милиции истинную цель поездки.

– Вскрытие покажет. Да ты, я думаю, Артем, у цели. Однако послезавтра я твое любопытство и профессиональный азарт уважу. Подходи часикам к шести вечера, поговорим.

А послезавтра узнал не только Артем, но и в целом весь город, что пропавшую инспекционную группу, без вести пропавшую прошлой осенью, вытащили из реки Тымь, а через три дня в Хабаровском аэропорту задержали Баркаса, главного убийцу, обреченного на смертный приговор.

Артем был рад за Сергея Дмитриевича и очень горд, что у него такой опытный и героический учитель. Ему даже показалось, что из-за Сергея Дмитриевича он тоже как-то причастен к этому делу, то есть к расследованию, и если бы он был вместо Сергея Дмитриевича, то наверняка расколос так же этого бородатого из Тымовска. Но он понимал, что это простые мальчишеские фантазии. Надо учиться по-настоящему, а не по наитию и интуиции.

Казанцева назначили старшим по расследованию этого, доселе не виданного, с таким массовым расстрелом, дела. Все бы ничего, да в машинах нашли два невода – бредешка и три невода ставника. Как там расследовал и крутил все Казанцев, Артем точно не знал. После майских праздников наступала в школе, в выпускных классах, «шебутная» пора. В милиции Артем стал появляться совсем редко.

А Сергей Дмитриевич сказал:

– Все, пока завязывай, давай учишь хорошо, сдавай экзамены и вперед на Иркутск.

Тогда он и вручил копию направления Артему, с печатью и подписью начальника милиции и добавил: «С этой бумагой после восьмого августа придешь в кадры, тебе дадут проездные на дорогу, а все остальное, дружок, это твое желание, везение и удача!»

Когда Артем сдал первый выпускной экзамен, а это было сочинение, он встретил озлобленного Сергея Дмитриевича на крыльце универмага, в центре города. Казанцев поведал, что дело с браконьерским выездом приняло другой окрас, и замешан здесь второй секретарь обкома партии, и первый наш – райкома партии. В Южном, после седьмого ноября, кто-то выходил замуж. Нужна была рыбка свежая и икорка незалежалая. А теперь выстроилась такая цепочка от указания до выезда группы, под прикрытием заместителя начальника милиции, до выхода этой группы из машин, кстати, все они, кроме одного, вышли с оружием, но никто не подумал об осторожности. Лодка, в которой были двое будущих убийц, по их зову покорно приближалась к берегу, а пятеро, вышедших из машин, спокойно шли к черте расстрела, забыв о том, что в ночи не видно милицейской мигалки на машине, когда она выключена, да и милицейская форма никого не пугала, тем более рецидивиста. А стрелять Баркас – бывший охотник-промысловик – умел отменно, и стрелял не дробью, а картечью и жаканом.

Но не это в судьбе Артема было главным. А то, что в конце июля, как только они, пятеро выпускников и мальчик со двора Вовки Лунина, Сережка Шакуров, собрались в поход, в Широкую Падь, Артем перед отъездом зашел в милицию и спросил у дежурного, где можно увидеть капитана Казанцева Сергея Дмитриевича, и услышал то, что вовсе не ожидал услышать. Словом, был ошарашен.

– Капитан Казанцев в здании прокуратуры работает, в нотариусе, а в милиции он уже не работает, – ответил незнакомый старшина милиции.

Артем разыскал Сергея Дмитриевича. Он был неразговорчив, выйдя за здание прокуратуры и, присев с Артемом на старенькую скамеечку сказал:

– Вот такие дела, Артем. Вынудили написать рапорт на уход. Все повязано. Зам так за все взялся... Начальник глаза закрыл. Я упирался. И вот результат, – говорил о чем-то, не совсем понятном Артему, Казанцев.

Артем только понял четко, что за правду Сергея Дмитриевича подставили и вынудили уволиться. И это как-то не укладывалось в его понятия о чести и правосудии.

– Так что мне делать с поступлением? – вдруг резко спросил Артем.

– А что делать? Все по плану. Езжай и поступай, – закуривая и опустив глаза, тихо сказал Казанцев.

– Но, а как же Вы?

– А я-то тут причем, Тёма?

– Нет, я хотел сказать, как это милиция без таких, как Вы? Вы ведь, сколько я Вас знаю, семь-то не видели. За один год, а сколько дел разоблачили, звание капитана получили, такое дело раскрыли, и все под хвост коту? Это что я там буду делать в такой милиции?

– Бороться будешь.

– Так же, как Вы? Только с кем?

– А, может, у тебя и получится. Я бы хотел, чтобы получилось.

Потом Казанцев как-то вдруг быстро свернул разговор, сославшись на занятость и, прощаясь, сказал:

– Артем, ты отличный малый, ты, как я в зеркале, я тобой горжусь, но идти в милицию теперь не настаиваю. Сам решай. Но помни, что бы ни случилось в твоей жизни, не предавай друзей и честь. Честь имею! – сказал капитан, пожав крепко руку Артема, и его сутулая, но крепкая фигура скрылась в здании прокуратуры.

В то время Артем еще толком не понял о чести ничего, но он понял тогда, что в милиции может работать не каждый, это уж точно.

В Широкую Падь, сдав экзамены и получив аттестаты о среднем образовании, ребята отправились вшестером и из десяти запланированных дней пробыли всего шесть. Артем узнал по телефону от отца, что его друзьям пришли повестки из военкомата на убытие в город Омск для поступления в военное училище, так как на них в военное училище документы были отправлены еще по весне, после последней медкомиссии. В город шли морем на «Алябьеве». Лунин и Артем сидели на корме катера.

– Понимаешь, Артем, – первым заговорил Лунин, – я бы не хотел расставаться с тобой. Если мы с Вовкой Шариним поступим в военное училище, то разбегутся наши дорожки, как корабли в море. Артем, особого желания у меня идти в военку-то и, нет. Шарин накидал рапорт, а за ним следом и я, ты ж тогда отказался рапорт писать. Вовка Шарин думал, что и ты с нами поедешь, а ты вон в ментовку собрался. Не думал я, что это у тебя так серьезно.

– Было серьезно, – сказал Артем.

– Почему было?

– Понимаешь, у Сергея Дмитриевича неприятности, и он уже в нотариусе работает.

– Да ты что! Выгнали, что ли? – удивленно спросил Лунин.

– Сомнения у меня появились по поводу Иркутска, да и от вас отрываться неохота.

– Слушай, Артем, а давай с нами? Не поступишь в училище – оттуда в Иркутск рванешь.

– Да кто меня так пустит? Надо документы оформлять. Нет, уже поздно.

– Да брось ты. У моего бати, в военкомате, знакомый есть. Я бату уговорю, мы все за день порешаем.

Девчонки Тамара и Наталья, как только узнали такой поворот Артема, то были не очень в восторге. Особенно Наталья. Они знали, насколько серьезно Артем хотел стать хорошим сыщиком, и с этим смирились. Они даже не представляли, что у Артема может измениться решение.

Дома такому решению родители Артема, в целом, обрадовались. Мать его, Анастасия Ивановна, даже оперативно взялась за сбор документов. Сходила в школу, выхлопотала хорошую характеристику. Все это она делала лишь для того, чтобы сын не шел работать в милицию. У нее с отцом были разногласия по поводу милицейской службы. Если отец говорил, что в милиции должны работать порядочные и правильные люди, как наш сын, то мать была категорически против и говорила:

– Это, сынок, грязная работа, но не от грязи, а от нашего общества, и не дадут тебе честно работать. Помяни мое слово потом. А сколько у тебя появилось врагов в этом твоём ЮДМе. Синяков переносил-то поболее своих дружков, в два раза вместе взятых. Нет, ты как хочешь, а я бы хотела тебя видеть врачом-хирургом, а лучше гинекологом. У тебя душа добрая.

Когда в очередной раз мать напомнила о гинекологии, Артем привычно махнул рукой:

– Да брось ты, мам. Я что, не найду подостойнее профессии?

– Найдешь сынок, да только скольким бы ты женщинам помог вылечиться от болезней всяких. Нет, тебе надо быть врачом. Ты добрый и не грубый, ты у нас какой-то интеллигентный получился, наверно, в деда Шмелева.

– Да я же с химией не дружу, – все пытался ее переубедить Артем.

– Захочешь, сынок, подружишься. Я так считаю. А тебе решать.

И вот, теперь она узнала, что будущее ее сына все равно будет связано с военной формой, с танковыми войсками, как у ее брата Михаила. «Лучше в офицеры, чем в милицию», – размышляла она.

Отец же по-своему был разочарован. Он считал, что надо идти к намеченной цели, не сворачивая и не боясь трудностей. У него была гордость, что сын мог постоять за себя, не труслив, мог заступиться за слабого, прийти на выручку товарищам и другу. А главное, он надеялся, что после учебы в Иркутске Артем вернется в город и будет всегда где-то рядом. Это было его главной мечтой.

Да, в этом, как показала жизнь, он был прав. При хорошем раскладе в городе можно было дослужиться и до начальника милиции. А на одном месте и камень мхом обрастает. А военный – это все, это путешествия, скитания, и не только по СССР, но и за границу. Однако перечить сыну не стал.

Через три дня Артем получил от военкомата пакет с документами, который он должен будет в военном училище отдать майору Лапикову, а тот передаст их туда, куда надо. Главную роль в этом сыграл старшина из военкомата, которого знал отец Володи Лунина.

Порт.

(14 июля 1968 г. – Александровский морской порт).

Баржа, крытая брезентом-навесом, принимала пассажиров, которые через тридцать-сорок минут пароходом поплывут, а точнее, пойдут, к большой земле, в порт «Совгавань». Трех закадычных друзей провожали еще два друга: Вовка Попов и Саша Лаптев, а также школьные подружки Тамара и Наталья.

Слегка накрапывал дождь, погода пасмурная, но безветренная, и на море тишина. Родители давали последние напутствия.

Родители друзей Артема в основном говорили так:

– Не поступишь, сынок, – сразу домой, тут разберемся, работу найдем, а учиться и у нас есть где.

Родители Артема – полная противоположность. Мать смотрела на сына полными слез глазами, будто чувствовала, что расстанется с ним надолго.

Отец сказал тогда такие слова:

– Ну, салага, решил в танкисты? Так иди, в курсанты поступай настойчиво и без колебаний! Дядька твой танкистом был, продолжишь традицию. Это почетно, это по-мужски. Но коль решил, то на Иркутск не надейся, не на прогулку едешь, чай, мы с матерью верим в тебя.

Сестренки Артема смотрели на него так, как будто он уже курсант военного училища, и тоже, поддавшись настроению матери на длинную разлуку, стояли тихо, наблюдая за этими историческими проводами в их семье, готовые в любой момент разреветься. И вообще бра-тишку своего сестры очень уважали и любили.

Подруга Артема Наталья стояла грустная и так печально смотрела на Артема, что казалось: еще мгновение, и они бросятся друг к другу, вцепятся руками за плечи и будут целоваться сильно и долго, но потом Наташа лишь прижалась слегка к его груди, а перед уходом поцеловала нежно его в губы и тихо сказала: «Напиши мне, я буду тебя ждать».

А плакала она потом, когда они возвращались из порта домой. Плакала она и вечером в своей комнате, когда рассматривала их походные фотографии, где они, ряженные в индейцев, пели, плясали и гримасничали, но видела она среди всех только одного человека, это Артема. За последнее время она поняла, что этот человек ей дорог больше всех, но у нее было чувство, как бывает порой у тех, кто любит сильнее и скрывает это.

Буксирный катерок подцепил баржу и медленно поволок ее к пароходу, стоящему на расстоянии около километра от берега на рейде.

Махали пассажиры с палубы баржи, махали и плакали провожающие. Баржа все дальше и дальше уходила в море, а вместе с ней уезжали люди, многие из которых потом долго будут вспоминать это расставание, а у Артема оно будет с ним всегда.

Так закончилась жизнь на Сахалинской земле еще не достигшего семнадцатилетнего возраста юноши в семье бывшего моряка, в семье, где уважали труд, где воспитывали на традициях отцов, где хранили, как могли, память предков, где не в почете были лесть, обман, где играли на гармонии, гитаре, пели песни, плясали, сочиняли стихи, а главное – любили друг друга, потому что любовь была между родителями явная и настоящая, без лишних сюсюканий и показухи.

В Совгавани проторчали весь день на железнодорожном вокзале, потом сутки до Хабаровска пилили паровозом, от которого в плацкартном купе было полно черной сажи. В Хабаровске спали на скамейках в скверике, ждали билетов на Омск. На девятые сутки прибыли в Омск.

По дороге, кроме Артема, никто в книги не заглядывал.

– Кончай, Артем, дурыю маяться, – говорил Лунин, – нас и так возьмут. Говорят, в прошлом году был сильный недобор.

Все, однако, оказалось намного сложнее, а конкурс был один к трем. Когда Артем и его друзья увидели выпускников училища, подтянутых, волевых, красивых, чеканящих шаг перед трибуной на плацу, как им вручали дипломы, а сколько красивых девушек их встречало, с цветами, и как все было празднично и торжественно, то это произвело на них очень сильное впечатление. Потом, в придачу к выпуску, на полигоне и танкодроме они увидели «живые» и настоящие танки, которые такое вытворяли, аж дух захватывало. Вот тогда-то и закрутилась внутри каждого пружина с огромным желанием поступить в училище. Поступить, во что бы то ни стало.

Разместили абитуру в палаточном городке, находящемся в березовой роще. Сахалинцы-Александровцы все втроем попали в первую группу, где поступающие были сплошь с Дальнего Востока, только сахалинцев было семнадцать человек, и так распорядилась судьба, что из троих Александровских поступил один Артем, и то условно с недельным сроком на пересдачу диктанта. Вторым таким же сахалинцем и тоже поступившим условно был Володя Цветков из поселка Сокол.

Друзья уезжать не хотели, но и Артем не хотел терять шанс поступления. Больше всего его мучил вопрос: – «Как Бате в глаза посмотреть, если через неделю Артем не пересдаст диктант и уже один вернется назад?».

Оставалась еще одна ночь в палатке, где они, трое друзей, провели почти две недели. Недели, как выяснилось, испытаний экзаменами, а также копанием окопов на танкодроме, собиранием огурцов на колхозном поле, покраской заборов, уборкой территории в лагере, строевой подготовкой и, самое главное, подчинению сержантам из войск. Ничего не ускользнуло от зоркого взгляда взводного Попова. Когда Артем готов был пред мандатной комиссией

ехать домой, то после вердикта генерала вдруг слово попросил командир курсантского взвода старший лейтенант Попов Сергей Петрович. Старлей расхвалил Артема так, что, несмотря на его «двойку» по диктанту, начальник училища, Герой Советского Союза, генерал-майор Науменко сказал:

– Я прошу членов комиссии поддержать предложение старшего лейтенанта Попова и дать возможность абитуриенту Шмелеву учиться в нашем училище. А Вы, Попов, возьмете его в свой взвод и понесете перед нами ответственность за успеваемость будущего курсанта. Это второго, кажется, сахалинца, мы принимаем условно. Да что же это такое? Почему на Сахалине таких парней плохо русскому языку учат? Правда, с физкультурой и трудолюбием они в дружбе. Это тоже очень важно, для будущего офицера.

Глава 14

Владимир Цветков.

Марина. Госпиталь.

Генерал знал, во сколько приходит электричка, и он не торопился выходить на платформу. Он поставил в известность своего начальника, переоделся в гражданку, и они с водителем выехали, с хорошим зазором, а иначе можно круто попасть в пробку, тогда пиши, пропало. Зеленин, может, обидится, а это не допустимо, ведь у него сегодня такой радостный день! Встреча с сыном! Владимир посмотрел на часы, до прибытия электрички еще целых тридцать минут, до платформы добраться можно максимум за десять минут и поэтому у него есть еще минут двадцать. Вдруг прямо перед машиной он увидел, как молодой парень встретил девушку с большим букетом цветов, очень похожим на тот букет, который тогда, в день свадьбы, купил его водитель, и как в этот же день рухнула вся их совместная жизнь с Мариной. Владимир Иванович вспомнил, как ушла, ошарашенная тогда разоблачением, в свою комнату Марина, как он, выпив залпом, стакан водки, ушел в свою комнату. И с той минуты Владимир никогда больше не ласкал нежное тело своей жены, никогда больше не сидел с ней за столом, не смотрел, обсуждая сюжеты, показанные по телевизору. Они не смогли больше быть вместе. У него обида, у нее любовь к другому. Ночь прошла без сна для Владимира Ивановича, а для Марины такого рода поворот был только на руку, и, немного поворочавшись в своей кровати, она крепко уснула. Во сне она снова обнимала крепкое тело Артура, а он целовал и целовал ее, она еще не отошла от тех бурных часов наслаждения, и разум ее еще был там, где крепко спал ее любимый. Перед уходом утром на службу Цветков заглянул в комнату жены.

– Марина, проснись, надо поговорить, – сказал взволнованный и уставший Владимир Иванович.

Марина не сразу поняла, что хочет Цветков, но приподнялась на локтях и проговорила:

– Вова, только без скандалов, что ты хотел мне сказать?

– Скажи, у тебя это теперь как?

– Я люблю его, прости, Цветков, ты последнее время много сделал для меня, и я думала, что больше никогда я тебя не предаю. Прости меня, Цветков, но я не смогу теперь жить с тобой, так случилось, случилось очень неожиданно.

– Но видно сразу, что он младше тебя лет на десять. Марина, одумайся, я даю тебе на это два дня.

– Это ультиматум?

– Понимай, как хочешь. Что скажет о тебе Татьяна?

– Вова, не надо давить на психику. Таня живет своей жизнью. Вова, я только сейчас поняла что такое любовь.

– Хорошо, вечером обсудим, я ушел. Цветков быстро повернулся и вышел. Вечером генерал обнаружил на столе записку: – «Пожалуйста, меня не ищи, буду завтра, после 18 часов».

На второй день «ультиматума», по прибытии Владимира со службы, Марина объявила ему о полном разрыве их отношений и с одним небольшим чемоданом ушла, ушла к Артуру. Владимир остался, молча стоять в дверях квартиры и не понимать в тот момент, что это уже не игра, что так еще никогда не было, что Марина уходит и уходит навсегда из дома. Цветков поймал себя на мысли, что прошло достаточно времени, а ему все кажется, что это сон, и она и по сей день стоит перед ним красивая, гордая и положившая на весы свою жизнь, жизнь обустроенной генеральской жены против жизни с любовью к Артуру. Любви, которой было не суждено дальше жить, но, как говорила сестра Артура, Артур действительно был сильно влюблен в Марину.

«Да, в нее влюбиться мог каждый», – подумал генерал и попытался сложить в памяти то, что знал о последних днях жизни Марины.

Он так и не узнал, где и точно, когда Марина познакомилась с Артуром.

Стало известно позже: Артур вместе с Мариной ехали на БМВ в Останкино. Артура пригласили вести новую программу, а точнее, шоу на первом канале нашего телевидения. По дороге они, видимо, попали в пробку, и Артур попытался нагнать упущенное время скоростью. И как это бывает часто, когда спешешь, светофор всегда красный. Они все-таки въехали на перекресток, на зеленый свет светофора, но старая «Волга» ГАЗ-24, с пьяным водителем за рулем въехала на красный свет светофора, да еще и со скоростью выше восьмидесяти километров в час.

Сработала подушка безопасности у Марины, но ее так сильно тряхнуло, что позвоночник не выдержал такой нагрузки и сломался. Артур был, не пристегнут, и у него вдобавок не сработала подушка безопасности. Рулевое колесо практически проломило ему грудь, и он получил сильный боковой удар в голову. В реанимационном отделении Артур умер, не приходя в сознание. Марина на вторые сутки пришла в себя и лежала неподвижно, напичканная всей жизнедеятельной аппаратурой и лекарствами. Когда Цветкова допустили к жене, всего на пять минут, чтобы только посмотреть на нее, как он просил, Марина говорить не могла, но, видимо, понимала, кто к ней пришел. Сердце Владимира чуть не разорвалось на части, когда он увидел, как из глаз Марины ручьем потекли слезы. Он взял салфетку и нежно вытер их. Тогда ему показалось, будто в знак благодарности Марина улыбнулась.

Через двое суток у Марины наступила кома, и сразу остановка сердца. Марины, его любимой, хоть и неверной жены, но лучшей из всех женщин на свете, не стало.

Цветков, забыв о своей обиде, глубоко переживал ее преждевременную смерть. Была жена, и нет теперь ни жены, ни мамы Татьяны, ни единственной дочери ее родителей, доживающих свой, теперь горький, век в Омске.

О том, что произошло за неделю до трагедии в отношениях Владимира и Марины, никто не знал, и, если бы не пишущая и телевизионная братия, через друзей Артура так никто бы и не узнал, что знаменитый ведущий погиб в автокатастрофе вместе со своей возлюбленной Цветковой Мариной, женой генерала Цветкова.

Генерал же делал вид, что он вообще не в курсе их взаимоотношений, пытаясь тем самым пресекать, как он говорил, всякую болтовню желтой прессы. Но он только слегка возмущался, не принимая никаких серьезных мер. Ведь то, что писали в журналах, газетах, показывали по телевизору, говорили по радио, в основном за два дня до похорон, было правдой.

В госпитале у Виктора.

Курили, наверное, все, кто там был в ожидании. Вот уже больше двух часов Виктор находился на операционном столе. Много потеряно крови, пульс слабый. Как только сумели врачи довести его до госпиталя? Благо, первую квалифицированную помощь оказали врачи, зашедшие на станции в вагон, и санитары с носилками, которые не шли, а летели от вагона к «скорой помощи». Они уже знали, что это военный, что полковник по найденным у него документам. «Сжорая» с включенной сиреной и маячками прямым ходом погнала в военный госпиталь имени Бурденко.

Владимир почувствовал что-то неладное, когда увидел «летающую» прямо на перрон «скорую», а потом и лежащего на носилках друга. Это было так неожиданно и необъяснимо затормаживающе, что, уточнив, куда едет «скорая», он заскочил в свою машину и отдал команду водителю ехать за машиной «скорой» помощи. А ведь всего через три часа должен из Моздока прибыть самолет, на котором после плена возвращается Егор. Кто его там встретит? Генерал дозвонился до управления и поставил задачу своему помощнику майору Гарину доставить Егора Зеленина, десантника, в госпиталь.

Владимир, бросивший год назад курить, сходил в ближайший киоск и купил себе синюю «ЛД». После первой затяжки голова закружилась и потяжелела. К нему подошел молодой человек в штатском и представился:

– Капитан милиции, старший оперуполномоченный МУРа Марков Эдуард.

– Генерал-майор Цветков Владимир Иванович, – ответил генерал и внимательно посмотрел на Маркова.

Маркову было лет тридцать; с усами, но волос покинул переднюю, часть его головы, зато подбородок у него был что надо, с ямочкой, широкий, глаза карие, открытый взгляд с постоянным прищуром, будто он что-то забыл договорить. Это, видимо, от профессии. Роста он был ниже среднего, но видно по плечам – парень не хилый, накаченный. На первый взгляд Цветкову он внушил доверие.

– Сжайте, Эдуард, – спросил генерал, – вы владеете какой-нибудь информацией?

– Сжудной, Владимир Иванович. Менее часа назад начальство ввело меня в курс дела и, назначив старшим оперативной группы, посоветовало поехать сюда в надежде что-то узнать от пострадавшего.

– Вряд ли что Вы сейчас узнаете. Врачи работают. Мы не теряем надежды на положительный исход, главное – чтобы выдержало сердце во время операции. Ну и что Вам доложило или проинформировало ваше начальство?

– Извините, товарищ генерал, но насколько Вы имеете отношение к полковнику Зеленину? – спросил капитан.

– Я его друг. Давайте выйдем в коридор на площадку.

Капитан кивнул головой и охотно пошел за Цветковым. Они закурили.

– Информация такая, – начал опер, – есть двое свидетелей, это старушка и ее внук, они все видели, остальные, когда была первая остановка, решили исчезнуть. Исчезла с ними и девушка, за которую заступился полковник Зеленин.

– А те, кто ранили его, где они? – перебил вопросом капитана генерал и добавил: – Извините, что перебил Вас.

– Да что вы, товарищ генерал. Можно называть меня просто Эдиком. Я, ей богу, не обижусь. Меня в отделе так зовут. Привычнее.

– Тогда меня – просто Владимиром Ивановичем, – улыбаясь, сказал генерал.

В армии ни один капитан не посмеет назвать его на «ты», даже по имени и отчеству, а этому милиционеру он готов был разрешить себя называть хоть просто Вовик, как когда-то его звала Марина, лишь бы он нашел этих сволочей. Он снова повторил свой вопрос:

– Где могут быть эти уроды?

– Пока ответить на Ваш вопрос затрудняюсь. Сейчас двое наших сотрудников работают на вокзале, опрашивают свидетелей, машинистов электрички, дежурный милицейский патруль. И срочно составляют фоторобот, со слов бабули и внука, ну и все остальные мероприятия по линии дежурного и по линиям работы районной милиции Восточного административного округа.

– А сколько человек из МУРа работает?

– Пока трое.

– Мало.

– Мало, Владимир Иванович, но у нас много незаконченных дел.

– Меня интересует, Эдик, только то, что связано с моим другом.

– Да, я Вас понимаю, но говорю честно.

– Может, мне подсоединить кого-нибудь, а?

– Я думаю, не помешает. Полковник Зеленин не служит, он в запасе?

– Да, он в запасе по здоровью. У него четыре серьезных ранения были в Афгане, да тут еще сын его в Чечне попал в плен и сегодня возвращался, а мы с Виктором должны были его встречать.

– В плену долго был?

– В плену у человека свои исчисления, долго... Могли бы не вернуться, друзья помогли, и они молодцы с лейтенантом, выстояли. Дело в том, что Виктор Зеленин в Чечне уже успел повоевать и, поверь мне, повоевать по-настоящему. Укатил на войну добровольцем, умудрился войти в доверие к спецназу «Русь», это ваши с ВВ. МВД, и те взяли его с собой на первую же операцию. Взяли и не зря, Витя помог группе очень здорово. Молодец! Но там, где был бой и очень плотный огонь, его даже не ранило, только ногу растянул. Я настоял, организовал его возвращение назад. Вернулся домой Виктор расстроенный, пленный сказал, будто бы десантников расстреляли под Ведено. А тут радость! Егор нашелся! Наверно, уже прилетел, а может быть, и нет еще?

– Может, организовать встречу?

– Не надо, его сюда доставит мой помощник.

– Владимир Иванович, по опыту Вам скажу так. Надо бы дать срочно, через кого-нибудь из ваших знакомых с руководством МВД команду к нам в «контору», лучше, если позвонят в ГУВД из Министерства. Простите, но такие пошли времена. Тогда мне будет работать полегче и народу добавят.

– Да, – согласился генерал и сразу пошел звонить от дежурной медсестры. Через минуту он уже разговаривал с Павлом Тихоновичем валовым, заместителем Министра, и коротко ввел его в курс дела, а в конце разговора попросил сохранить в группе, если таковая будет создаваться по розыску преступников, обязательно капитана Маркова из МУРа, так как он уже работает и находится здесь, в госпитале.

– Вот это уже будет серьезно. Салов очень авторитетный человек в МВД, – сказал Эдуард.

– Эдуард, что еще надо для дела?

– Ваша помощь, товарищ генерал, может понадобиться, я могу иметь Ваши координаты, рабочий телефон или у вас уже сотовый?

– Сотовый только в большой перспективе, – Цветков дал ему свою визитку, где была просто его фамилия с инициалами и номер рабочего телефона.

– Я считаю, что мне сейчас целесообразнее выехать и срочно поставить задачу помощникам, так как через час у заместителя начальника розыска будет представитель из прокуратуры и следователь.

– Да, Эдуард, тебе лучше по горячим следам, надо идти. Я обещаю тебе всяческую помощь, может даже и финансовую, не говоря уже о транспорте. А когда придет в себя Витя, а я в этом не сомневаюсь, то малейшую информацию доведу до тебя.

– Владимир Иванович, если будет серьезная информация из других источников, а я чувствую, с Вашими связями она будет, то прошу сообщать ее как бы с глазу на глаз.

– Да, конечно. Конечно, я смогу это организовать.

– И еще. Не делитесь фактами с друзьями, сослуживцами. Береженого Бог бережет.

– Хорошо! – Цветков протянул капитану руку: – Я очень на тебя надеюсь. Вся наша боевая офицерская дружба на тебя надеется. Найди этих сволочей. Прошу тебя, найди.

– Они хотели убить человека. Они должны сидеть в тюрьме. Я сам, товарищ генерал, не из арбатских и в Чечне был около четырех месяцев, дважды. Так что для меня дело чести помочь своему боевому товарищу, как бы это ни звучало.

– Спасибо, Эдуард! – тепло сказал генерал и пошел в фойе хирургического отделения.

Понравился ему этот решительный опер, хотя, может быть, Салов что-то и посерьезнее подключит. Дай-то бог. Лишь бы нашли. Цветков поймал себя на мысли, что страшно хочет отомстить за своего друга:

– Поганая жизнь. Едет себе человек, боевой офицер, прошедший Афган, Чечню, чудом выживший. Нигде не замарал чести мундира. Получивший дохлую пенсию, потерявший недавно любимую жену, живущий, как отшельник, в глухой деревне, а тут его какие-то подонки режут ножом принародно и сваливают. Полный беспредел.

В проеме двери появилась Людмила Шмелева – жена Артема с младшей дочерью Ольгой, которая до чего же была красивой девушкой! Цветков встал и устремился им навстречу.

– Людочка, Оленька, я рад вас видеть, – сказал обрадованный им генерал.

– Как он? – только и спросила Людмила.

– Идет операция. Задета печень, кишка и т. д. Надежда есть. Будем ждать.

– А как хирург? – не унималась с допросами Людмила.

– Говорят, классные мужики, один профессор, другой тоже светило, так что будем ждать.

Владимир снова посмотрел на Олю и отметил про себя:

– Насколько все-таки красива Ольга! И старшая у них дочка тоже хороша! Цветков всегда был рад встрече с Людмилой. Он даже в душе завидовал семейному дуэту Артема и Людмилы. Знал, что были и у них срывы на грани развода, но смогли выжить, не то, что он с Мариной. Да, Людмилу нельзя было не любить. – Такая добрая, обаятельная и внимательная женщина и, несмотря на ее некоторую полноту по сравнению с его Мариной, выглядела она, конечно, очень хорошо и притягательно. А Артема тоже нельзя не любить, это надежнейший человек, не то, что он, Цветков, столько женщин перебрал. Правда, не от своего характера, оправдывал он себя, а от физической потребности, когда вновь понимал, что у Марины к нему не те чувства, или от одиночества.

Любила бы меня Марина, так никуда бы от нее не ушел. А он ее, наверное, и по сей день любит, хоть ее уже нет в этом мире.

– Спишь с одной, дружишь с другой, а любишь третью. Что за характер у меня, что за гены? – размышлял Цветков.

Вообще-то Цветкову надо было отдать должное в любви, как настоящему мужчине, ведь как бы Марина ни наставляла ему рога и не баламутила его спокойствие, он никогда на нее не жаловался. Он любил ее такую, какой она была.

Самолет, на котором прибыл Егор Зеленин, приземлился без опозданий. Егор сходил с трапа самолета и искал глазами знакомых, а главное – искал отца. К нему подошел молодой, высокого роста майор и спросил:

– Вы Егор Зеленин?

– Да, я, а Вы кто?

– Я майор Гарин, от генерала Цветкова.

– А где генерал? – спросил Егор.

– Владимир Иванович в госпитале Бурденко и просил меня встретить Вас.

– Что-то случилось?

– Да, случилось, Вашего отца ранили.

– Кто?.. Когда?.. Как он? Как так получилось? – заикаясь, спрашивал Егор.

В машине Гарин рассказал, что знал, что успел узнать.

Егор был бледен. После плена он и так потерял много сил. Его радость прибытия в Москву резко сменилась грустью, а потом гневом на тех, кто смог посягнуть на его Батю, который никогда никому не желал плохого.

– Это что за Страна? Там убивают, тут режут. Батя! Батя! Как же ты смог столько пройти и не умереть, а тут, дома почти, нарваться на нож. Что говорят врачи?

– Идет операция. Надежда есть.

О такой встрече Егор и не помышлял, и не предвидел никаких осложнений прибытия домой после плена. А остаться сиротой и подумать страшно.

В госпитале они обнялись с Цветковым. Егора обнимали Людмила и Ольга, обе были в слезах.

– Владимир Иванович, ну, как он там? – спросил Егор.

– Ждем.

В этот момент из операционной вышли два врача. Цветков рванулся к ним, за ним устремились Егор, Людмила и Ольга. Тот, что был повыше и с интеллигентной бородкой, лет пятидесяти мужчина в синем халате объявил:

– Будет жить! Нельзя сейчас к нему, только завтра после обеда. Я думаю, он будет в сознании и возможности говорить. Благо, сердце не подкачало. Спортивный человек.

– Доктор, когда он придет в себя, пусть ему передадут, что сын его вернулся из Чечни. Все нормально, – сказал Цветков доктору.

Егор незамедлительно попросил у доктора остаться и быть чем-нибудь полезным.

– Я считаю, что у нас достаточно своих сил, чтобы поставить полковника на ноги, – улыбнулся хирург и отвел генерала в сторону.

– Товарищ генерал! Я прошу Вас, пощадите вашего друга хоть сутки от визитов, а особенно вопросов, а то тут начнут бегать из милиции, один за другим.

– Как он там, доктор?

– Очень слаб, много крови потерял. Чудом выжил.

– Вам спасибо. Простите, как Вас по отчеству? – спросил Цветков.

– Полковник медицинской службы Розенбаум Иосиф Михайлович.

– Очень приятно, профессор, с Вами познакомиться. Мы вам так благодарны!

– Благодарите Бога, генерал. Простите, мне надо идти.

– Еще раз спасибо вам, Иосиф Михайлович! – пожав ему руку, сказал Цветков, а сам подумал про себя: Дай Бог этому еврею здоровья и удачи. Выживет Виктор – будем всю жизнь за него Богу молиться.

Егора Людмила и Ольга забрали к себе домой, куда их доставил сам генерал.

На обратном пути Цветков по радиотелефону позвонил Эдику, капитану милиции.

– Эдуард! Цветков беспокоит. Докладываю. Полковник жив, но до обеда доктор просил не беспокоить. Есть ли что у вас нового?

– Пока нет, – ответил капитан, – ищем.

В это время Марков заслушивал своего помощника, который ничего утешительного не доложил. Правда, по разговорам с участковым, в чьем ведомстве была станция Никольское, где подсели в электричку четверо бандитов, появилась одна зацепка. Гаишник на станции у конечной остановки маршрутки видел четырех поддатых парней, которых доставил «Рафик» белого цвета. Номера он не запомнил, а вот то, что чертик на пружинке скакал у лобового стекла в кабине, это он видел.

Значит, надо искать «Рафик», надо искать свидетелей. Фотороботы вывели на одного двадцатисемилетнего мужчину через базу данных в компьютере. Это вор-верхолаз, полгода назад, как откинулся с зоны за кражу. В той квартире, где он был прописан, на первой Владимирской улице, не числится. Там уже два года живет другая семья, которая купила эту двухкомнатную квартиру у гражданки Квашиной. Кем являлась Квашина верхолазу – не определено, так как найти Квашнину невозможно, в Москве она не числится.

К Виктору приходило сознание. Он был очень слаб. Тяжелые веки не слушались, но через них Виктор чувствовал свет. Вдруг он понял, что не чувствует тела, снова провалился во тьму, но это уже был сон, в котором всплывали и всплывали картины из его уже на сегодня такой не легкой жизни, такой трудной судьбы.

Глава 15

Банда.

Подмосковный город Балашиха.

Открытый жилой военный городок дивизии оперативного назначения Внутренних войск МВД России пополнялся возвращавшимися со службы офицерами, прапорщиками и контрактниками. Вечерние хлопоты приходили в каждый дом, в каждую квартиру.

В одном из пятиэтажных домов-хрущевок, в первом подъезде на пятом этаже, в двухкомнатной квартире вступала в разгар пьяная вечеринка, участников ее было четверо мужчин. Хозяин квартиры, бывший прапорщик ОДОНа, Петелин Степан, тридцати лет от роду, был чуть ниже среднего роста, щуплый, горбоносый брюнет, с начинающей лысеть головой, напоминающий чем-то лицо человека цыганской национальности, угрюмый и неразговорчивый. Поэтому его дружки и дали ему «погоняло» – кличку «Тугой». Казалось, такой замкнутый в себе человек, тихий и мухи, как говорят, не обидит. Но еще пять месяцев назад прапорщик Петелин в каптерке роты пил водку с двумя «дедами»-«дембелями», а потом с ними же приступил к воспитанию молодого солдата с помощью кулаков и пинков. Били они солдата, не захотевшего мириться с издевательствами дедов, и который хорошо дал по морде одному из «дедушек». Когда загашенный, после спиртного, прапор пинал умирающего солдата ногами, а точнее ногами, обутыми в берцы, то назвать этого изверга тихим и скромным язык не повернется ни у кого. Прапору повезло, что у солдата была хорошая физическая подготовка, а также вовремя в каптерку зашел ответственный офицер по батальону и смог быстро доставить рядового в госпиталь, благо до госпиталя всего-то метров триста было. Солдат остался жить и даже продолжил служить в той же роте. А самое главное, почему никого не посадили за избиение солдата и за нанесение ему тяжелых телесных повреждений, а потому, что ротный был зятем замкомдива. Дело замяли. Прапора уволили по состоянию здоровья. Петелина на гражданке не очень-то кто хотел брать на работу, он как придет на собеседование, посмотрит пару раз из-под своих бровей, ну прямо злой чечен. Пил Степан каждый день. Через месяц жена Петелина узнала, за что ее непутевый муженек вылетел со службы.

– Скотина, как ты мог так избить мальчика? Ты вроде воевал? Интересно, с кем же такая тварь воевала, что теперь она переключилась на детей? Почему тебя еще не убил отец мальчика, я не пойму. С кем я жила? Я не могу каждый день видеть эту пьяную рожу.

На следующий день, пока Петелин спал, она вызвала такси, забрала шестилетнюю дочь, необходимые вещи, вместившиеся в два средних чемодана и кожаную сумку, и уехала к матери в город Киржач.

Все, что было нажито совместно с женой, бывший прапорщик за месяц пропил. Но на учет к участковому не попал, так как пил втихую или с кем-то, а домой возвращался ногами, под заборами не валялся. В драки не вступал, избегая их, даже намеки, как огня. Через некоторое время соседи стали замечать Петелина всегда только трезвым. Под окнами первого этажа, у второго подъезда, появился «Жигуль» девятой модели. Почти месяц в квартире ежедневно стучали, сверлили, пилили и потом затаскивали и расставляли мебель. В это время увидеть Степана Петелина было очень трудно, он жил в другом месте и уже в другом уголовном, бандитском мире. С женой он развелся без оформления документов на алименты. Но он выделил ей столько денег, что она сразу купила себе новую однокомнатную квартиру в Киржаче, провела отделку и завезла в нее необходимую мебель. Так и не поняв, откуда ее бывший взял такие деньги.

Петелин сидел в кресле, в хорошем, новом, черном в полоску костюме, который он приобрел вчера в магазине «Сударь», в новых черных туфлях и почти совсем трезвый, несмотря на

то, что у него сегодня был день его рождения. Петелину исполнилось тридцать лет. Он думал о своем:

– Их бандитский «квартет» за последний месяц перешел все, наверно, допустимые грани в организации угона иномарок. Если раньше угоняли больше тихо и без мокрухи, то теперь много не выжидали, много не «вели» и никого не оставляли в живых. Выслеживали жертву порой на виду у не понимающих, что происходит людей, опыляли в машине водителя нервно-паралитическим газом. Вторым баллончиком осаживали газ в салоне, «пересаживали» хозяйина машины подсевшими сзади в четыре руки на сидение рядом с водителем. Отъезжали в заранее подобранное место, чтобы исключить встречи с гаишником, делали всего лишь один укол маленьким шприцем на пять миллилитров неподвижному водителю и, поменяв уже заранее подготовленные номера вместо настоящих, имея все необходимые фальшивые документы на одного из членов «Квартета», перегоняли машину в «отстойник». С трупами занималась липовая «скорая помощь». Все было продумано, вплоть до их сжигания. Все шло без проколов, за что бригадир щедро платил убийцам. Но вчерашний инцидент, произошедший в электричке, не выходил из головы Петелина. Зачем «Светофор» пырнул мужика ножом? Когда они отрывались от вагона, на платформе им встретился вдруг мент, который мог узнать Петелина, но, видно, не узнал. Тогда, после прохода по перрону, было не смешно, а страшно, его охватило снова то чувство, когда он молил и просил Бога в первые дни после избиения солдата, чтобы тот выжил. Тогда уже прапорщик понимал, что прежней жизни не будет и что он воевал в Нагорном Карабахе, и что мотался полтора месяца в Чечне под Хасовюртом, все равно, ему никто такой проступок не простит. А те нормальные мужики, кто был с ним там, его не просто осуждали, они его игнорировали всё то время, пока решался вопрос с его увольнением из войск. Бывший прапорщик понимал, что стоит ему глазом моргнуть про знакомого мента, оказавшегося на перроне, завтра он уже не жилец, бригадир его уберет.

Первый раз они все вместе зашли в кафешку, и выпили немного водки и вот сразу приплыли по убийству мужика в вагоне. «Гадкие, долбанные уголовники, да и он тоже хорош, шлюх мало, что ли, он тоже хватал девчонку за руку».

«Это все проклятая водка», – грешил на нее Петелин и, посмотрев на братков по «квартету», отметил свое падение до уровня уголовников и хладнокровных убийц, которые убивали не врагов, а совсем ни в чем не повинных людей. Эти отморозки пристроились в военном городке благодаря ему, сидят в его квартире, пьют водку и, напившись, бывало, в открытую считают его чмырем, так как зоны он не топтал, а значит ниже их по всем параметрам. Что характерно, никто из них себя виноватым за впаивные сроки не считал и не считает. Конечно, это на людях и в разговоре, а вот деяниями своими грешными, среди зеков, не гнушались они, а кто-то и гордился.

«Светофор», по паспорту Курдюмов Григорий Иванович, такую кличку получил на зоне под городом Ковровом в Пакинской исправилке № 7, где оттрубил четыре года, виноватым себя не признавал. Но когда бывало плохо, вдруг вспоминал Бога, крестился и просил прощения за свою пакость и предательство перед матерью и отцом. Он убил мужа своей сестры. Гриша невзлюбил шурина за его порядочность и прямоту, а главное – родичи в шурина души не чаяли. Шурин неоднократно говорил:

– Какой же ты, Григорий, ленивый. Ну почему ты водишься с этими гавнюками, бездарями со двора, пойдем к нам работать? А эта блатота, что вами заправляет, доведет вас всех до тюрьмы.

И шурин был прав.

Григорий не хотел тогда его убивать, он просто хотел показать, какой он крутой и не позволит себя унижать. Это он сейчас понимает, что никто его не унижал и тем более брат сестры плохого ему не хотел. Его эгоистичный характер, вечное заступничество за все его проказы и проступки, с детства, матери привели Григория на скамью подсудимых. Он пробил

шурина голову гвоздем, которого якобы не заметил на бруске, которым приложился в целях самообороны. На суде умышленное убийство отрицал, и мать нашла хорошего адвоката. Валил на шурина, будто тот ударил его первым. Дело было на даче во время очередного выезда на отдых. Сестренка была на последнем месяце беременности. После похорон мужа сестра родила мертвое дитя, мальчика, и сама еле-еле выкарабкалась с того света.

На тропу разбоя и убийств, после отсидки, его подключил бывший сокамерник «Шульц». Вор-верхолаз отбывал вторую ходку на зону и освободился на полгода раньше Григория.

Шульц, немец по матери, имел средне-техническое образование, хорошо знал немецкий, занимался самбо, знал премудрости альпинизма, имел два восхождения. Мать делала все, чтобы сын вырос нормальным самостоятельным человеком. Она добилась отсрочки сына от армии, помогла поступить в институт. Громов Иван по отцу, а у матери девичья фамилия Гросс, был смелым и решительным парнем. Мать умерла от быстрого и сильного излияния крови в коре головного мозга. Хотя при автоаварии мать получила всего перелом ноги, только водитель «скорой», на которой ее доставляли в больницу, своим маневром добил ее до конца. При обгоне выехал на встречную полосу и, резко уходя от лобового столкновения, вылетел на обочину, где завалился на бок. Мать от сильного ушиба головы при падении с носилок умерла в больнице, не приходя в сознание. Гражданин Рябиков, водитель «скорой», смог отделаться от наказания правосудия, но не ушел от наказания Ивана, сына погибшей женщины. Иван хотел его убить, но Рябиков сразу, после первого удара по голове, потерял сознание. Иван Громов к тому времени был нормальным человеком и, несмотря на сильную обиду и неправильность наказания Рябикова, лежачего добивать не стал. Суд приговорил его к трем с половиной годам лишения свободы в колонии строгого режима. Освободили Ивана досрочно, на год раньше. Однако 2,5 года на зоне не прошли даром, знакомство и дружба с вором-домушником привела Ивана к альпинизму, только через крыши на балконы, на лоджии, в форточки и снова на зону, но уже на четыре года. На второй ходке судьба свела «Шульца» с человеком, который и является сегодня у него и его братанов «квартета» работодателем-бригадиром, который дает поручения, платит бабки за исполнения заданий, крышует от неприятностей и руководит их действиями, а зовут этого «благодетеля» Давид.

Четвертого из «квартета» совсем недавно Шульц предложил называть просто «Укол», прошлая кликуха – «Фуф» – не соответствовала его нынешней страшной работе убивать, теперь он не гнал фуфло, что в детстве, в 13 лет, убил отчима, а в исправилке для несовершеннолетних грохнул вертухая. На самом деле он сидел за соучастие в убийстве. Его еще Светофор, бывало, называл доктором. Всем погибшим смертельные уколы проводил только Сафар Умаров, прошедший после гибели отца в Афганистане, а ему тогда было десять лет, детдом, колонию, тюрьму. За год, после гибели отца, мать сопьется насмерть, и ее, лишённую родительских прав он, уйдя в детдом, больше никогда не увидит.

А ведь когда-то у них была хорошая семья, отец служил сверхсрочником в штабе части, мать работала медсестрой в санчасти. Правда, когда отец уехал в Афган, мать спуталась с майором из этой же части, стала выпивать, пропадала на ночь, а то и на сутки из дома. Сафар понимал, что происходит предательство его отца, а когда мать лишали материнства, он наотрез отказался с ней жить. Часто он вспоминал хорошие моменты, когда был жив его отец, позже в душе жалел, что потерял и мать. Убив человека, он оправдывал себя тем, что его все кинули, а тот, который сегодня умер, пожил и так нормально, раз имеет такую тачку и бабло, и обязан поделиться с ним, несчастным сиротой. Однако он знал, что все эти оправдания – простые вымыслы, а на самом деле Сафар преступник и убийца-маньяк. Он понимал, что так продолжаться долго не будет и вынашивал в своей голове план, что после получения очередного гонорара исчезнет от своих покровителей и дружков навсегда.

В комнате было сильно накурено, несмотря даже на работающий кондиционер. Играла громко музыка. Самый поддатый был Сафар и все норовил рассказать новый анекдот, и он его рассказал:

– «Два лоха спешат на электричку: «Сколько до отхода поезда осталось?» – спрашивает один.

– Десять минут, – отвечает второй.

– А по моим часам – пять!

– У, значит, ты не успеешь!» Ха! Ха! Ха!..

Но почему-то смеялся только он один. До остальных его юмор недотянул.

Братаны подарили имениннику музыкальный центр, на котором можно было петь караоке. Вот он и надрывался сегодня, пока еще не поздний вечер.

– А белый лебедь на пруду качает павшую звезду,
На том пруду, куда тебя я приведу!

На столе забрякала телефонная переносная радиотрубка. Петелин вышел с ней в прихожую, прикрыв за собой дверь. Ответив что-то абоненту на том конце провода, он поднес ее «Шульцу».

– Слушаю! – сказал Шульц и услышал в ответ хриплый голос шефа:

– Ты что это, в дерьмо вляпался и молчишь? Я, думаешь, опять буду все счищать?

– Не понял? – удивленно спросил Шульц.

– А хули тут не понять, я предупреждал всех, что не на нашем пути и не в работе не трогать, не задевать, быть скромней. Распустили перья, фазаны долбаные. Ты сейчас кончай пировать и ко мне с тем, кто полкана приласкал.

– Какого?

– Да ты совсем оборзел. Я спрашиваю, кто?

Только теперь Шульц понял, о чем речь.

– Светофор!

– Ты и он с тобой, через час, у Дуськи. Понял?

– Понял! – Шульц отключил связь и положил трубку на стол.

Тугой убавил звук музыкального центра, и все вопросительно смотрели на своего «командира».

– Похоже, влипли мы, братки, по полной. Светофор, ты, выходит, завалил какого-то военного, похоже, полковника. Если так быстро об этом узнал Давид, значит, мы засветились. Кто-то нас срисовал. А если у него есть намерения слушать меня и тебя, Светик, то надо брать мыло. Собирайся, Светофор, поедem на разбор твоих полетов, и в первую очередь твоих, Укол.

– А я тут причем? – сказал Укол, скорчив гримасу на своем лице.

– Да притом. Не надо было к девчонке приставать. Все у вас, нерусей, член раньше других чешется.

– Брось ты волну гнать, командир. Давай начнем рыдать по полкану! – огрызнулся Укол.

– Рыдать-не рыдать, а видно, уже на наш розыск солидных людей бросают, а тогда откуда бы Давид имел информацию, ее ему от участкового или транспортной милиции не принесут, а принесут минимум из главка мусоров.

Через пятнадцать минут на черной «шестерке» Шульца Шульц и Светофор выехали в кафе «Дуся».

Кафе располагалось рядом с трассой «Москва-Нижний Новгород», днем там, как правило, останавливались водители, а вот по вечерам по-разному, для кого-то кафе закрыто, а кто-то в это время отстегивался по полной, до утра. Дуся, так звали хозяйку этого заведения, постаралась поставить хорошую звукоизоляцию помещения, и клиенты с удовольствием останавли-

вались повторно, чувствуя себя комфортно в приятной тишине. У Дуси была и своя «крыша» – это Давид. Он часто любил назначать встречи у нее в кафе.

– Дуся, Дусенька, Дусеньчик, здравствуй! Как бьется и где бьется твое ласковое сердце, – почти пропел все это Давид и поцеловал Дусю в щечку, зайдя в кафе.

– Здравствуй, дорогой! Мое сердце под лифчиком, а лифчик на теле, а тело не твое, – ответила хозяйка заведения. – Ха! Ха!..

В зале было пусто, только за стойкой бара стояла симпатичная официантка – Света. Света, длинноногая девица, выскочила из-за стойки бара и подлетела к Давиду.

– Здравствуйте, Давид Львович! Что желаете?

– Спасибо. Тебе все скажут. Иди, работай.

Давид этим дал понять, что не настолько расположен к Светлане своим вниманием.

А Дуся тоже не удержалась и так зыркнула на Светлану, что та мигом оказалась за стойкой бара.

Дуся выглядела на тридцать – тридцать два года, хотя ей перевалило за сорок. Жгучая брюнетка с большими черными глазами больше походила на цыганку. Характер у нее тоже был под стать цыганскому, палец в рот не клади, а то всю руку откусит. Раньше это кафе называлось «Привал», но когда крыша, то есть Давид, взял шефство над этим кафе и ее обслугой, вместе с директором – Дусей, то он приказал назвать кафе «Дуся». Сразу поменяли вывеску. Что характерно, после смены названия выручка увеличилась почти вдвое.

– Что-то случилось? – спросила Дуся.

– Да так, мелочи, надо кое-что перетереть. Мы ненадолго.

Давид не имел привычки открывать свои мысли и задумки даже тем, кому доверял. В это число входили и те, кто с ним спал, он даже пьяный в мат мог держать язык за зубами.

– Дусенька, встречу, пожалуйста, моих ребят, Гансика и Светофора, да сразу проводи их ко мне без всяких прелюдий и угощений, пока я тут ни единой души в кафе не должно быть.

– Я поняла, – услужливо, с небольшим поклоном головы ответила Дуся.

Дуся после последней их встречи понимала, что надо делать вид, будто она не знает, как Давид переключился несколько раз за последнюю неделю на Светку. Она и Светке ничего не сказала и будто бы ей ничего не говорила соседка по площадке со Светланой, поставщица всего алкогольного в кафе. Кстати, Маргарита – поставщица – еще ни разу не подсунула паленого алкоголя. Но Свету, свою соседку, зная, что Давид спит с Дусей, Маргарита заложила с удовольствием. Против Давида идти равносильно мочиться против ветра. Давид всегда хорошо платил, и с его легкой руки организовывались ночные посиделки с картами и выпивкой, с богатыми и щедрыми клиентами. Один, три дня назад, так запал на Дусю, что за одну ночь отвалил ей две тонны баксов, да еще и удовольствия ей доставил выше крыши. Поэтому показывать элементы ревности не имеет никакого смысла.

Минут через десять Дуся встретила Шульца и грустного Светофора, проводив их до двери своей директорской комнаты.

– Разреши, шеф? – спросил Шульц.

– Садитесь, – и Давид указал на стулья, стоящие у стенки, напротив стола, за которым сам восседал.

Потом он резко встал из-за стола и, подскочив к Светофору, резким движением правой ноги ударил его по голове. Делать он это умел не только правильно и сильно, но и красиво, с оттяжкой, не зря пять лет занимался каратэ, да, видимо, и на людях испытал силу своих ударов не один раз. Светофор от неожиданности не успел никак отреагировать и защититься от удара, не поняв ничего. Мгновенно ушел в отключку и «мешком» упал со стула влево.

Шульц быстро встал и попятился к двери.

– Стоять и не дергаться, – закричал Давид, – вы что себе, ублюдки, позволяете? За что порешили ветерана? А я теперь должен убрать всех вас с дела и закопать в глухом лесу?

– Этот мужик сам нарывался на нас, – оправдывался Шульц.

– Ты что плетешь? Я получил информацию, что вы пристали к какой-то девчонке, и где? В электричке, где «быдла» полно! Вам что, блядей не хватает? Уму непостижимо. Я Князю только и твердил на его сомнения о вас. Люди Шульца – это профи! Какой хрен вы профи! Не смогли без ножа с ветераном справиться. Вы, засранцы, поставили наше общее дело под удар. И что ты стоишь, подыми этого мокрушника, пусть тоже послушает.

– Понял! Понял, сейчас подыму, – и Шульц стал тормозить Светофора. Потом он прислонил два пальца к его шейной артерии. Пульс отсутствовал.

– Он не дышит, – сказал испуганно Шульц.

Давид наклонился над Светофором и, тоже проверив пульс, медленно вернулся в кресло и закурил. После недолгой паузы произнес:

– Тебе, Ганс, повезло, не придется грех брать самому на душу свою. Все равно он нежилец. А теперь он уже труп. Я твою работу сделал! Должок теперь за тобой.

Шульц ожидал любой другой расправы, но только не такой. У него от неожиданного поворота событий в горле встал комок, и он как-то стал подкрякивать, чтобы его проглотить, но тот от нервного потрясения не проходил. Вдруг на душе у него появились злость и обида, Светофор, в принципе, никого не предал. Прошлые разы, на деле, он таких быков завалил у «Мицубиси». Сам же Давид похвалил его при докладе о проделанной работе и премию пообещал в долларовом эквиваленте.

Давид прервал его мысли,

– Ты сейчас, братан, возвращайся к Тугому в квартиру, и сутки сидите тихо. Книжки читайте. Пусть Тугой сам ходит в магазин, если что-то надо купить. Его там за своего держат. И никаких пьянок, и никаких телок. Никаких самостоятельных решений, пока я не позвоню. Понял?

– Понял. А как со Светофором, по-человечески бы схоронить?

– Схороню сам без вас.

– А что мне сказать братанам?

– Скажи, что я взял Светофора для дела, чтобы исправлялся за проступок и не вякай о том, что тут произошло. Я честно тебе скажу, убивать его не хотел. Иди, Шульц. Иди.

Шульц через пятнадцать минут прибыл к Тугому на хату. По дороге заскочил в магазин и купил две бутылки водки и закуски. Он, несмотря на то, что занимался сам страшными делами, убивал людей, сейчас был потрясен неожиданной потерей своего дружка. Своим членам распавшегося «Квартета» сказал, как приказал Давид. Выпив стакан водки залпом, немного закусив и сославшись на головную боль, проинструктировав по отсидке в квартире Тугого и Сафара, молча, вырубил у них магнитофон и ушел спать в другую комнату.

Глава 16

Задержание.

Майор Гарин.

Когда Артем узнал от жены о ранении Виктора, то поздно вечером дозвонился до Владимира Цветкова на домашний телефон.

– Володя, здравствуй! Как там Виктор?

– Привет, Артем! Все пока сложно. Проникающее ранение в живот, но не только мышцы. Нож же под ребра вошел глубоко. Сам понимаешь, крови потерял много, да и внутренности порезаны. Нас к нему не пустили. Завтра я созвонюсь с доктором, и если Витя придет в себя, то поеду к нему.

– Я понял! А как Егор?

– Егор держится, но у него явно стресс.

– Да, Людмила звонила и сказала, что Егор спал плохо, стонал и разговаривал во сне.

– После того, что он пережил в плену, и ранение отца не каждый бывалый выдержит. От такой жизни и крыша съедет, – сказал Цветков.

– Нападавших задержали?

– Нет. Но есть зацепки. Благодаря мальчишке, который все видел, как происходило в вагоне, составили портрет на фотороботе. Но ребенок, есть ребенок! Однако надо отдать должное, что это не простой ребенок, а очень смысленный. Понимаешь, Артем, этот хлопец поднял всех на помощь, сообразил нажать на кнопку и доложить о происшествии в вагоне, вызвал милицию. Артем, я решил этого армянчика, а зовут его Арутюн, отблагодарить. Давай посмотрим, что это за ребенок, фактически он первый, кто пришел на помощь к нашему другу. Посему дальнейшую его судьбу мы не должны пустить на самотек. Из таких пацанов хорошие защитники получаются! У Эдика на него все данные есть.

– Какой Эдик? – спросил Артем.

– Да есть тут из МУРа хороший старший оперуполномоченный. Ведет расследование.

– Как думаешь, найдут?

– Не найдут, так мы с тобой обязаны найти и наказать. Ты посмотри, брат, как оборзели эти уроды, полковников прилюдно режут.

– Но на нем ведь не написано было, что полковник. Шпана наверно?

– Нет, Артем, похоже, взрослые мужики. Бабуля мальчика сказала, что всем за тридцать было.

– Меня, дружище, послезавтра должны выписать. Я, пока Виктор не пойдет на поправку, останусь в Москве. Людмила с Олей уезжают в Ковров. Буду тебе помогать.

– Хорошо Артем! Это очень важно, так как меня в любой момент могут сорвать из Москвы. Ты помнишь, я тебе немного рассказывал про своего зама? Так вот он, кажется, такую игру затеял, что я просто в нокауте.

– Подсигивает?

– И это есть, но хуже другое – с освобождением Егора. Замутил гаденыш разборки, вплоть до зама начальника ГШ. Это по работе, к слову пришлось. Пробьемся, Артем! Не сорок первый. Никакая моя карьера, никакие перипетии моей службы не стоят того, что мы смогли сделать для освобождения сына нашего друга и взводного Егора. Правда, для Тяжнина, моего зама, это не главное – освободить из плена своих. У нас ведь так – попадет в верхах порядочный человек, который о солдате больше заботится, чем о своей карьере, так его и к ногтю. Мы ведь не американцы. Это у них целая дивизия задействуется, а то и более, чтобы вытащить из плена рядового Райна, – сказал Цветков и тяжело вдохнул.

– Володь, я как выйду из госпиталя, надо нам сразу встретиться.

– Хорошо! Да, я разговаривал с вашим Павлом Тихоновичем, и он обещал помочь по розыску.

– Отлично! Он свое слово держит! А ты, Володя, все-таки большой молодец!

И что бы нормальные мужики, без таких, как ты, в Армии делали? Да и на гражданке тоже.

– Ладно, Артем, отдыхай. Таких, как мы с тобой, много. Россия большая! Все, конец связи. До встречи!

– Удачи! Пока! – сказал Артем и, положив трубку, еще долго размышлял о том, почему в жизни больше каких-то препонов и передряг, чем нормальных, хороших взаимоотношений у людей. Ой, плохо живет Русская душа в своей богатой стране. Когда же можно будет жить так, хотя бы как немцы, французы, те же американцы? Ну что у нас за жизнь? То войны, то революции, то репрессии, то перестройки и никакого внимания народу. Одна болтовня. Любимая моя, пьяно-воровская Страна! Какой-то замкнутый круг получается. Где ж те командиры, то есть правительство, кто «изорвет мундиры о русские штыки»?

Гарин.

В кабинете на столе генерала Цветкова зазвонил телефон.

Владимир Иванович снял трубку и услышал приятный голос капитана Маркова.

– Владимир Иванович, здравствуйте! Это Эдик. Вы можете говорить?

– Да, Эдуард. Здравствуй! Конечно, говори, я тебя слушаю.

– Мне часа на три нужна срочно машина.

– Какая?

– Легковая. Я нахожусь от вас недалеко, но ехать надо за МКАД, на восток, в Реутово.

– По Виктору? – спросил, оживившись, генерал.

– Да! Кое-что есть. Не упустить бы.

– Все понял, поможем. Водителя с машиной хватит?

– Хватит вполне. Я на Лубянке у церкви, что напротив культурного центра МВД.

– Хорошо! Через пятнадцать-двадцать минут будет черная, «Волга» ГАЯ-31.

– Спасибо! Если это та «Волга», что была у госпиталя, то я номер запомнил.

– Да, та самая. Но водитель тебя не знает, подойдешь сам. В машине городской радиотелефон, доложишь о встрече и передашь, что надо для меня через Сергея. Удачи!

Положив трубку, Цветков сразу связался с Сергеем и вызвал его в кабинет.

Когда генерал ставил задачу водителю своей служебной машины, в кабинет, постучавшись и спросив разрешения войти, вошел майор Гарин.

– Что-то срочное, Евгений? – спросил Цветков.

– Терпит. Вы заняты? Я зайду позже.

– Ладно, проходи и садись, Сергея вот только отправлю, на подмогу МУРу. Срочно попросили оперативники помочь. Видно, недалеко где-то обитают преступники? Видели, говорят, их и у станции Никольское.

– Товарищ генерал! Разрешите и мне выехать вместе с Сергеем? Сергей за рулем, ему не отлучиться, а я мало ли чем сгожусь, – упрасивал Цветкова майор Гарин.

– Нет, Женя, не могу. Да и там надо-то только доставить туда опера. У тебя, что, работы нет?

– Владимир Иванович, я думаю, что не будет милиция просить помощи без имеющихся оснований. Что-то там «горит», а где жар, там и искры. Не дай-то Бог, упустят бандюгу, а мы как достанем потом справедливость? – наседали со своими доводами Гарин.

– Ладно, Женя, поедешь за старшего, но только в их дела по поимке или там еще чего, не лезь. Будьте внимательны, эти гады могут быть, и вооружены не только ножами. Все, вперед! На связи.

Когда ушли водитель и майор Гарин, у боевого генерала на душе стало тревожно.

И хотя ребята уехали просто для того, чтобы подвезти оперативника и вряд ли они будут принимать участие в каком-то серьезном задержании, Цветков чувствовал себя не совсем уверенным в том, куда он отправил своих подчиненных. Назад хода нет. Он обещал всяческую помощь милиции, а слово свое он держать умел.

Гарин и Сергей в это время уже мчались на «Волге» к Лубянке. Майор Гарин даже успел заскочить в свой кабинет и прихватить из сейфа наградной ПМ и одну обойму с боевыми патронами. Свой наградной пистолет майор дома не держал. Его-то и в сейфе на работе не полагалось держать. Майор через своих друзей всегда знал, когда будет проверка кабинетов, сейфов по безопасности работы и хранения секретных документов. Поэтому он имел возможность на время проверок изъять ПМ и патроны и положить их в другое место на время. Дома держать пистолет майор Гарин побаивался, даже в сейфе с карабином, в квартире рос подросток, его сын Александр. Саша имел, наверно, как и все пацаны, желание пострелять или хотя бы подержать в руках боевое, настоящее оружие.

У церкви Марков с нетерпением ждал прибытия машины. Когда Марков узнал машину со знакомыми номерами, то быстро подошел к ней.

– Добрый день! – сказал он и очень проворно оказался на заднем сидении «Волги».

– Здравия желаем! – ответили разом майор с водителем.

– Куда путь держим? – спросил Гарин.

– Едем в военный городок, через дивизию Дзержинского. Есть квартира, и я по схеме уточнил, как к ней подойти. Там, в этой квартире, проживает или пока скрывается подозреваемый, бывший прапорщик Петелин. Не исключено, что там могут быть и его дружки из этой четверки. Выйти на Петелина нам помог мальчик и составленный с его помощью фоторобот.

– И как же это удалось? – спросил майор Гарин.

– А, его величество случай! Наш сотрудник искал «Рафик» с чертиком на лобовом стекле в районе станции Никольское. Работал он вместе с гаишником, лейтенантом. Лейтенант же в тот день бывал у платформы и эту четверку видел, но вот по фотороботам сомневался в точности определения. И когда они вместе были в отделе РОВД в Балашихе, зайдя в дежурку, лейтенант встретил своего одноклассника – сержанта постовой службы Никиту Кистина, который как только взглянул на распечатку, так и указал на ней Петелина. Он рассказал, что вчера на станции «Серп и молот» видел четырех парней, среди которых и был прапорщик Петелин, который был уволен за мордобой из ВВ МВД. Они же с ним в Чечне перехлестывались в девяносто пятом. Признал он и еще одного. Четверка прошла мимо него, что-то обсуждая и смеясь на ходу. Когда до него дошло, что среди этой компании был его знакомый, он сразу оглянулся, но их уже не было. Электричка отошла, шума на перроне не наблюдалось.

– Наш сотрудник позвонил мне, а я сразу простучал по Петелину и узнал его адрес. Кроме того, есть предварительные данные и на остальных троих, если эти трое совпадают по внешности, компьютер выдал и об их судимости, и об отсидке на зоне. Но пока еще нет подтверждения, так как никого из них мы не имели возможность увидеть. Петелин, это точно, был там, и адрес мы знаем. Вот туда мы сейчас и едем. Там у универсама нас уже ждет наш человек. Начальство мое дало добро на выезд, а с машиной оказалась накладка. Да я могу по вашему телефону связаться с МУРом.

– Конечно, – сказал Гарин и протянул трубку Маркову.

Эдуард попросил организовать готовность выехать местных ребят на задержание. Но только по его команде. ОМОН наделает много шума одним своим появлением, мы раньше времени светонемся. Марков отдал трубку Гарину и сказал:

– Все в полном порядке! Нам с вами надо только разузнать, есть ли кто в квартире или нет, а потом я скажу, что делать дальше. Придет наша машина, и вы свободны.

– А вдруг они все там и еще при пушках? – спросил майор Гарин.

– Возможный вариант. Тогда ОМОН, тогда захват. Я там пока вас ждал у соседей-свя-
зистов, через знакомого, успел раздобыть бинокль. Двое наших еще подтягиваются к универ-
магу. Сначала, остороженько надо проследить и высмотреть. Если есть такая возможность –
за окнами квартиры понаблюдать, решение примем на месте.

Гарин посмотрел на часы – 16.15. и сказал:

– Надо бы, Сережа, нам проскочить до семнадцати часов, а то застрянем перед Балаши-
хой, в это время там всегда пробки.

Шоссе Энтузиастов на редкость оказалось не забитым. И Сергей уверенно вел машину
к назначенному месту.

– Сергей, а вам не приходилось в Балашихе на Салтыковку выезжать? – Спросил Марков
и продолжил, – на перекрестке у поста ГАИ направо дорога приведет к военному городку, а
справа будет тыльное КПП госпиталя. Там нет никаких шлагбаумов. И мы спокойно въедем в
городок без доклада оперативному дежурному о своих целях прибытия.

– Я понял, надо заехать тихо и без шума. Года два назад я тут крутился, и кое-что
помню, – сказал Сергей.

Марков сразу сделал звонок своим и сориентировал их на такой же заезд. Ребята подъ-
езжали к Лефортово.

«Волга» плавно подкатила к универсаму, где их поджидал старший лейтенант милиции
Ворсенко. Ему открыли левую заднюю дверь, и он опустился на сидение рядом с Марковым.

Ворсенко Григорий! – представился опер.

Марков познакомил его с майором Гариным и водителем генерала Цветкова.

– Ну что, Гриша, где хата? – спросил Марков.

– Через дом на пятом, в пятиэтажке. Я думаю, надо заслать меня к двери и под видом
протечки воды по стояку позвонить. Зайду, осмотрюсь, кто там и сколько. Можно припугнуть
милицией, коль не будут впускать. Знаем, мол, кто живет тут, господин Петелин. И его якобы
хорошо знаем.

– Можно и так примитивно попробовать. Допустим, тебя впустили, а там их четверо, и
ты заложник, то мы все влипаем по самое некуда. Штурм, переговоры, стрельба, а там среди
них ты, – сказал Марков и задумался.

Молчание нарушил Гарин.

– Эдуард! Вы можете рассчитывать и на мою помощь. У меня не густо с вооружением,
но имеется ПМ и полная обойма.

– Это хорошо, но вам лучше оружие не применять, в крайнем случае, стрелять вверх. Вы
не сотрудник МВД и в случае ранения или смерти кого-нибудь, придется отвечать перед зако-
ном, а это очень тягостное дело. Даже если вы сделаете правое дело, то я бы не хотел, чтобы
неприятности были и у Владимира Ивановича. Есть приказ на расследование, а вашей фами-
лии в нем нет. Однако спасибо за желание, я подумаю, где можно вас использовать. На арест у
нас санкции нет. Ладно, Евгений Александрович, вы будете страховать внизу вход в подъезд на
промежуточной площадке. Сергей, а вы постоянно в машине и на связи, в готовности помочь
держат и сопровождать задержанных. Я буду страховать тебя, Гриша. Это если бы мы сейчас
начали сами, без подмоги, – закончил Марков.

– Ну что, идем на разведку, – сказал старлей и, не дожидаясь команды, стал вылезать
из машины.

Марков и Ворсенко поднялись на пятый этаж и тихо подошли к квартире, которую от
коридора разделяла мощная металлическая дверь с глазком. Имелась справа от нее и кнопка
звонка. Прислушались. Все тихо. Опера переглянулись и быстро, не встретив ни одного жильца
подъезда, спустились вниз.

Марков решил посмотреть через бинокль на два окна квартиры с противоположно стоящего, такого же дома. На выходе их встретил Гарин и сообщил:

– Эдуард, звонили ваши, кажется Бутов, и сказали, что они попали в аварию и что минут через пять перезвонят.

– Твою мать! Жертвы есть?

– Я не знаю, но они обещали все-таки подъехать. А раз приедут, значит, нет.

– Логично. Наблюдайте за подъездом, смотрите, сверяйте с фото и чуть чего – два коротких сигнала. По возможности проследить. Да ладно, мы сейчас быстро.

Марков присел на корточки на промежуточной площадке и стал наблюдать за окнами квартиры бывшего прапора. Вдруг он присел как-то еще ниже и показал пальцем левой руки. Это был знак на внимание. Ворсенко напрягся от нетерпения, уже поняв, что в квартире кто-то есть.

В окне справа, а это была, видимо, спальня, через незашторенное окно можно было разглядеть сидящего и курящего человека. Это был Шульц. Ворсенко, тоже глянув через бинокль, подтвердил: Это Иван Громов. Шульц встал и ушел из поля зрения. Больше в окнах никого не наблюдалось. Кухонное окно со двора, где располагались подъезды и, где стояла машина генерала, не увидеть.

Марков и Ворсенко, услышав шелчок в замке соседней двери, на площадке пятого этажа, быстро спустились вниз, и пошли к машине, не желая светиться.

– Пока вы отсутствовали, из мужчин никто не выходил и не заходил, вышли три женщины и две девочки. Все! – Сказал Гарин при встрече Маркова.

Зазвонил телефон. Это был Бутов Игорь. Марков взял трубку.

– Да, Игорь! Где вы?

– У нас проблемы, мы столкнулись с депутатом городской Московской Думы. Повреждения ерундовые, но быстро не кончится, он нас держит до приезда какого-то крутого гаишника. Наши корочки ему по барабану. Чмо, еще то! Я звоню из автомата. Думаю, еще и часом не обойдется, а те гаишники, что приехали, под его дудку пляшут. Опишут, запишут, потом мы бросим машину и, на чем получится, подъедем к вам.

– Вы, ребята, все портите. Время дорого. Фигурант в квартире,

– Марков положил трубку.

Наступила тишина. Молчала и магнитола. Каждый понимал, что надо брать преступника, но сил в случае задержания недостаточно. Лучше бы взять тихо, а потом устроить засаду и дожидаться остальных. Но сколько человек в квартире – известно только Богу.

Молчание нарушил майор Гарин:

– Слушайте, мужики, отпустим этих бандитов, генерал за своего друга нам не простит. Я предлагаю в три ствола ворваться в квартиру и всех повязать, лишь бы ее открыли. Откроют, значит, не ждут подвоха. Сработает внезапность, и мы их повяжем. Не откроют – будем ждать подмоги и ОМОНа. Но надо решать, что сидеть, пока нас тут совсем не запеленговали.

– Эдуард! А давай рискнем. Мы в квартиру, а они двое внизу. Я открою дверь, если внутри нет запора или фиксатора замка. Представьте себе, что вот сейчас откроется дверь подъезда, и мы начинаем ловить четверых вооруженных мужиков. Молчишь? Вот то-то и оно, товарищ майор прав, надо идти. Мы кто, опера или как? – улыбнувшись, закончил Ворсенко.

– Сергей у вас оружие есть? – спросил Марков.

– Есть газовый пистолет, – сказал Сергей и вытащил из бардачка свой вороненый газовый ПМ.

– Нам еще одного не хватает под окна, где балкон. Хотя из кухонного окна прыгать вряд ли будут, этаж-то пятый. Тогда Сергей оставляет машину и на стреме со стороны балкона. Будут слазить – пугнете, – сказал Марков.

И тут все поняли: он принял решение. Они еще немного посоветовались и по одному вышли из машины на свои позиции.

Сергей Лось пошел своей тяжелой походкой под балкон. Он положил ПМ в карман, но с ним был еще и богатый опыт службы в ГРУ. Сергей скромно сел на скамейку в скверике, напротив дома с нужным окном и балконом. Не подымая высоко голову, стал вести наблюдение.

Евгений Гарин вошел в подъезд следом за операми и остался на площадке между первым и вторым этажами, в готовности курсировать, пропуская входящих и выходящих жильцов дома. Он загнал патрон в патронник пистолета и поставил его на предохранитель. Пистолет запахал за пояс и стал прислушиваться к удаляющимся шагам оперов.

Марков и Ворсенко подошли к коричневой металлической двери квартиры. Ворсенко встал напротив глазка, чтобы его было видно, и нажал на кнопку звонка. За дверью молчали. Он секунд через десять позвонил снова. Тишина.

– Вы нас топите, откройте. Надо посмотреть протечку воды. Я из ЖЭКа. Откройте или я вызову милицию и спасателей. Соседи возмущены. Вы понимаете, что всех затопили? – кричал Ворсенко, но за дверью была тишина.

Ворсенко позвонил третий раз, однако ответа не последовало. Григорий вытащил из кармана связку ключей и, как заправский домошник, стал подбирать отмычки. Замок сдался, и дверь открылась. Но перед ним была вторая деревянная дверь. Замок не поддавался. Видно, был на стопоре. Вдруг в соседней квартире распахнулась дверь из нее выбежала девушка лет двадцати, ничего не спрашивая, побежала вниз. Марков дернул старлея за рукав и предупредил о том, что могут пальнуть через дверь.

– Я вышибаю дверь и на пол, а ты по мне вперед, – прошептал старлей.

Марков кивнул головой. Ворсенко, сделав шаг назад, ударом плеча распахнул дверь. Сделал кувырок вперед и замер с пистолетом. Держа его двумя руками, успев снять с предохранителя, направлял его – то на проем комнаты, то кухни. Марков влетел следом и, проскочив Ворсенко, ударом ноги распахнул дверь в комнату, где они видели человека из соседнего дома. Он проверил шкаф-купе, заглянул под кровать. Ворсенко прикрывал его работу. Потом проверили вторую комнату. Никого, не наблюдая, поспешили в кухню, а там обнаружили привязанную за выступающую трубу батареи отопления веревку и распахнутое окно.

В этот момент до них снизу доносятся два выстрела. Выглянув в окно, Марков видит убегающего за дом человека и раскачивающийся конец веревки.

– Ушел гад. Бегом вниз, там ведь майор, – скомандовал опер и метнулся из квартиры вниз, а следом за ним побежал Ворсенко.

Минуту назад никто не мог видеть, как стоящий на площадке майор Гарин, открывая форточку окна подъезда, увидел, как качается какой-то конец веревки, которого раньше не наблюдал. Выглянув в форточку, он увидел спускающегося по веревке человека. Гарин мгновенно выскочил из подъезда и закричал:

– А ну замри, где ползешь! – при этом он выстрелил вверх. В тот же момент прогремел второй выстрел, но уже из пистолета Шульца на поражение.

Гарин качнулся и стал медленно оседать. Пуля попала в грудь чуть ниже сердца, и это была смертельная рана.

Шулец, спрыгнув на землю, рванул за дом. Он бежал почти прямо на Сергея, на ходу засовывая пистолет за пояс, видимо, чтобы не привлекать внимание людей своим оружием. Увидев встающего ему навстречу Сергея, попытался снова взять пистолет и снять с предохранителя, но не успел. Бывший разведчик в прыжке нанес бегущему такой удар, что Шульца подбросило и швырнуло, как полено в сторону, оставив лежать его тело без движения. Сергей немного испугался, но, трясонув Шульца за ворот, приложил палец к артерии на шее и почувствовал пульс, сказал:

– Живой голубчик!

Верхолаз приходил в себя, и почему-то перед его глазами стояло лицо убитого Давидом Светофора.

Выбежав из подъезда, Марков подбежал к лежащему на правом боку офицеру. Кровь продолжала вытекать из груди Евгения. Он был очень бледен. Марков проверил пульс. Он отсутствовал. Майор Гарин скончался, не сказав ни слова.

Не прошло и пяти минут, как уже собралось десятка два зевак. «Скорая» из госпиталя подъехала минут через десять, почти одновременно с Игорем Бутовым. Местная милиция и группа ОМОНа прибыли чуть раньше, но все они опоздали.

Марков отдал все указания по оцеплению места происшествия, провел криминалистов в квартиру, а после доклада в МУР отдал команду выехать Ворсенко и Бутову на Петровку 38 и доставить Шульца.

Шульц понимал: сколько веревочке его ни виться, расплата придет, и будет конец. За все надо платить. «Я не убивал ни полкана, ни Светофора». А вообще-то крови за кражу машин на его руках было очень много. Его «Квартет» столько натворил дел, что самому жутко вспоминать. «Вот и все, поймали. Лучше бы убили», – раздумывал, придя в себя после нокаута, Шульц. Голова его страшно гудела.

Шульц сидел на заднем сидении «Волги» по центру. Как у него оказались на руках «браслеты» – не помнил, но то, что они были впереди, а не сзади, это он осознал и вместе с головной болью почувствовал и страшную обреченность.

– Я убил его? – вдруг спросил Шульц, обращаясь, видимо, ко всем, кто был в машине.

– Да! Ты, скотина, убил офицера, – срываясь на крик, – сказал Ворсенко, – ты убил того, урод, кто выжил в Афгане, ты же, мразь, ранил полковника, который ничем не мешал в твоей поганой жизни.

Гриша, резко повернувшись к Шульцу, схватил его за горло и начал с силой сдавливать кадык. Шульц замотал головой и захрипел. Григорий немного отпустил хватку и добавил к сказанному:

– Мы тебя и в тюрьме достанем, все равно тебе пожизненная светит, шанс есть умереть прямо здесь, в машине, при попытке к бегству, а есть шанс жить, пусть не на воле, но жить. Жить, сволочуга! Ты понял?

Шульц снова замотал головой и захрипел.

– Сжашу... С...кажу – стонал Шульц.

– Говори, – сказал Григорий, а сам нажал на кнопку диктофона.

– Тот, кто порезал полковника вашего, звали Светофор, а по паспорту Курдюмов Григорий, но его уже нет в живых, его шеф за полкана нечаянно замочил на моих глазах.

– Фамилия и кличка? – напирал Ворсенко.

– Шефа мы зовем Давид, а фамилии я не знаю.

– Подельники, кто?

– «Укол», это кликуха, а зовут его Сафар Умаров.

– Почему «укол»?

– Он делал смертельные уколы клиентам. Четвертый – бывший прапорщик Петелин.

Шульц говорил правду. Оперативники не верили, но записывали. Шульц понимал, что за убийство майора его сгноят в тюрьме, и вряд ли он вообще выйдет на свободу. Такое ему не простят, и он решил сдать всех, подчистую, доставать начнут свои все равно, по-любому.

– Где они сейчас? – Спросил Ворсенко.

– Я не знаю, но мы должны были отсидеться недельку. Пока я спал, эти мудаки где-то светятся. Честно, я не знаю, где они могут быть сейчас, может, в магазине или у знакомого Петелина, который где-то в соседней деревне живет. По-моему в Кучино. Да, точно в Кучино.

Петелин там у какого-то косоного старика барахло на реализацию хранил. Если «девятки» нет у дома на площадке, значит, они укатили на ней.

– Номер машины?

– Клянусь, не помню.

Ворсенко чуть сильнее сдвинул пальцы на шее Шульца, и тот вдруг обмяк и отрубился.

Шулец потерял сознание.

Игорь Бутов оторвал руку Григория и недовольно сказал:

– Ну, меру-то знай, а то если не довезем – все концы в воду.

Игорь начал бить Шульца по щекам.

Шулец закашлялся и жалобно начал просить пить.

– Вот прямо сейчас тебя напою... – сказал Григорий. – Ну, а кто же у вас самый главный?

И чем же вы промышляли? Все равно ты уже плывешь. Будь хоть тут мужиком, – продолжил он свой допрос.

– А мне уже все равно хана. Вы и без меня всех повяжете. Я все сделаю, а до суда не доживу, это точно. Машинами и квартирами занимались.

– Кто организовал?

– Кто-то очень большой туз, или король, нет – нет, погоняло у него – «Князь». Точно говорю, Князь! Мы уводили дорогие иномарки и хозяев часто в распыл.

– Какой распыл? Как? Уже настороженно спросил Григорий.

– По-разному. Укол делал укол, а перед этим – баллончиком в лицо. Клиент сразу – брык.

Сильный газ. А чтобы самому не вдохнуть эту гадость, чуть погодя по машине распыляли антидотоксин, спокойно забирались в салон и везли на укол.

– И куда девали трупы?

– Дальше уже была не наша работа. То «скорая», а то еще, какой транспорт, забирал жмуриков.

– Кто забирал у вас машины?

– Сервис!

– Какой?

– На Щелковском, он там один, – «Сузуки».

– И сколько ж вы так загубили душ?

– Этого я не скажу. Много.

– Тогда скажи про своего шефа Давида, как его найти?

– Не могу, поймите, не могу. Он меня везде достанет и убьет.

Шулец снова сильно закашлялся и, откинув голову, потерял сознание. Но это был трюк.

У Шульца созрел план побега. Ему не было хода ни вперед, ни назад.

– Давайте, Сергей, остановимся у того киоска, и я возьму воды, а то не ровен час, очокурится бандюга. Здорово вы, видать, его, Сергей, приголубили! – сказал Игорь Бутов.

Сергей ничего не ответил, но сразу подрулил к киоску и заглушил двигатель.

В тот момент, когда Бутов начал выходить из машины, Шулец вдруг ожил и с такой силой толкнул его в спину, что Игорь вылетел на асфальт, следом за ним, вырвавшись из рук Ворсенко, выкатился на асфальт Шулец.

Шулец бежал перпендикулярно шоссе Энтузиастов, чудом лавируя среди потока машин. Визжали тормоза, загудели сигналы, одна машина уже въехала другой в зад. Осталось совсем немного до противоположной стороны. Перед Шульцем справа резко тормозит рейсовый автобус, Шулец почти у цели, но тут из-за автобуса по крайней правой дорожке вылетает «КАМАЗ»-фура и, нанизывая Шульца на свой радиатор, тащит его еще метров десять, при этом, страшно скрипя тормозами, делает из бегущего человека месиво крови, мяса и костей. Изуродованная голова вылетает на пешеходный тротуар, пугая прохожих.

Бутов и Ворсенко в полной растерянности смотрели на бегущего Шульца и понимали, что с ним убегает их милицейская карьера, а когда Шулец попал под колеса, то стало хоть чуток, но легче.

– Собаке собачья смерть. Он свое получил, сполна. За Женю и за всех убиенных. Господи, спасибо тебе за это! – сказал водитель Сергей Лось. – Так даже лучше.

Глава 17

Цветков и Тяжнин.

Похороны. Жанна Гарина.

Цветков работал со своим заместителем полковником Тяжниным Валерием Ивановичем в своем кабинете, и они обсуждали планирование по введению новых сил и средств в группировку войск на Северном Кавказе. Перед уходом Тяжнин сказал:

– Владимир Иванович, я хотел бы вам напомнить, по прошлой операции под Ведено. Завтра вы у начальника управления с докладом. – И Тяжнин, не дожидаясь ответа, стал собирать свои документы в папку.

– Я знаю, Валерий Иванович, но можно я задам вам один вопрос?

– Да, товарищ генерал!

– Скажите, зачем вам надо было вносить свои предложения, не согласовывая их со мной?

– Но, во-первых, я тогда оставался за Вас, а во-вторых, мы делаем одно дело, решаем одни задачи, – сказал Тяжнин и сделал на своем холе и лоснящемся лице обиженную ухмылку. В этой ухмылке крупными буквами читалось: «Я-то тут причем, сами нагородили, я лишь контролирую и наблюдаю, и моей вины, что надо идти и отчитываться за свои грехи да промахи перед начальством, нет».

– Валерий Иванович, я вас к разработке и контролю операции вообще не привлекал. Почему вы так нелестно отозвались о ее планировании и проведении перед начальником управления?

Тяжнин сделал вид, что его незаслуженно обвиняют, и решил идти в наступление.

– Я не докладывал начальнику управления. Я имел разговор с заместителем начальника ГШ, и поверьте, я своих мнений не высказывал, меня просто спросили, что я думаю по этому поводу, то есть по провалу операции под Ведено.

Тяжнин говорил четко, абсолютно уверенный в своей невинности, что на какой-то миг Цветков пожалел, что затеял этот разговор.

– И вы, не разрабатывая ничего, не принимая никакого участия, смогли бы дать объективную информацию? – спросил генерал.

– Да, но мои мысли совпали с выводами генерал-полковника! – уже вызывающе сказал Тяжнин.

– Полковник, зачем вы портите работу большого коллектива? Вы хотите занять мою должность? Но вы же даже не были в войсках ни комбатом, ни командиром полка, а это генеральская должность, должность комдива, а вы и должности заместителя не прошли. Надо бы быть поскромней, полковник.

Тяжнин надул от возмущения щеки и, резко вставая, произнес:

– Я не позволю вам, товарищ генерал, разговаривать со мной в таком тоне. Да, не прошел, но сегодня я работаю в центральном аппарате на полковничьей должности.

– Да ладно вам! Вас бы еще к другим отделам и организациям прикомандировать! У вас везде получится собирать «дерьмо». Вы интриган еще и к тому же. Валерий Иванович, что вам не живется нормально? Я столько вам пытался отдать своего опыта, не смотря ни на что, поддерживал вас во всех трудностях и ни разу, нигде не сказал о вас плохо. Вам бы на гражданку, там, говорят, любят начальники такой контингент, живущий, по закону курятника. Вы пытаетесь меня обгадить? – зло уже сказал Цветков.

Лицо полковника стало красным, и он тяжело, артистично задышал грудью.

– Я, не достоин таких сравнений... – Тяжнин, резко замолчал, так как на столе у генерала зазвонил городской телефон.

Цветкову невыгодно было в таком состоянии отпускать своего заместителя, этого замаскированного мерзавца, надо было до конца сбить с него всю шелуху высокомерия и напомнить, чем порой заканчивается прикрытие старшим начальником. Цветков указал жестом руки на стул. Тяжнин покорно сел, положив папку и руки на стол.

– Да! Я вас слушаю. Что..? Как же это? Сергей! Да не может этого быть. Женя, Гарин! Боже... мой! – Холодный пот выступил на лбу и висках у генерала. Цветков заметно побледнел. – Где он сейчас? Так. А ты где? Ну как ты мог бросить? Сергей... ну конечно! Отвезешь на Петровку и сразу ко мне.

Цветков закончил говорить, опустил голову, прижав телефонную трубку ко лбу.

– Вам плохо? Засуетился Тяжнин и побежал к столику, где стоял графин с водой. Налил полстакана и поднес генералу. Цветков за два глотка выпил воду и сказал:

– Майора Гарина Евгения Александровича, моего помощника, убили. Убили суки. Мало им Зеленина... – Генерал встал, достал из сейфа свои резервные сигареты «ЛД» и закурил. Потом он подошел к окну. В его голове проносились и всплывали картины: Вот лежит на носилках бледный и неживой Гарин, вот плачет его красивая жена Жанна, вот бежит его сын Саша, названный в честь отца Евгения Александром, отца полковника ВВС, погибшего в авиакатастрофе, вот укоризненно смотрит на него Марина и что-то говорит возмущенная его дочь Татьяна.

– Зачем он разрешил ехать Гарину? За... чем? – Цветков был сильно подавлен.

Эту напряженную тишину прервал полковник.

– Товарищ генерал! Чем я могу быть полезным в этой ситуации?

– Нет, Валерий Иванович, майор Гарин погиб из-за меня. Это я разрешил ему ехать с Сергеем оказывать помощь оперативникам с Петровки, у них было срочное дело по расследованию, а машины не было. Вот я и дал свою машину. Я отвечаю за все сам. Вот только как мне сообщить эту печальную весть его жене Жанне?

– Разрешите, это сделаю я, – сказал быстро полковник.

– Нет! Я должен идти к ней сам. Зачем вас подставлять.

– Владимир Иванович! Вы-то ведь хотели доброе дело сделать. Помочь в расследовании по ранению вашего друга.

– Не только друга. Это боевой офицер. Это была гордость нашей Армии, полковник.

– Так точно, товарищ генерал!

– Вы, Валерий Иванович, пока молчите. Я доложу сам, надо узнать подробности гибели Жени. Сегодня до окончания работы вы, видимо, останетесь за меня. Как только я доложу руководству, то поеду к супруге Евгения. Я вам дополнительно сообщу. Вы пока свободны.

Полковник Тяжнин быстро вышел из кабинета генерала.

Цветков набрал радиотелефон в машине.

– Слушаю, товарищ генерал, – ответил сразу Сергей.

– Кто остался с Евгением Александровичем? Где вы сейчас?

– Марков. Мы выехали на шоссе Энтузиастов.

– Кто убил Гарина, как это произошло?

– Здесь он, в машине, в наручниках. Кличка у него Шульц, он из этой четверки. Говорит, что того, кто порезал полковника Зеленина, убил их шеф, он сам это видел. Итого их осталось двое. Гарин был внизу подъезда. Пока открывали дверь на пятом этаже, Шульц спустился по веревке вниз, тут у него на пути оказался Евгений, и Шульц выстрелил в него и попал, видимо, в сердце. Женя умер на месте, а Шульц вышел на меня, и я его сделал. По ходу на заднем сидении он дает показание оперативникам.

– Сергей, как только довезешь всех, то сразу ко мне. Надо докладывать, – тихо сказал Цветков.

Зазвенел прямой телефон связи с начальником управления.

- Что с майором Гариным? – услышал он голос начальника.
- Плохо, товарищ генерал-лейтенант. Он погиб от пули бандита, одного из тех, кто тяжело ранил полковника Зеленина. Я вам ранее об этом докладывал.
- Но позвольте, генерал, а как там оказался наш офицер?
- Оперативники из МУРа попросили машину довезти их до Реутово, к дому, где мог быть преступник.
- Валерий Иванович, завтра они попросят танк, и вы дадите? Послали машину, но, а помощника своего зачем? – раздраженно говорил Воронов.
- Виноват, товарищ генерал.
- Виноватых бьют! Вы использовали служебное положение.
- Да я хотел, как лучше и...

Воронов резко перебил Цветкова:

- Полчаса на выяснение обстоятельств гибели майора Гарина. Через МУР, «дур», «гур», но объяснительная у меня на столе. Все!

Цветков недоумевал, как Воронов все узнал. Тяжнин, точно он. Вот скотина. Успел все-таки прогнуться. А может прослушка телефона, или связисты доложить успели. Да какая разница! Женю не вернуть.

Но это был все-таки Тяжнин. Выйдя из кабинета Цветкова, он понял, что наступил тот момент, который может принести ему удачу и рост по карьерной лестнице; идти к своему покровителю мимо начальника управления опасно, безусловно, он обидится, а с ним еще придется работать. Умолчать – значит быть с Цветковым заодно. Тяжнин же был умный трус. Он никогда не ввязывался в драку, избегая любых конфликтных ситуаций, находя и для себя, и для других сильные доводы якобы его мужественного характера, предназначенного для более сложных ситуаций. Внешне выдержанный и собранный, Тяжнин производил впечатление честного и преданного офицера, особенно для начальства, любящего подхалимаж.

Полковник решительно вошел в кабинет к генералу Воронову.

– Товарищ генерал-лейтенант, считаю своей честью офицера срочно вас проинформировать, минуя моего прямого начальника, о том, что около часа назад погиб наш офицер, майор Гарин Евгений Александрович. Вынужден сообщить вам потому, что генерал Цветков находится в неадекватном, расстроенном состоянии, готова для вас докладную. Гарина он лично послал на помощь оперативникам из МУРа для задержания преступника.

Воронов выслушал шокирующий доклад Тяжнина. Молчал минуты две, а потом сказал:

- Спасибо, Валерий Иванович! Я разберусь. Идите, пожалуйста.
- Да, такой и по трупам пройдет, не оглянется. Кому война и смерть в горе, а кому и смерть в кайф, – подумал Воронов. – Цветков не мог поступить не правильно, но он проиграл. Смерть оправдать тяжело. Погиб его подчиненный, по его же приказу не связанному с его служебными обязанностями. Надо звонить Цветкову и разбираться.

После разговора с Вороновым Цветкову позвонил Сергей.

- Владимир Иванович, у нас снова беда!
- Что еще стряслось?
- Шульц совершил побег, выскочил из «Волги» и рванул через шоссе. «КАМАЗ» разорвал его на куски.
- Черт с ним, с этим гадом, туда ему и дорога. Вы-то как там все?
- Живы! Лоханулись мы по полной программе.
- Сергей, ты мне здесь нужен. Решай с операми. Все, хватит! Езжай аккуратно к штабу.
- Товарищ генерал, тут Вам что-то хотят сказать, – сказал водитель.
- Товарищ генерал!.. Оперуполномоченный уголовного розыска старший лейтенант Ворсенко! Вы нас простите за то, что так все вышло, мы старались, но, видно, не судьба. Очень

хотелось поймать эту гниду, ну и поторопились, видимо. Виноваты мы перед вами, и вас поставили. Еще раз извините.

– Жаль, что вы это поняли поздно. Мне нечего вам сказать, кроме того, что погиб, так нелепо, боевой офицер. Два года войны прошел этот человек, а дома его наповал. Плохо работаете, старлей. Никакой у вас нет боевой практики. До свидания.

Цветков опустил в гнездо телефонную трубку. Достал из пачки сигарету и стал думать, как составить докладную. В голову ничего не приходило, мысль о том, что Жени больше нет, он никогда не увидит его в своем кабинете и теперь ему не с кем будет здесь в этих стенах просто поговорить на любую тему, приводила его в ступор и какую-то необъяснимую, ледяную пустоту.

– К чему все это? Ковыряемся, как жуки навозные, в дерьме и никак не можем жить по человечески, но мы ведь не жуки, а разумные существа. Кто дал право этим сволочам убивать? От такой жизни можно и с ума сойти.

Через несколько минут в кабинет вошел Сергей Лось.

Генерал внимательно, не перебивая, выслушал водителя, делая несколько пометок в блокноте, сказал:

– Сергей у тебя своя, личная машина на ходу?

– Да, на ходу, в гараже стоит. А что?

– Пока ничего, а ты, наверно, голодный? Сходи, пока я тут пишу, в буфет и перекуси чего-нибудь. И потом будь в готовности ехать со мной к Жанне Александровне.

– Вы... что, товарищ генерал, сами поедете сообщать? – удивленно спросил Сергей.

– Да, Сережа, сам пойду. Надо бы с собой нам взять твою супругу Надежду, она врач и пусть захватит, что там в таких случаях надо, чтобы как-то снять шок и душевную боль. Созвонись и предупреди ее.

– Конечно, Владимир Иванович, она в неотложке больше пяти лет отработала. Знает что надо. Да и с Жанной они в подругах.

– Тогда ступай! Через полчаса жди в машине.

Как только за Лосем закрылась дверь кабинета, позвонил Марков.

– Товарищ генерал! Капитан Марков беспокоит. Эксперты свою работу закончили, погибшего майора Гарина увезли в районный морг. Я не хочу вас напрягать своими извинениями, но хотел бы с вами кое-чем поделиться, так как после случившегося вряд ли мы останемся в органах МВД, а ведь дело не раскрыто до конца. Назначьте мне место и время встречи. Хочется поделиться с Вами соображениями.

– Вы-то хоть знаете, что пойманный вами Шульц при попытке к бегству попал под машину и раздавлен?

– Нет, еще не докладывали.

– С такой связью и оперативностью вам лучше всего заниматься другим делом. Но я готов с вами встретиться. Когда можно на опоздание везти супругу Евгения?

– Завтра с утра.

– Вот у морга в десять часов и встретимся.

– Будет поздно. Надо встретиться сегодня, как бы это ни было тяжело.

– Хорошо! Тогда в кафе «Лилия», что на Лесной, знаете, где это? В двадцать один час. Я раньше не смогу.

– Спасибо! Я обязательно буду.

После доклада генералу Воронову о происшествии Цветков попросил освободить его от служебных обязанностей до пятнадцати часов следующего дня.

Воронов сказал пока подождать его, до возвращения от начальства. А минут через двадцать снова вызвал к себе в кабинет Цветкова, где объявил ему следующее:

– Владимир Иванович, вы пока отстраняетесь от работы, сроком на трое суток, с завтрашнего дня. Будет проведено расследование. Будет приказ. Послезавтра похороны майора Гарина. Заниматься, всеми вопросами по похоронам, поручено аппарату по работе с личным составом. Финансисты тоже в курсе дела. Кто будет оповещать супругу погибшего?

– Я поеду сам.

– Тогда передайте ей от меня глубокое соболезнование и всей семье.

Воронов на какое-то мгновение замолчал. Его густые седые брови нахмурились. Потом он как-то произвольно сжал виски указательными пальцами и тихо сказал:

– Такого парня потеряли! Идите, Владимир Иванович, и, если сможете на следующий день, после похорон, подъезжайте ко мне к восьми утра, минут на пятнадцать, а потом по своему плану. Я считаю, что нам надо обсудить кое-что, – и уже более жестко добавил: – прекратите заниматься всякими расследованиями, для этого есть МВД, ФСБ, МУР, СОБР, ОМОН и всякие другие организации, а не Генеральный штаб Вооруженных Сил. Идите, генерал.

Цветков повернулся к выходу, но остановился и, взглянув в сторону Воронова, сказал:

– А если по совести, Сергей Феликсович, то Гарин проявил мужество и героизм, и надо бы его к награде представить.

Воронов жестом руки остановил его.

– У нас уже имеется ходатайство от МВД на представление к ордену Мужества посмертно. Вопрос решен в верхах.

Квартира Майора Гарина была недалеко от метро «Беговая», в девяти – этажном светло-голубом доме на третьем этаже. И чем ближе они приближались к двери, тем сильнее колотилось сердце генерала. Казалось, оно вот-вот остановится, и тогда не будет его дальнейших испытаний, пропадут все прошлые и, наверно, там, где-то там, наверно, на небесах, будет легко, не то, что тут, на земле. Цветков посмотрел на часы – 19.15. Жанна должна быть дома, так как она работает в десяти минутах ходьбы и заканчивает в 18 часов.

Надежда, жена Сергея Лося, по профессии врач-терапевт в местной поликлинике, пришла к дому с небольшим специальным темно-голубым чемоданчиком. На ней была черная норковая шуба и шапка, шея и грудь прикрыты черным шелковым шарфом.

Цветков шел без головного убора, держа папаху в правой руке.

После первого звонка дверь распахнулась сразу. На пороге стояла Жанна в домашнем халате салатного цвета. Это была очень симпатичная женщина, на вид ей было около тридцати, хотя недавно они с Женей отмечали ей 38 лет. Но какие у нее выразительные, большие и голубые глаза! О, это не просто глаза, это море! Волосы, собранные в пучок на голове, тоже были на редкость пшенично-золотистые. И сливаясь с такого же цвета обоями в прихожей, сразу говорили о том, что в этом доме есть уют и гармония. Даже в тапочках Жанна была немало роста, с ее длинной и величественной шеи свисал на груди маленький золотой кулончик. Ее ровный носик, ее профиль губ напоминали богиню Нифертити. Характер Жанны Цветков знал хорошо. Они не один раз встречались на разных вечерах и вечеринках, а в этом доме последний раз Цветков был дня через два после похорон Марины. Его тогда вместе с Сергеем уговорил зайти к нему домой Гарин. Уехали они тогда часа в 23, просидев на кухне вчетвером часа три, не меньше. Жанна Владимиру Ивановичу всегда нравилась, было в ней какое-то заворавающее притяжение. В тайных своих мыслях он завидовал, наверно, молодому помощнику, но и радовался за них. Среди этой пары явно никогда не проскакивала черная кошка, казалось, они понимали, друг друга, молча. А вот Цветков тоже был женат, многими любим, но чувствовал себя часто очень одиноким и обделенным.

– Здравствуйте, Жанна Александровна! – сказал генерал.

Жанна улыбнулась и, в общем, то, на ее лице можно было прочесть некоторое удивление: – Как это, генерал забрел в их дом, без предупреждения Жени? Когда же она разглядела

позади генерала Сергея и рядом с ним грустную, а обычно веселую, Надежду, то, немного рас-терявшись, сказала:

– Здравствуйте! Проходите, пожалуйста, только Жени нет дома. И, обратив внимание на Надежду, увидев на ней все черное, кроме лица и рук, и почувствовав что-то неладное, попятилась назад.

– Что случилось, Владимир Иванович?

– Да, случилось. Можно мы пройдем? – сказал Цветков.

– Проходите, раздевайтесь по...жа...луйста, – и вдруг ее будто ударило током, и она зашептала, прикрыв губы ладонями: – Женя! Что с ним? Не молчите же вы!

– Евгений Александрович три часа назад погиб. Погиб при задержании преступника, – сказал Цветков и опустил голову, будто приготовил ее для удара саблей.

– Не...т! – вскрикнула Жанна. – Это ошибка! Где Женя? Где ваш помощник? Что вы молчите?

– Он в морге, – ответил Цветков, – пуля попала в сердце.

Слово «морг», видимо, сильно подействовало на Жанну, и она стала бледнеть, широко раскрывая глаза. Потом резко повернулась и побежала в комнату. Она устало опустилась на стул, закрыв лицо ладонями, и зарыдала. Надежда под села к ней и положила свою руку ей на плечо. Жанна внимательно посмотрела на нее и спросила:

– Надя, это правда?

– Да, Жанночка, правда. Горькая и страшная, правда. Вот, пожалуйста, выпей таблеточку. Жанна снова заплакала.

Цветков постоял, переминаясь с ноги на ногу и, получив от Надежды знак, уйти, полагаясь на ее опыт в таких случаях, позвал Сергея, и они вышли, молча из квартиры на площадку.

Цветков прибыл в кафе Лилия ровно к 21 часу. Справа у окна он сразу заметил Капитана Маркова. Появление генерала обратило внимание многих присутствующих людей в зале кафе, и Цветков почувствовал нелепость своего появления в форме.

Услужливому официанту генерал шинель не отдал, а сняв ее, бросил на соседний стул с Марковым, сев напротив капитана, сказал официанту:

– Спасибо, я не надолго, и принесите мне двойной, крепкий кофе, на ваш вкус.

Вы будете заказывать, Эдуард?

– Я уже заказал триста грамм водки, и закусить на двоих.

Цветков нервничал. Он, ничего не сказав, достал пачку «ЛД» и закурил.

Молчание нарушил Марков:

– Владимир Иванович, меня отстранили от проведения расследования. Я не пришел просить у вас прощения. Оправдания не помогут, но то, что случилось, то случилось. Мне очень жаль майора Гарина. Мы подставили Вас.

– Хреново, капитан! Я пришел на встречу с тобой потому, что считаю себя тоже причастным к гибели Гарина, – сказал Цветков и снова глубоко затянулся сигаретой.

– Владимир Иванович, но ведь я не просил у Вас людей. Я просил машину с водителем. Я виноват, что не дождался своих ребят, поторопился я, это признаю. Как получилось с Гаринным? Откуда он взялся?

– Гарин зашел в кабинет, когда я ставил задачу на выезд водителю. Женя смекнул, в чем дело и уговорил меня поехать с Сергеем. А я, как пацан, поддался на его уговоры.

– Вот и он мне тоже предложил свои услуги помогать в задержании. И я как-то согласился, считая его опытным боевым офицером. Но даже не в этом дело, он так убедительно предлагал свою помощь, что я не посмел перечить ему, дав возможность быть внизу на подстраховке. У него, наверно, был сильный дар убеждать. Я поставил его на первой площадке подъезда. И как он учуял спуск Шульца по веревке, я не знаю, скорей всего увидел через окно,

а потом выскочил из подъезда и попытался задержать верхолаза. Вы знаете, что он имел при себе ПМ? Он успел только сделать предупредительный выстрел.

– Наверно, это его наградной. Я не говорил ему брать оружие. Эх, вернуть бы все назад, да поздно. Как все нелепо вышло, – сказал генерал, мотая своей седеющей головой.

Официант принес водку и закуску, разлив водку в рюмки, откланялся и ушел обслуживать дальний столик.

Цветков и Марков, не чокаясь, выпили за погибшего майора.

– А кто возглавляет теперь расследование? – спросил генерал.

– Старший оперуполномоченный. Можно сказать, «Важняк», то есть по особо важным делам, полковник Сайга Юрий Николаевич.

– Ну, и как он?

– О нем я знаю мало, конечно это не Гуров и не Жеглов, но только то, что он важняк, это уже кое-что значит. А вообще-то о его подвигах я не слышал ничего: ни плохого, ни хорошего. Человек он немногословный. Вызвал меня в кабинет нашего полковника и с ходу задал два вопроса. Первый: почему при проведении операции не дождались оперативников, а использовали посторонних лиц при задержании? Второй: кто дал санкцию на арест?

– А ты что?

– А как вы думаете?..

– Думаю, что положительных ответов не было.

– Да, и еще, самое главное, что побудило меня, срочно с вами встретится.

– Почему? – Заинтересованно спросил Цветков.

– Сайга задал еще и третий вопрос.

– Какой?

– Какую роль в расследовании играет генерал-майор Цветков? Я стал думать. Дело в том, что ни наш шеф, ни мои помощники и напарники не знали о нашем с вами разговоре. И спросил он это как-то не просто.

– А в чем все-таки проблема? Я и сейчас готов помогать в расследовании. Во-первых, это дело чести, а во-вторых, так и будем все спихивать на милицию? Страна погрязла в хулиганах и бандитах, которых надо уничтожить всем миром. Конечно, в рамках приличия и закона, – усмехнувшись, сказал Цветков.

– Владимир Иванович! Дело в том, что такая быстрая информация носит характер связи не нас с вами, а человека из генштаба и нашего из управления. Вас под этот случай хотят убрать с дороги с помощью МВД, и мне кажется, в этом есть заинтересованные люди не только в этих структурах, но и в криминале. Похоже, мы потащили с вами, через случай в электричке, большой невод, где плавают такие акулы и крутятся очень большие деньги.

– Может быть, – Задумчиво произнес Цветков. Он вспомнил последний разговор с Тяжниным. А больше ничего сразу такого в голову не пришло. Но он решил пока ничего Маркову о своих подозрениях не говорить. Да и кто он теперь?

Теперь Сайга правит всем, и он добавил: – А что ты мне предлагаешь?

– Я просто хочу вас предостеречь. Если вы дальше сможете углубиться в расследование, а дело в том, что по расколке Шульца мы имеем запись, где всплывают дела и по угону машин, и по недвижимости, и за всем этим стоит управляющая крыша, а во главе ее очень влиятельная фигура и, может быть, не одна. А там где на кон поставлены большие деньги, там смертью пахнет и большой кровью, – закончил некурящий Марков и попросил у генерала сигарету.

– Это так серьезно?

– Серьезней некуда. Всплывает уже и автосервис на Щелковском, и шеф Шульца, некий Давид.

После некоторой паузы генерал тихо выругался и спросил у Маркова:

– Эдуард! А хватит у нас тогда сил и энергии довести дело до конца?

– Полковник Сайга его, мне кажется, доводить, и не собирается. Он не задал мне ни одного серьезного вопроса. Не поинтересовался ни одной версией и планами. А наш шеф толком ничего не знает, так как последние два дня был на каких-то сборах.

– Да... интересно, девки пляшут! А может быть все проще, мне бы только на первых порах достать остальных двух уродов, чтобы другу в глаза не стыдно было посмотреть.

– Владимир Иванович, у нас в кадрах уже, наверно, готов приказ на мое и Ворсина увольнение. Я отработал! Все!

Цветков пристально посмотрел на Маркова. Сам разлил остатки водки по рюмкам и сказал:

– Надо закругляться, капитан, а то я завтра тоже иду на ковер к своему шефу с самого утра. Что будет дальше, я не знаю, но знаю точно, что буду жить! А значит, бой не окончен, и мне терять честь офицера никак не к лицу. Я достану этих двух говнюков любой ценой. Карьера для меня всегда ниже дружбы.

– Да, такой дружбе можно только позавидовать. Но без помощи специалистов, поверьте моему тринадцатилетнему опыту, будет очень трудно. А главное – могут быть большие потери.

– Согласен! Мы вместе прокололись, а одному подавно легко.

– Я прошу вас правильно понять мое предупреждение и быть, как говорится, начеку. Вас могут убрать под предлогом мести за майора.

– Ну, ты, Эдуард, хватанул лишки. Убрать-то, конечно, могут, но я ведь не сыщик, тоже мне угроза для криминала, – улыбаясь, сказал Цветков и стал вставать, забирая свою генеральскую шинель.

– Вы себя недооцениваете, не каждый понимает, что с преступностью в стране должны заниматься не только органы МВД, но все, кому дорога человеческая жизнь.

– Все, капитан, заканчиваем, я поехал, будь на связи и, раз уж так все оборачивается, то не делись с вашими сайгами, шефами и друзьями о нашей беседе, а что дальше делать, решим завтра. До свидания.

Генерал уверенными движениями надел свою шинель и взяв папаху, устремился к выходу, где его в машине ждал очень грустный Сергей Лось.

Похоронили майора Гарина со всеми воинскими почестями. Перед опусканием гроба в могилу слово взял Цветков. Он был в парадной форме, по-зимнему. Февральский день на редкость был теплым и солнечным. Генерал с силой сжал свою папаху рукой и начал говорить:

– Евгений Александрович был прекрасным человеком и замечательным офицером. Вся его жизнь, короткая жизнь, несла всем, кто его окружал, тепло и заботу. Он, потомственный военный, прошел нелегкими дорогами войны. И сегодня мы прощаемся с тобой, дорогой друг, боевой товарищ и преданный нашей Родине человек. Мы сегодня прощаемся с героем, который вступил в схватку с преступником, уголовником, совершившим не одно тяжкое преступление. Он предотвратил ценой своей жизни дальнейшие убийства людей. Мы гордимся тобой, Евгений! Пусть земля тебе будет пухом! Прости, что не смогли прийти на помощь. Прости нас и прощай.

Губы генерала задрожали, и он, поцеловав Гарина, отошел от гроба, встав справа от Жанны Александровны и сидящей слева от нее на табуретке матери покойного, которую потом еле-еле оттащили от гроба сына.

Цветкова качало, как на волнах. Даже тогда, на этом же кладбище, когда он прощался с Мариной, ему не было так плохо, как сегодня. Цветков почувствовал, как слезы непроизвольно текли из его глаз. Цветков все-таки считал себя виновным и перед Жанной, и перед матерью, и перед сыном Евгения Александром, и перед всеми, кто любил этого человека. Он не находил себе оправданий, он их не искал.

Когда прогремел салют и все стали расходиться по машинам, Цветков предложил Жанне, ее свекрови и Саше поехать с ним в его машине. Однако Жанна отказала:

– Не беспокойтесь, Владимир Иванович. Мы поедем в «Рафике», там мои родители.

Садясь в машину, Цветков увидел, как к Жанне подошел Тяжнин. Он не мог слышать, что ей говорил его зам, но оттого, что он был рядом с ней, Цветкову стало не по себе.

Тяжнин, выразив соболезнование Жанне и всем родным, добавил:

– Я не смогу поехать с вами на поминки, срочно на службу вызывают.

– Это ваше право, Валерий Иванович, но это уже ничего не изменит, – грустно сказала Жанна.

– Да, извините меня, но все наши обязательно будут. Генерал Цветков считает себя виноватым в смерти вашего мужа, и это видно по нему. Он это признает, а это похвально. Мужественный человек смог признать свои ошибки.

– К чему вы это?

– Я предлагаю вам любую помощь, звоните, – Тяжнин протянул ей свою визитку и еще раз выразил свое соболезнование.

Жанна взяла визитку и молча, покинула полковника. В душе ее появилась какая-то необъяснимая тревога и еще большее напряжение.

– Почему Цветков виноват? Ведь его там не было. Выходит все не так. Женю послал генерал? Знал, на что посылал Женю. Какой же он подлец. Вот почему он несколько раз просил прощения.

На поминках главную речь от сослуживцев произнес второй заместитель Цветкова полковник Берестов. Генерал не стал говорить. Ему было очень неудобно и так тяжело смотреть в глаза Жанне. И вообще кололо то под лопаткой, то в груди. А Жанна пыталась взглянуть в его глаза и все больше приходила к выводу, что в смерти ее мужа виноват не только убийца, но и генерал Цветков. К чему бы это Тяжнин сделал такой откровенный намек на виновность Цветкова? Видимо, офицеры сами осуждают своего начальника.

Дома на Владимира Цветкова накатила такая тоска, что он не знал, куда от этого деваться. Порой ему казалось, что кто-то постучал в дверь. Наверно, Марина, задержавшись, забыла ключи и сейчас, появившись на пороге, скажет:

– Ну что, Цветков, хорошо тебе без меня?

И тогда бы он рассказал ей, как он помог найти Виктору сына, как ранили Виктора, когда он ехал к нему на встречу, и как сегодня он чувствовал себя, как никогда, плохо на похоронах, и то, что он сегодня не знает, что будет завтра, а завтра нормального уже ничего не будет. Нет его друга и помощника майора Гарина. Он проявил мягкотелость и близорукость. Не смог оценить сложившуюся обстановку. Конечно, в Афгане у него не раз были угрызения совести, но там была война. Когда-то, еще в молодые годы, один фронтовик сказал ему, что самооценка любых своих действий должна быть честной для самого себя, но от этого не стоит мучиться на людях, они все равно не поймут твою зубную боль. Надо мужественно пережить и, если есть возможность исправить ошибку, то ее надо исправить.

Ночь прошла в тревоге и бессоннице. В 6.45 приехал Сергей. Он был хмур и подавлен. Видимо вчера взял на грудь немало спиртного и, пожалуй, тоже не выспавшись, выехал к Цветкову. А может быть, он чувствовал себя не в своей тарелке, которую, не исключено, сегодня разобьет более старший начальник.

В кабинет начальника управления Цветков постучал в 7.30. Воронов предложил ему лечь в госпиталь на предмет увольнения по состоянию здоровья.

– Но я здоров! У кого в наше время не хватает сердечко? В целом у меня нет особых проблем со здоровьем, – пытался возражать Цветков.

– Владимир Иванович, я попытался уговорить начальника на объявление выговора, однако сверху настаивают на твоём увольнении и лучше всего – по состоянию здоровья, так как сохранится ещё возможность в последующем вернуться на службу, даже и в штаб.

– Но почему меня не перевести в войска?

– Володя! Ты посмотри, что творится в Чечне, да то ли ещё будет. Ты хочешь замкомандующим Армии в СКВО? Так и там все должности заняты. Я пытался убедить руководство подобрать тебе должность, но кадры сказали, что есть распоряжение положить тебя в госпиталь на обследование. Я думаю, нам надо выиграть время, все уляжется, а потом будет видно.

– Хорошо! Я все понял. Кому передавать дела?

– Как кому? Тому, кто все знает не только по отделу, но и по тебе лично. Полковнику Тяжнину.

– У меня есть просьба. Я хочу съездить навестить свою дочь во Владимире. Дайте мне три дня, а потом уж в госпиталь.

– Хорошо. В приказе прибытие в госпиталь будет через пять дней. Через полчаса забережь выписку из приказа. Сдай дела Тяжнину.

– А как кабинет, вещи?

– Кабинет пока останется за тобой до выписки из госпиталя. Можешь ничего не забирать. Дадут команду – всегда успеешь забрать. Ещё не все решено.

Пожимая руку Цветкову, Воронов сказал:

– А вообще-то жаль, что так получилось. Такие опытные офицеры не должны уходить в запас в таком возрасте. Будем надеяться на хороший исход. И, пожалуйста, Владимир Иванович, не связывайся больше с милицией. Подставят они тебя. У них законы в руках, и они знают, как их применять. Пойдешь против, то против тебя и применят.

– Спасибо за откровенность, понимание и защиту. До свидания.

Цветков взял со стола свою папку и, чуть сгорбившись под тяжестью услышанного, вышел из кабинета: «Вот и все! Конец военной карьере. Госпиталь двадцать дней, а там, что там, пока не понятно. Кому я нужен со своим опытом и званием? У меня есть ещё пять дней».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.